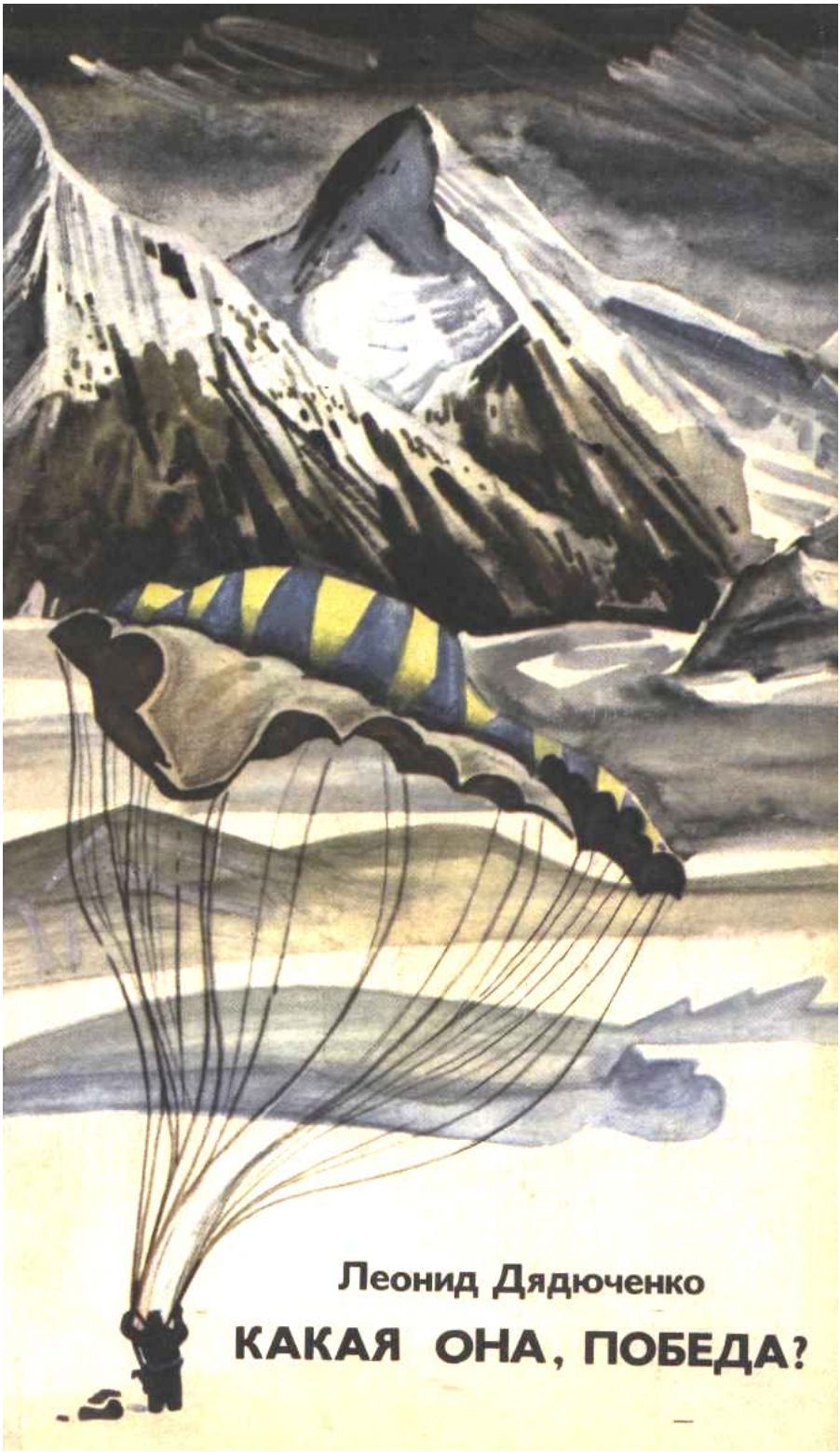
Леонид Дядюченко

КАКАЯ ОНА, ПОБЕДА?

ozon.ru

SHOUT
SHARE
IT



Леонид Дядюченко

КАКАЯ ОНА, ПОБЕДА?

Леонид Дядюченко

КАКАЯ ОНА, ПОБЕДА?

Художественно-документальная повесть

199
Библиотека
Виталия
Томчика

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

3

Леонид Борисович Дядюченко — автор нескольких книг стихов и

документальной прозы, а в 1974 году в издательстве «Молодая гвардия»

вышла его первая книга, включающая художественную повесть «Скарабей»,

давшую название всей книге, и несколько рассказов. В этом же году повесть

«Скарабей» была удостоена Почетного диплома и памятной медали на

Всесоюзном конкурсе имени Николая Островского.

Геолог по образованию, журналист, писатель по профессии, Л.Б.

Дядюченко много ездит, особенно по Киргизии, где живет и работает.

Героем его книг всегда был рабочий человек, влюбленный в свой горный

край, верный своему призванию, совершающий трудовые и спортивные

подвиги.

В повести «Какая она, Победа?» автор остается верным своей теме:

события, происходящие в повести, — это преобразование природы, борьба

человека с суровой стихией гор, борьба с собственной слабостью, в

результате чего приходит трудная, выстраданная, но огромная и

незабываемая победа!

Здесь нет ни одной придуманной ситуации. Повесть эта — правдивый

рассказ о верхолазах-монтажниках, гидростроителях, о парашютном десанте

на Памир, о покорении альпинистами одной из высочайших вершин СССР —

пика Победы; рассказ о могучем, непреодолимом и бескорыстном

стремлении советских людей — наших современников, представителей

разных социальных групп нашего общества — к вершинам.

4

Есть упоение в бою,

И бездны мрачной на краю...

……

Все, все, что гибелью грозит,

Для сердца сметного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.
А.С. Пушкин

ТОХА

Нелепый случай! Нет, это не то слово, тут и сказать нечего, только
руками развести, если бы нашлись силы в то мгновение разводить руками.

Он вскрикнул, такая острая боль, такой пронзительный хруст оглушили, бро-
сили пластом на землю, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни утереть
разом выступившие слезы.

Сразу никто не понял, что произошло. Ваня бросился поднимать, и тогда
он застонал снова.

— Балинский, ты что, Балинский?

Это Эля. Уж она-то знает, что, если он не смог сдержаться, значит, дело
серьезное. Повернул голову, с усилием приоткрыл сведенные болью глаза.

Перед самым лицом растерянно переминались заляпанные сырым песком
кеды Вани Морозова, обескураженного случившимся. Надо найти силы и
приободрить парня, дескать, ерунда, все в порядке, не переживай. Но какая
уж тут улыбка, боль и злость, ничего другого, даже воздуха, комом
вставшего поперек горла, не продохнуть.

Из черной, едва оттаявшей земли торчали бледные иглы новорожденных
трав. На их острия нанизывались влажные хлопья вновь закружившегося
снега. Это он снежинка, нанизанная на лезвие зеленой, всепоглощающей
боли. Все гудит. Все дрожит. Потом догадался, что это не от боли, что это
земля передает движение самосвалов, летящих с гравзавода

по недалекой

бетонке. Машины проносились, дрожь и рев стихали, боль оставалась.

5

Было мокро, под спину подложили штормовки. Он еще рассчитывал

отлежаться. Даже сказал, чтобы ребята продолжали разминку — не срывать

же занятия из-за того, что кто-то потянул мышцы! Конечно, это всего лишь

растяжение. Есть такое упражнение — «вешать соль». Спина к спине, руки

захлестнуты, то ты, нагибаясь, взваливаешь партнера на себя, то партнер то

же самое проделывает с тобой. То ли резко поднял ноги, то ли Ваня

переусердствовал, слишком подавшись вперед, но вдруг почувствовал, что

летит через голову и что вывернуться как-то перед ударом о землю уже не

успеет.

— Балинский! Тоха! Ну что ты?

Вот тебе и начали. Все стояли вокруг с траурными физиономиями,

ошеломленные столь непривычным видом его полной беспомощности, не

зная, чем и как помочь. Даже «скорую» никто вызвать не догадался. В голову

никому не пришло, что ему, Балинскому, может понадобиться «скорая

помощь». А он все никак не мог приспособиться к такой непомерной боли,

подлаживаясь то дыханием, то напряжением мышц, то подкладывая под

спину кулак, то затаившись, выжидая, когда она отступит все-таки, ну

сколько может длиться такая сумасшедшая, нечеловеческая боль?..

Потом его повели домой: Эля с одной стороны, Ваня Морозов с другой.

Прохожие нет-нет да и усмехнутся понимающе: встретил, дескать, парень

конец рабочей недели, успел! Но ему не до этих усмешек,

добраться бы до

дому! От стадиона до Седьмой площадки два шага. В одно дыхание

вымахнуть по лестнице на подъем, а там второй дом от угла, первый подъезд,

второй этаж. Когда с собой не оказывалось ключей, ему ничего не стоило

попасть в дом через балкон, даже нравилось это. Два-три точных движения,

подтянулся — и дома. Но так было вчера, сегодня утром, полчаса назад.

Сейчас он виснет на заботливо подставленных плечах, и в глазах темнеет,

словно идет бог знает на какой высоте.

Стянул поясницу свитером — это позволило переставлять ноги.

Вытерпел подъем от моста через еще не набравшую силу Каиндинку, одолел

лестницу на второй этаж. Тут постояли. И дух надо перевести, и сообразить,

как войти втроем, как поместиться в прихожей. И без того узкая, она была

вся увешана рюкзаками, завалена спальными мешками, ботинками,

ледорубами, бухтами веревки и репшнура, напоминая склад спортивного

инвентаря, подсобку пункта по прокату снаряжения, но уж никак не

прихожую квартиры из двух комнат с кухней и пресловутым санузлом.

Санузел тоже забит горными примусами, связками карабинов и крючьев,

аккуратными тючками палаток, касками, кошками, всем прочим, что может

понадобиться в горах целой группе людей, понимающих толк в своем деле.

Горы были везде. В гостиной и в спальне. На фотографиях и на

магнитофонной ленте, в коробочках с диапозитивами, в окнах, куда бы они

ни выходили, даже в трудовой книжке. Это не было нарочитым, так по-

лучалось. Кто-то дарил картину, и она водружалась на стену. Кто-то
привозил книги, и они ставились на книжную полку. Но на этой картине
были горы, в книгах были горы...
Он долго стоял у стены, держась за трубу отопления, совершенно не
представляя, куда и как будет ложиться. На тахту? Нет, нельзя, слишком
мягко. На пол? Пожалуй, но как согнуться? В конце концов, с помощью Эли
получилось и это. Вот только утром долго ничего не могли сделать, когда на
вызов вместо больничной «Волги» с удобными для такого случая задними
дверцами и выдвижными носилками к дому подрулил «Москвич»,
посланный как нарочно и только для того, чтобы показать, на что он,
Балинский Анатолий Павлович, 1934 года рождения, русский, коммунист,
слесарь-монтажник участка бетонно-опалубочных работ Управления
основных сооружений Нарынгидроэнергостроя, кандидат в мастера спорта
по альпинизму, теперь годен.
Рентген показал: компрессионный перелом двенадцатого позвонка.

7

НА ЩИТЕ

Американец Рэнд Геррон благополучно спустился с устрашающей
Нанга-Парбат. Возвращаясь с Гималаев через Каир, он разбился на пирамиде
Хефрена, оступившись там, где проходят тысячи туристов...
Евгений Абалаков. . Этот известнейший советский альпинист погиб в
своей московской квартире. Не на войне, не на семитысячных высотах
Памира, впервые покоренных именно им, — у себя дома. Из-за неисправной
газовой горелки.
Лешу Страйкова Балинский знал не понаслышке. Один из

первых в

Киргизии мастеров по альпинизму, этот кинооператор вышел живым из

тяжелейших испытаний на Победе и погиб на городском асфальте в центре

города под колесами вывернувшейся из-за угла шальной машины...

Случайность! Слепое стечение пустячных обстоятельств! И все планы,

труд многих дней, многих лет, то, что далось предельным напряжением воли,

а то и отказом от необходимых для каждого человека благ, радостей жизни,

— все летит к черту!

Он лежит на щите, на вытяжке, лежит прямо на спине и глядит в

потолок. Больше-то некуда смотреть, только в потолок. Наискось, с угла на

угол над ним тянется тонкая сеть трещины, и эта сеть напоминает абрис

горной вершины. Он видит Победу. Он разглядывает ее то как бы из лагеря

на леднике Диком, то словно с перемычки перед Хан-Тенгри, он мысленно

раскладывает перед собой пасьянс различных фотографий, вновь и вновь

примериваясь к массивным взлетам ее станового хребта, к сумрачной

цитадели вершинных скал, вечно объятых космами вьюг и снежных флагов.

Конечно, он и раньше думал об этой горе. Но все это были туманные,

предположительные мечтания, пока два года назад не испытал себя на самом

высотном маршруте страны — на пике Коммунизма. Следующей ступенькой

могла быть, по логике вещей, только Победа. Не обломится ли теперь под

ногой эта ступенька?

. .Такие дела. Исмаилов говорит, что если он, Балинский, будет себя

хорошо вести и выполнять все предписания, то месяцев через

пять-шесть

будет совершенно здоров. В том смысле, что сможет ходить даже без

корсета, а может быть, и вернется к работе. Но, разумеется, не к прежней. О

створе надо забыть. Никаких гор, никаких нагрузок, если нет желания

отправиться прямиком на тринадцатую площадку. Исмаилов Яшар Газиевич

главный хирург больницы и, надо полагать, знает, что говорит. Тринадцатая

площадка — это кладбище. Седьмая площадка — жилой массив на

правобережье Каиндинки. Шестнадцатая площадка — это почти створ.

Площадкой в Кара-Куле называли любой мало-мальски ровный клочок

земли, где могли разместиться какие-то объекты, строительные

подразделения, дома. Иные площадки отвоеваны у гор взрывчаткой,

бульдозерами, и все они наперечет. Теперь вот и у него площадка появилась,

персональная. Больничный стол.

Толя лежит на столе и смотрит на трещину. Прав главврач. Не пора ли

кончать с этими горами, взрослый человек, не мальчишка, а чуть что — горы,

горы, а что это дает? Сам, как говорят, выше слесаря не поднялся. Жена,

дипломированный техник-геофизик, работает на складе ВВ, потому что

после каждой смены получает три свободных дня и, значит, лишнюю

возможность выбраться в горы.

Квартира — проходной двор. Одеваются тоже не поймешь как. Элю в

платье никто не видел: пуховки, штормовки, бриджи, брюки, да и есть ли у

нее платье?

Через пять-шесть месяцев он встанет на ноги. А что будет через пять-

шесть месяцев? Да, это будет август, парни пойдут на гору. Гена Курочкин

прислал письмо, их экспедиция планирует Победу сразу по нескольким
маршрутам. И не только Победу. Не только москвичи будут в экспедиции,
приглашаются и они, «киргизы», та же четверка, что в 1968 году. Уже
составлены списки, в них фигурирует Толя Тустукбаев, Володя Кочетов,
Женя Стрельцов и он, Балинский. Так что готовься, Тоха, впереди Победа.
Готов!

9

СКОЛЬКО ВЕСИТ СОЛЬ!

А ведь он в самом деле начал готовиться к Победе. Даже на Кашак-Су
сходили для начала. Кашак-Су — это в Ферганском хребте, километрах в
сорока от Кара-Куля, за Березовой рощей. Гора простенькая даже с севера, но
только не в феврале. Снегу оказалось столько, что к шести вечера они с Элей
едва-едва выбрались под предвершинные скалы, а всю группу пришлось
оставить вовсе под гребнем. Да и сами до вершины не дошли, хотя остава-
лось не больше ста метров. Прикинули, не получается по времени, ну и
отказались. По своим следам быстро скатились к группе, повели ребят вниз.
Уже в сумерках из-под ног ушла небольшая лавинка, впрочем, достаточная
для того, чтобы кто-то от неожиданности охнул, а недовольная воркотня
сторонников борьбы до победного конца заметно поприутихла. Но внизу, у
костра, когда штормовки перестали звенеть, а шнурки ботинок стали гнуться
и поддаваться рукам, воркотня началась снова. Перешла в дискуссию. О том,
что такое смелость. О том, где благоразумие переходит в трусость.
Высказывалось недоумение, дескать, как это так, называются

мастерами

спорта или там кандидатами в мастера, на Кавказе были, и на Памире, и на

Центральном Тянь-Шане, а перед такой пустяковой вершиной спасовали, а?

Балинский отмалчивался. Для себя он решил эти вопросы пятнадцать

лет назад. Но новички ждали ответа, и Балинский скучным голосом начал

проводить воспитательную беседу. О том, что пустяковых вершин не бывает.

Что большинство несчастных случаев приходится именно на такие вот

«пустяковые». Что восхождение было учебным, и главная цель достигнута. В

пятницу тренировка, и ему не очень бы хотелось, чтобы кто-то пришел на нее

с обмороженными ногами. Жареных альпинистов ему видеть как-то не

приходилось, а вот помороженных сколько угодно!

В пятницу, 27 февраля, сразу после работы собрались на тренировку.

Собственно, это и было началом регулярной подготовки к лету 1970 года.

Немного побегали. Принялись «вешать соль». Очень неплохое упражнение

для брюшного пресса, плечевого пояса, для спины. А если еще «уголок»

сделать да носки оттянуть, как на перекладине, да. .

Черт возьми! Елки-палки! Ну почему так упорно, так систематически, из

года в год не везет?!

ЭТО НЕ БЕДА

Из года в год? Ну это, наверное, сильно сказано, хотя в прошлом году

ему действительно очень не повезло. Он запросто мог бы жетон мастера

спорта заработать, если б в Каракол поехал. Люди за траверс третье место

получили, бронзовые медали привезли. А это шесть баллов,

те самые,

которых ему недостает до мастерского звания. . И ведь хотел ехать с

ребятами, тем более что Эля тоже шла на траверс! Что говорить, он

обязательно был бы с ними, если б не тот нелепый срыв!

Альгис виноват! Ага, вот кто виноват, Альгис! Толя был дома, поил

чаем заглянувших на огонек гостей, когда уже поздно вечером в дверях

появился Альгис Видугирис, сразу же и без всяких извинений перейдя к

делу. Он снимает фильм... Да, художественный. Это будет фильм... Словом,

Чоро — это такой человек. Все люди как люди, а этому, видишь ли,

интересно, что там, на скале, блестит. А скала высокая, даже Чоро — на что

уж охотник и по горам привык ходить, — и тот подняться не может. И он

строит лестницу. Лестницу в небо! Он забивает клинья в скалы, вяжет

перекладины и лезет, лезет вверх! Но лестница рушится, Чоро падает, да и на

той скале ничего, кроме птичьего помета, нет, понимаешь! Черт с ним, все

это не беда. . Кстати, неплохое название для фильма, а? «Это не беда!» Как

считаешь?

Альгис уговорил. Во-первых, потому что это был Альгис. В Кара-Куль

вдоволь поездило разного репортерского народа, но все это были рыцари на

час, на день, на неделю, а Альгис Видугирис, оператор и режиссер студии

«Киргизфильм», считался своим. Он много снимал на створе, подолгу жил в

Кара-Куле, всех знал. А все знали Видугириса. Его уважали за настырность,

за умение работать, за готовность в любое мгновение в каске, в потрепанной

кожаной курточке, с камерой и поясом для страховки лезть

по стене,

болтаться в воздухе над Нары-ном, плыть по Нарыну на самодельном плоту,

лишь бы только снять картину так, как хочется и как еще никто не снимал.

И тогда Альгису понадобился Балинский. Скалу Альгис нашел где-то в

ореховых лесах близ Сары-Челека, в Арките. И вот нужен человек, кто смог

бы построить на эту скалу лестницу. Лестницу в небо. Разве это не по части

Балинского? И еще нужно поработать дублером. Поиграть в Чоро. В

браконьера. Полазить по крутизне. Свалиться в речку. Словом, возможности

большие. Впрочем, обычные для каскадера. Вот еще одна профессия будет, а,

Толя? По рукам?

Что ж, Толя согласился. Для Альгиса. Ну и для себя, конечно. Его всегда

незнакомое дело влекло, а тут само в руки просится, можно и глянуть. Одно

смущало. В июле сборная киргизских альпинистов шла на траверс

четырнадцати вершин хребта Терскей Ала-Тоо, и этот маршрут был заявлен

на первенство страны. Но Альгис к июлю обещал эпизоды со скалой отснять,

и, таким образом, все складывалось как нельзя лучше — Толя успевал.

Кого-кого, а Толю Балинского никак в излишней доверчивости

упрекнуть нельзя: и хмыкнет в ответ на самые клятвенные обещания, и

коэффициент соответствующий введет, поправку на «ветер». Но тут и его

коэффициентов не хватило — не знал он киношников! Даже Альгиса Ви-

дугириса. Пылало лето. Плавились на вершинах Терскея июльские снега.

Терпеливо одолевали «бронзовый» маршрут товарищи по сборной, а он,

Балинский, жарился, как шкварка, на макушке раскаленной конгломератовой

скалы в Арките и, чертыхаясь, в который уж раз кричал:

— Так, что ли?

В руках у Толи большое зеркало. Он должен направить солнечный

зайчик точно в объектив кинокамеры. Кинокамера и Альгис находятся в

зарослях на дне ущелья, в котором, наверное, куда прохладней, чем здесь, на

солнцепеке. Ну киношники! Сначала просили только навесить лестницу!

Только залезть на скалу! Только затащить зеркало, только немного

посветить, кто еще это сделает? И все не так. Надо все повторить. Еще и еще

дубль, а конца им нет. То солнце справа, а нужно слева. То солнце слева, а

нужно справа. То нет облачка. То есть облачко. То тайганы охотника Чоро

разленились и не хотят бежать. А если бегут, то совсем в другую сторону. А

потом и вовсе сбежали, и их никак не найти, и без них нельзя, ведь начали

снимать именно этих собак. Ассистент режиссера в слезах. И это самые

натуральные слезы. А Альгис невозмутимо покуривает возле камеры, и, пока

облачко не передвинется так, как того требует композиция кадра, Альгис

мотор не включит. Время идет, в небе штиль, облачко дрейфует на месте.

Толя чертыхается, встает, поднимает зеркало над головой и, убедившись, что

за ним наблюдают, швыряет зеркало вниз.

Эхо разносит объединенный вопль съемочной группы. Ведь другого

зеркала нет, и, значит, сегодня работа сорвана. Кто хватается за голову, кто

ввинчивает окурок в трещину скалы, а Толя доволен. Нет, отыгрался. Отвел

душу. Это вам за сроки, за сорванный траверс, за то, что без меры гоняли по

этой конгломератовой стене, наверное, полагая, что для

Балинского это как

семечки грызть. А он, Балинский, тоже не муха, ему, как всем, не так и легко

по потолку прогуливаться. Да и перфоратор не детская погремушка. И скала

вон какая, за что ни возьмись, сыплется, каждую опору нужно сделать:

забурить шпур, забить деревянную пробку, забить стальной анкер, подвесить

лесенку. Ту, которая вам нужна... Как иначе?

— Так, что ли? — снова кричит Балинский. Группа вскакивает на ноги.

Альгис сдвигает кепочку на глаза, а Балинский с безразличным видом

направляет в объектив камеры предусмотренный сценарием солнечный

зайчик, Альгис ничего не понимает. Откуда зеркало? Ведь Балинский его

раскокал, вон осколки блестят! У подножия!

Балинский смеется. Злая, конечно, шутка, да как было удержаться? Даже

зеркало ради этого другое нашел. Наверх не поленился захватить. Кстати, что

за примета, если разбить зеркало? Что за знак неба — сухая гроза? Ну и гроза

была в Арките! Никогда такой не видел. Такие черные, такие грозовые тучи,

вот, думал, ливень будет, все зальет! А ни капли. Только молнии. Одна

померкнуть не успела, бьет другая, так бьет, что кажется — горы горят. И

гром, да такой, хоть пятый угол ищи. . Угол не угол, а к перфоратору

бросился. Тот на стене висел. Снять, швырнуть куда-нибудь понадежнее:

ударит молния, чем работать?.

А потом было вот что. Вскоре после грозы. Работал на своей скале,

понадобилось попасть на узкую полочку, которая была чуть ниже, метрах в

двух, на другой стороне расселины. Он, в общем, осторожен в горах, когда

других ведет. На «вы» с горами. А когда один остается, случается, и на «ты»

перейдет, чего уж там! Была страхующая веревка. Были грудная обвязка и

схватывающий узел. Ослабил узел, взялся за веревку и прыгнул. На полочку.

Должен был попасть. Вот же она, рядом! И промахнулся. Полетел вниз.

Опустить руки? Довериться схватывающему узлу? Но метров пять уже

«просвистел» по основной веревке, вдруг репшнур пережгло? Нет, нельзя

руки разжимать, руки должны вытерпеть!

Он прожег до кости ладони, оставляя на веревке кожу и кровь. Но

пальцы не разжал. Встал на ноги, замахал руками — это пришла боль.

Подоспели ребята. Решили, что Балинский показывал «класс», и поспешили

выразить восхищение. Увидев руки, охнули, бросились за аптечкой и извели

все запасы бинта.

— Это не беда, — только и оставалось сказать Балинскому, — так, что

ли, Альгис?

А сам страдал. Не только от боли. От досады, от злости на себя, на

«невезуху», на то, что «пропало лето». Работать нельзя, он изнывал от

безделья, а возвращаться в Кара-Куль тоже не имело смысла, да и стыдно:

отличился! Лучше бы уж поехал в экспедицию. «Мастера» бы выполнил!

Ему, собственно, безразлично, мастер он или не мастер, но других это

почему-то живо интересует. Дескать, сколько лет занимается, а все кандидат.

14

Может, это потолок для него? Предел? Надо бы их разубедить. Тем более что

нет в этом никакой проблемы. Шесть «пятерок» нужно для мастерского

звания. А у него их двенадцать. Ему баллов не хватает. А для

высоких

баллов, присуждаемых за участие в первенстве, мало сделать хорошее вос-

хождение. Надо, чтобы еще немного и повезло.

ВАНЯ МОРОЗОВ

— Кто здесь Тоха? А, это вы, Балинский? К вам. Только на минуту. И

вообще Яшар Газиевич сказал, что если эти хождения не прекратятся. .

Интересно, что будет, если хождения не прекратятся? А ведь они не

прекратятся, только начались. Еще не все знают, что Балинский спину

сломал, но ведь узнают! А прийти есть кому, шесть лет на стройке,

назнакомился. Бушман как-то подсчитывал — человек шестьсот прошли

через курсы скалолазов. А готовили кто? Володя Аксенов да они с Элей. Есть

крестники. Успевай, нянечка, дверь открывать.

Нянечка отступает в сторону, в дверях появляется Морозов. Ваня хмур,

озабочен, то и дело приглаживает жесткий ежик рыжеватых волос. Ему явно

не по себе. Он все еще считает себя виновным в случившемся, а когда Ваня

волнуется, его прибалтийский акцент становится заметней. Он из Риги.

Работал монтажником на рижских стройках, занимался альпинизмом. Когда

в газетах замелькали названия Нурека, Ингури, Нарына, решил ехать. Куда?

Конечно, в Киргизию. Тянь-Шань! Этим все сказано. Ведь там Хан-Тенгри!

Пик Победы! Мраморная стена!.

Ваня приехал в Нарын. И тут только обнаружил, что город Нарын и

ударная комсомольская стройка на Нарыне далеко не одно и то же. Именно

далеко — километров восемьсот, если ехать машиной вкруговую через

Рыбачье и Фрунзе, огибая чуть ли не весь Тянь-Шань. В

Нарыне строили
другую станцию, совсем небольшую по сравнению с Токтогульской, хотя
тоже среди гор, в диком, сумрачном каньоне реки Ат-Баши. А вокруг было,

раздолье Внутреннего Тянь-Шаня, не тронутое ни альпинистами, ни туристами, населенное чабанами, геологами да охотниками — ходить да
ходить!

Так рижанин Морозов попал на строительство Атбашинской ГЭС,
известной разве что в Киргизии, да и то не всем. Он навешивал трапы, чтобы
люди могли подняться в труднодоступные места створа, обирал скалы от
ненадежных камней, а в свободные дни отправлялся в горы, благо они
вставали сразу за крайними бараками. Единомышленников не было. Хотя
основное
население
поселка
и
составляли
так
называемые
«вольнохожденцы», никакой романтической тяги к вольному хождению по
окрестностям они не проявляли. «Дались эти горы! Век бы их не видеть».

И Ваня ходил один. Пока, наслышавшись о Кара-Куле, не затосковал.

Он все чаще стал думать о переезде, но уволиться было трудно, почти
невозможно. Просьбы о переводе в Кара-Куль воспринимались как
дезертирство с трудного участка. Перебраться удалось только через год, да и
то со скандалом. Воспользовался командировкой. И когда увидел
Токтогульский створ, стену левого берега, задания, которые

выполняют

скалолазы участка освоения склонов, в Ат-Баши не вернулся. Ладно, он

согласен ходить в дезертирах, если только по таким спецзаданиям.

С Балинским познакомился просто. Даже не вспомнить как. Тем более

что Балинский не из тех счастливых людей, которые очаровывают с первого

взгляда. Не всем нравится он и со второго. Что ж, Морозов приехал не ради

каких-то симпатий, главное, створ, скалолазание, вершины. А этим Толя как

раз и занимался. Уже через несколько восхождений Морозов установил

следующую закономерность, определившую отношение к товарищу раз и

навсегда. Он разный, Балинский. И те, кто знает его по поселку, они не знают

его. Но чем выше гора, чем труднее приходится людям, тем спокойнее,

мягче, деликатнее становится Толя. Ни суеты, ни крика, только собранность

и чуткое желание прийти на помощь, готовность выйти вперед, взять на себя

самое трудное и тут выложиться до конца, сделав даже невозможное.

16

Как-то раз Ваня заметил, что Балинский не пьет на маршруте холодную

воду.

— Простыть боишься? — спросил Морозов.

— Боюсь, — ответил Балинский, — я заболею, а кто-то должен будет со

мной возиться, сойти с маршрута. Совесть надо иметь...

Ваня уходит, а Балинский смотрит ему вслед. И завидует ему. И

теряется в догадках, откуда у этого человека такая сила воли, такое

настырное желание добиться своего? Он, Балинский, так не может. Не

хватает его на все. После работы, едва доберется домой, едва умоется и по-

ужинает, глядишь, надо бежать на занятия, садиться за книгу, а сил на это

нет. Едва ли он сам поступил бы в вечерний строительный техникум, ребята

заставили. Но как выдержать? Он засыпает над книгой, засыпает на занятиях.

Конечно, все «вечерники» работают, но ведь работа работе рознь!

Ну а Иван? Он тоже работает на створе. Вместе, в одной связке

спустились они прошлой осенью по пятисотметровой стене левого берега.

Вместе наводили переправу через Нарын в районе шестнадцатой площадки.

Вместе занимались разведкой неустойчивых массивов, ходили на съемку с

геологами. А что значит выйти по спецзаданию с геологами? А это значит,

что надо доставить в заданную точку группу специалистов со всем

необходимым им инструментом. А эта точка — вертикальная плоскость

известняковой плиты, отшлифованной до глянца камнепадами и водой. А под

нею двести метров высоты, и камень, выпущенный из разжатых пальцев,

падает прямо в Нарын, даже не коснувшись скалы.

Вспомнить только, как с Ваней Морозовым бродили однажды по самой

хребтовине гор Исфанджайлоо, как, ликуя, шли по плавным увалам

вознесенных над миром и еще не стравленных отарами альпийских лугов,

мимо зеленых, словно затаившихся в этих лугах озер, выдававших себя разве

что снеговыми отражениями далеких вершин и многобашенных облаков.

Вспомнить, как перевалили в Кен-Коль, как метров шестьсот с отчаянной

скоростью глиссировали по оставшемуся с зимы снежному желобу, как со

всего маху, без всяких переходов врезались в разливанное

море цветов, таких
разных, чистых, безымянных и ничуть не гнетущих друг друга, какие бывают
только на альпийских лугах, таких вот высоких и отдаленных, как
Исфанджайлоо!
А как забыть холодную ночевку на Баубаш-Ата? Почти у самой
вершины? Как всю ночь пришлось ворочать камни, бросать их вниз, чтобы
согреться? Иногда казалось, что камни летят прямо в светящиеся рои желтых
искорок, мерцающих в черных омутах ночных долин. Но камнепады
затихали тут же, у подножия, а ночные огни казались далекими мирами, до
которых бог знает сколько световых лет. Трудно поверить самому себе, что
ты бывал в этих галактиках, знаешь их по названиям, жил в них, а то и
живешь сейчас, хотя бы вон в той, чье зарево едва-едва проступает из-за
могучей спины хребта Исфанджайлоо. Там Кара-Куль. Здесь, по эту сторону
гребня Баубаш-Аты, млечный путь Ферганской долины с созвездиями
Майли-Сая и Таш-Кумыра, с пылающими туманностями Джалал-Абада и
Оша. Как пожалеть об этой холодной ночевке? Как счесть ее за досадную
оплошность и неудобство? Мало ли их было, вполне комфортабельных и
благополучных ночлегов, остались ли они в памяти?
С ним, Ваней Морозовым, били они «наклонку» к проклятому всеми
изыскателями и проектировщиками сорок шестому массиву. Все очень
сомневались в его устойчивости, и тогда понадобилась разведочная штольня
метров на пятьдесят от третьего яруса. А ведь выше третьего яруса вода в
трубах не поднималась, и, значит, все сто погонных метров штольни надо
было бурить всухую. То есть вся пыль твоя.

Штольня разведочная и к строителям, а тем более к скалолазам-

монтажникам прямого отношения несмела. Но изыскатели испытывали

острую нехватку людей, и соседи пришли за помощью.

—Ну, братцы, кто смелый?

Взялись Балинский и Морозов. Вызвались прежде всего потому, что

никто из них никогда не был проходчиком, не был взрывником. Не были?

18

Значит, надо попробовать.

И еще одно подстегнуло. Чья-то фраза. Дескать, кому надо, тот пусть и

делает. А настоящий скалолаз под землю не полезет, если себя уважает.

Каждому свое!

Ладно, значит, они не настоящие. Били вдвоем. Два долгих зимних

месяца, неизвестно от чего больше страдая: то ли от пыли, то ли от холода,

нестерпимого на гудящем сквозняке створа. Освоили перфораторы. Балин-

ский получил пятый разряд по ведению взрывных работ. Сами забуривали,

сами рвали, качали породу скреперной лебедкой, делая все так, как будто

только этим всю жизнь и занимались...

А Иван учится. . И где, в политехническом! Пишет курсовые, ездит во

Фрунзе на сессии, переходит с курса на курс. Патрулирует по вечерам с

дружинниками. Ходит на тренировки. Бегает кроссы, да так, что приходится

даже усмирять его, попридерживать. Чего доброго, так и сердце запороть

недолго. Откуда в людях такая настырность?

УЛИЦА. ОТЕЦ. СУЛЕЙМАНКА

—Балинский! Яшар Газиевич сказал, что, если вы еще раз встанете со

стола, у вас отнимут штаны. Вы слышите, Балинский?

Балинский кивает головой. Ему и самому не очень хочется вставать,

хватит с него, вчера попробовал, от этого тоже отлежаться нужно! На какой

же он день поднялся? Неужели на четвертый?

Такой боли, пожалуй, он еще не испытывал. Страх испытывал. Стыд

испытывал. Горе испытывал, гнев испытывал, а вот боли такой у него еще не

было, впервые.

Сознание боялся потерять в коридоре. Боялся, что вот-вот и лопнет,

перервется где-то внутри та тоненькая, источенная болью жилка, которой он

так ненадежно скреплен с жизнью, со всем белым светом. В Кара-Куле не

жарко топят, уголь привозной, а тут вспотел. Пот закапал. Однако дошел до

конца коридора, открыл дверь с черным силуэтиком элегантного мужчины во

фраке и в цилиндре, сделал все, что нужно было сделать, а затем тем же по-

рядком, с теми же остановками одолел коридор, водрузился на щит и стал

ждать сил, чтобы жить дальше.

Однажды они с Геной Ахсановым, давним ошским приятелем, заядлым

бродягой, охотником и альпинистом, спускались с пика Семенова-Тян-

Шанского. При спуске Гена сорвался, скользнул вниз, проскочил мимо, да

как-то странно, в самой нелепой позе, на спине, с прижатым к груди

ледорубом.

— На живот! — закричал Балинский. — Зарубись!

Куда там! На это тоже время нужно, чтобы сообразить. Балинский

пытался травить веревку, но рванило так, что самого выбросило вверх, к

самому крюку прижало, хорошо еще, что крюк выдержал. Повернул голову,

нашел глазами Ахсанова. И в хохот. Да в какой, успокоиться

не мог! А
почему, непонятно. Ну лежит Ахсаныч. Ну ошалело смотрит в снег. Ну
слетели у него очки и воткнулись перед самым носом дужками в наст. Вот и
все. Но как показалось это тогда смешно!
А вот страшно не было. Страх свой главный он пережил не в горах — в
детстве, когда Балинские жили на самой окраине Оша, в глинобитной
узбекской мазанке, дорожка к которой вела через высоченные, похожие на
бамбуковые заросли кукурузы, а в кукурузе жила ведьма. Так все говорили.
И Толик, пропадая с мальчишками то на берегах мутной Ак-Буры, текущей
через город, то на скалах Сулейманки, затейливым гребнем торчащей над
окрестными кварталами, обычно старался попасть домой засветло, чтобы,
стало быть, не встретиться с ведьмой. А тут забегался и возвращался в
полной темноте. Шел не дыша, стараясь унять оглушительный стук сердца,
то и дело оглядываясь в сторону затаившихся кукурузных джунглей. Потом
не выдержал. Припустил бегом. В то же мгновение жесткая, словно из
пыльной жести, листва заскрежетала, зашуршала, и на дорожку с хряском
вырвалось что-то черное, стремительное, от которого, как в дурном сне, Толя

так и не смог убежать.
Он даже закричал тогда от испуга, а ведьма в два прыжка подкатила под
ноги, запрыгала вокруг, радостно разевая пасть и восторженно дыша.
Вывалив язык, она упорно стремилась лизнуть Толю в лицо, взвизгивая от
нетерпения и преданности.
— Дружок! Дружок!
Так было покончено с детскими страхами. С прочими

ребячьими

слабостями: с робостью, неумением постоять за себя — быстро покончило

то, что обычно называют «улицей». И когда ее подчас упрекают во всех

смертных грехах, он не бросит в нее камень, рука не поднимется. Улица

научила стоять на ногах, даже если тебя бьют.

Это умение понадобилось уже в детстве. Война началась, когда Толе

было семь лет. Мать перенесла трудные роды, болела и долгое время не

могла работать. А отец, Павел Балинский, инвалид первой группы, не

работал вовсе. Когда-то сражался с басмачами, состоял в союзе шоферов

Востока, гонял машины по знаменитому Памирскому тракту, через

головоломные серпентины Талдыка и снежные заносы Катын-Арта.

В те годы даже летом не любили на будущее загадывать, когда в рейс

уходили. А в 1936 году в самый разгар зимы шофер Павел Балинский в

составе специальной автоколонны под командованием Оки Городовикова

чуть ли не полмесяца пробивался на помощь к жителям высокогорного

Мургаба, отрезанного от всего мира небывалыми снегопадами. Тогдашние

газеты много писали об ураганном ветре силой до двенадцати баллов, о

снежных заносах в телеграфный столб высотой, о морозах, таких свирепых,

что шоферы по двое суток не глушили двигателей, боясь разморозить

радиатор. . В том памирском походе отец себя и застудил. Да так, что не смог

вернуться к работе. В руках появилась дрожь, не удавалось даже свернуть

цигарки — все рассыпал. Когда подрос сын, он стал отцу цигарки

скручивать. Ну и прикуривать. Так начал курить. Чуть раньше, чем научился

читать.

21

Когда шоферов стали брать на фронт, отец вернулся на автобазу. Но и
тогда он редко куда выезжал, а чаще только ставил машины на смотровые
ямы, возился по ремонту. Однажды грузовик, которым он занимался, сорвал-
ся с неловко подведенного домкрата. Отцу помяло грудную клетку, и с
работой пришлось проститься навсегда.

Семью спасла мать. Едва поднявшись на ноги, она пошла работать на
мясокомбинат. Там приходилось дежурить неделями. Работала то на
погрузке, то в цехе и иногда приносила домой горсть внутреннего жира на
ужин. В редкие часы, когда собирались вместе, мать читала вырезки из газет,
которые Толя хранил в небольшом чемоданчике как самую большую и
непреходящую семейную ценность. Про двадцать восемь панфиловцев и
Клочкова-Диева. Про оборону Севастополя и героев-моряков. Приходили
соседки. Вздыхали и плакали. Вспоминали недавнюю, но теперь такую
далекую довоенную жизнь. Отсюда, из голодных сумерек сорок первого,
сорок второго, сорок третьего, она казалась вполне безоблачной и
счастливой, такой, о которой только и мечтать. .

Наверное, для мальчишек она такою и была. Но и эти голодные дни
войны имели не только цвет ожидания и нужды. Детство оставалось
детством. А над детством Толи Балинского задиристым петушиным гребнем,
веселым каменным парусом вставала древняя Сулейманка, священная для
богомольцев гора Тахт-и-Сулейман. Внизу пестрела глиняная мозаика
плоских крыш, узких улочек и тупичков Старого города, а с

высоты скал

видно было далеко-далеко вокруг, может, даже за сто километров.

Не иначе она была волшебной горой, эта Сулейманка! Кажется, кто-то

очень добрый и всемогущий воздвиг для пацанов посреди городской тесноты

такую замечательно большую игрушку из так и эдак выгнутых каменных

пластов. Здесь были острые пики и грозные башни, сквозные арки и темные

пещеры. В городе распутица, ног не вытащишь, а на Сулейманке сухо, даже

тепло, если спрятаться от ветра в уютной нише или разлечься на покатых

плитах, обращенных к солнцу. В феврале появляется здесь первая травка,

первые цветики, желтые-желтые и с ноготок ростом. В Оше снег, а тут

снимай обувку и бегай босиком. Или лазай по скалам. От них пахнет

солнечным теплом и близким летом. Зацепки мелкие, незаметные, кажется,

не за что ухватиться, а глядишь, прилепился к скале, да и много ли надо

мальчишке — кончиками пальцев! Прилепился, перехватил руку повыше, а

там целый карниз. Наискось. Через всю гору. Можно подтянуться. Встать.

Прижаться грудью к стене. И, распластав руки, пойти, пойти с бьющимся

сердцем, с пересохшим от азарта горлом, в безотчетном стремлении

подняться еще выше, еще быстрей и там, где никто никогда не поднимался.

Опомнишься, глянешь назад, а назад ходу нет, уже не спустишься! А внизу

крошечные фигурки людей, они испуганно кричат, размахивают руками, а

тебе только это и надо; вот блаженство, когда кто-то видит, какой ты ловкий

и смелый и что тебе все нипочем!

Когда учился в четвертом классе, случайно попалась книжка о

восхождении на пик Коммунизма. Книжки в ту пору были редки, так что

каждая становилась событием, а тем более эта. . Читал взахлеб, хотя многое и

не понимал. Что такое «жандарм»? Что такое «бергшрунд»? Но все эти слова

запомнил. Запомнил автора — Евгений Абалаков. Запомнил, что высота 7495

метров — высшая точка советской земли. Подумал: а ведь эти экспедиции, в

которых Абалаков был, они ведь отсюда, из Оша, отправлялись!

Город, к которому так привык, в котором, казалось бы, не было и не

могло быть ничего такого, чего не знал, вдруг приоткрылся с совершенно

новой, необычной стороны, загадочной, как потайная дверь. . Ворота на

Памир.. Только теперь приблизился смысл примелькавшихся по рассказам

отца слов. И рассказы отца, сто раз слушанные и переслушанные, вдруг

обрели какой-то новый вкус, цвет, стали необходимыми.. И сама

Сулейманка!.. А что, если с Сулейманки Памир виден? С самой верхушки?

Он залезал на Сулейманку, на самую высокую гору, на верхний зубец ее

петушиного гребня и смотрел на юг. За дорогой на Наукат, за пологими

предгорьями и сумрачным провалом теснины Данги вставали скалистые, за-

снеженные и летом гряды Кичик-Алая, рассеченные сиреневым от дымки

пропилом ущелья Ак-Бууры. За Кичик-Алаем — Чон-Алай. За Чон-Алаем —

Заалай. Но Заалай. . можно ли его увидеть? Да и Чон-Алай попробуй

разгляди! Где он, Памир? А спросить не у кого.

Прибегала Эля. В который раз за день. Первый испуг прошел, но тревога
в глазах все та же.
— Как? Лучше? Что нужно, только скажи!
— Брюки принеси еще одни. Вдруг эти отберут.
— Не принесу. Ну потерпи, зачем рисковать, тебе же сказали.
.
— Ну я и так встану...
— Да ты можешь, чего доброго... Что поесть-то хочешь? К тебе ребята
сегодня собираются. Чуть ли не все!
Она убегает, а он слушает, как затихают в коридоре ее шаги. Потом
поднимается, садится, откидывает одеяло. Говорят, при травме позвоночника
человек нередко обречен на полную неподвижность. Значит, ему еще
повезло. Он смотрит на ноги. Мышцы — дай бог, бедра как сосновые плахи,
права нянечка, стыдно в больнице лежать, место занимать. Сам тоже вроде
ничем не обижен, разве что жиринки ни одной нет. Да и как появиться ей,
этой жиринке? Что-то на створе он не встречал упитанных. Все как борзые.
Как гончие. Что рабочие, что инженеры. Вон Бушман. Один профиль. На
створ первой машиной. Со створа последней. А спать ляжет, в головах
телефон и будильник. От такой жизни проблема излишней полноты не
возникнет, это уж точно!
—Нет-нет, батя. Это не колония, даже не флот...
Старик сосед смущенно отвел взгляд. Толя с досадой
еще раз глянул на ноги, и эта досада помогла преодолеть боль. Вот
забота еще — наколки. Для того, впрочем, они и делались, чтобы

производить впечатление, и именно такое! Но если когда-то, целую жизнь

назад, этот эффект доставлял известное удовлетворение, то теперь только
неловкость, мучение, вновь и вновь подстегивая желание лечь на
операционный стол. Говорили, что эта процедура мучительна, но другое
вынуждало медлить с визитом к хирургу: где взять столько времени, если его
не хватает даже для гор?
Можно и в самом деле подумать, что татуировкой его наградила служба
во флоте. Если б так! Морская романтика обошлась дешево, в скромный
якорек. Все остальное — самому не верится — появилось до флота, даже до
ремесленного училища, хотя и там его изукрасили основательно, не
поленились. Все эти афродиты и змеи, орлы с красавицами в когтях и
кинжалы засинели на плечах, на груди и бедрах еще раньше, не то в третьем,
не то в четвертом классе, когда и плеч-то этих, считай, не было, куда только
кололи?
Толя дружил с ребятами уличных окраин. Эти ребята ничего не боялись
и все умели делать. Он тоже ничего не боялся и принес из дому книжку про
греческих богов и героев. Сюжеты книги стали немедленно перекочевывать
на плечи и спины его приятелей. Ну и на Толины тоже, разве он боится боли?
Не боялся и трепки, которую задавали дома, когда обнаруживали очередную
«репродукцию». Словом, к моменту поступления в Андижанское ремеслен-
ное училище он выглядел вполне «солидно». К счастью, в училище умели
делать главное. Его научили работать почти на всех металлорежущих
станках, научили понимать, чувствовать, что он есть человек рабочий,
значительный и практически незаменимый. А когда через два года вернулся в

Ош и поступил работать слесарем на автобазу, стал еще и самостоятельным

человеком. Во-первых, получил паспорт, а во-вторых, зарплату.

Никогда не был обладателем таких колоссальных денег. Можно было

купить сигарет. Купить вина и зайти в лагманную. Можно зайти на танцы

или в кино, а потом снова в магазин, еще взять вина.

Да что там вино! Рядом, на токарном, одна девчонка работала, к ней

шоферы с конфетами шли, если что сделать нужно. К нему шли с водкой. И

когда он отказывался, ему говорили, что мал еще не слушаться старших, не

уважать их, брезговать людьми. Брезговать нехорошо, Толя понимал. И он

пил. И его хвалили, что вот, мол, дескать, только паспорт получил, а уже

мужик, все понимает, значит, человек. Да и ему лестно было слушать эти

слова, быть на равных со взрослыми, с теми, кто сегодня в Оше, а завтра на

Памире и еще дальше, в Хороге, где начинается граница и где рукой подать

до Афганистана и даже до Индии.

Мать плакала. Пришлось уволиться, устроился в механические

мастерские при геологической экспедиции, в трубонарезной цех. Да так в

нем и остался.

Народ здесь был постоянный, обремененный семьями и годами.

Отработали — по домам. По дому управятся, сад или огородишко польют,

выйдут, постучат в «козла». Разговоры ведут неторопливые, с

продолжениями, про расценки и нормы выработки, про болезни и виды на

картошку. Нужные, конечно, разговоры, но этого хватало и дома. Уходил в

парк, к танцплощадке, часами выстаивая у решетки, покуривая, поплевывая

шелухой семечек, поглядывая по сторонам. Так дожил до повестки из военкомата. И словно обрадовался ей. Служить пошел с охотой. Без всяких душещипательных прощаний, без битья в грудь, без слез по поводу трех или там четырех пропащих молодых лет.

Четыре года, если во флот. Он и попросился во флот. Сразу попал во Владивосток, увидел океан, узнал, что мир велик. Плавал на крейсере «Петропавловск». Палуба у него вороненая, надраивали ее как зеркало, и когда хотели проучить новичка, то посылали на камбуз с бачками, подкарауливая, когда пойдет назад. Если на сталь плеснуть мазутом, ноги разъезжаются, как на льду. Резиновая подметка от солярки мгновенно взбухает, и удержаться на ногах трудно, особенно если штормит. Надо хвататься за леера, а в руках бачки, и не дай бог, если не донесешь, старичков без ужина оставишь!

26

Так учился ходить заново. Учился ходить на веслах. В первую же весну попал на гонки, на одну из шестивесельных шлюпок, узнал, что это такое.

Первого места не взяли, но гребли до конца, хотя руки уже не держали валек, а с бровей капал пот. Старичкам такая настырность понравилась, взяли в сборную корабля. Тут уж гоняли от души, но и это было в удовольствие, а когда все в удовольствие, тогда можно стать и чемпионом. Через год он был уже загребным. Сидел справа, первым от кормы, задавал темп. Стали чемпионами эскадры, получили по пять суток отпуска, а это тоже награда, да еще какая!

Своей морской специальности не любил. Учебная стрельба из

зенитного
автомата, тренаж, тренаж, изо дня в день одно и то же — все это никак к себе
не располагало, хотя он и понимал, что иначе нельзя. И когда судовой
мастерской понадобился токарь, ушел туда с радостью и до самого конца
службы чувствовал себя как дома. Учился. Стал машинистом первого класса.
Овладел ведением подводных работ, по боевому расчету значился водолазом.
Домой ехал с первым разрядом по гребле и вторым по парусу. Ехал и верил:
будет жить совсем по-другому, нежели жил прежде.
Снова пришел в трубонарезной цех. Встал за фрезерный. Буровые
штанги, муфты, переходники — изделия увесистые. К концу смены даже он
рук не чувствовал, отваливались. Пять дней недели еще выдерживал. В суб-
боту практически не работал, разве только делал вид, что работает. Когда
приходил нормировщик, Толя садился на станину, вытаскивал сигареты и
предлагал: покурим?
Нормировщик обижался, прятал секундомер, шел к начальству.
Появлялся Примаков. Этот невысокий худенький человек, пожилой и
белоголовый, до странного напоминал тех потомственных старичков
металлистов, которые приходили на помощь к заблудшим героям иных
кинофильмов и убедительно разъясняли, что к чему. Что ж, таким
потомственным металлистом Примаков и был. Слесарь-путиловец,
приехавший в Киргизию еще в тридцатые годы, он действительно мог

разъяснить, что к чему, но для начала, и это было правилом, сам вставал за
станок. Конечно, начальнику мастерских необязательно

вдохновлять

подчиненных таким вот примером. Но Примаков и не вдохновлял. Он

работал, а сам поглядывал на секундомер, и тот хронометраж, с которым не

смог справиться нормировщик, вскоре появлялся на свет.

— Устал, Толя? — присаживался после этого Примаков, вызывая

Балинского на разговор. — Да-а? — Он так по-своему выговаривал это «да-

а?», то ли спрашивая, то ли утверждая, что и Толя перенял невзначай это

словечко и настолько привык к нему, что без него не обходился.

— Почему устал? — ершился Толя. — Просто не люблю, когда над

душой стоят. Вы можете работать, когда под руку смотрят? Я про писателя

одного читал. Так он черной шторой окно занавешивал, чтоб свет солнечный

не отвлекал. А если ему нормировщика у письменного стола поставить с

хронометром в руках? Он много тогда наработает, писатель, да-а?

И ждет, что ответит Примаков. А Примаков тоже поспорить может. Да и

не спорить, он твердо знал одно, и при всяком случае любил повторить, что,

дескать, как будем работать ты, я, он, они, так и жить будем.

Он имел право так говорить, Иван Андреевич. В те дни экспедиция вела

большие буровые работы и требовала от своих служб десятки тысяч

всяческих муфт и переходников, которые почему-то не поставлялись

заводами и без которых, однако, нельзя было бурить. Мастерские работали в

три смены. Без отдыха визжал наждак, на котором правили резцы,

безостановочно гудел вентилятор, включавшийся одновременно с наждаком.

Вой вентилятора слышен в домике Примакова, и ночью Иван Андреевич мог

спать только под эту музыку. Едва вой обрывался, Примаков

вскакивал и в

час, в три ночи бежал в мастерские, чтобы выяснить, почему остановка.

Никогда не кричал. Говорил спокойно, с добросердечием, держа раздражение

и усталость при себе. Может, потому Толя и вернулся в механические, что

там был Примаков?

28

БУШМАН. ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

—...Здесь он, Дмитрий Владимирович! Выписали бы его скорей, что ли?

Все равно не лежит. Он бегает, а мне краснеть перед Яшаром Газиевичем.

Хоть вы повлияйте, Дмитрий Владимирович, — жалуется нянечка.

Это пришел Бушман. В строгом темном костюме, в строгом галстуке,

худой, высокий, с прямым внимательным взглядом глубоко посаженных

серых глаз. Тронул пальцем очки. Протянул руку.

— Здравствуй, Толя.

— Здравствуйте, здравствуйте, Дмитрий Владимирович!

Бушман младше Балинского на год. Но он начальство, и потому, если

смотреть со стороны, форма их обращения друг к другу едва ли может

привлечь внимание, таких взаимоотношений пруд пруди. Но в том-то и дело,

что Бушман, которого еще со времени Уч-Курганской ГЭС многие привыкли

звать просто Димой, в общем-то, безукоризненно вежлив, особенно с

подчиненными, до ледяного корректен и официален, когда человек чужд,

антипатичен, провалил работу. А Толя, в свой черед, начальственного

тыканья органически не переносит, аллергия у него на это дело, он тут же

отвечает соответствующим образом, кто бы ни вздумал похлопать его по

плечу.

Но Бушману он говорит «вы».

А Бушман ему «ты».

И это, наверное, что-то да значит.

— Что, Толя, отдохнуть решил?

— Не все же вам, Дмитрий Владимирович, другим тоже полежать охота.

— Один — ноль, — Бушман скупо улыбнулся, — говорят, бегаешь уже?

В горы не собираешься?

— Как же не собираться? Собираюсь. На Победу готовлюсь.

— Понятно, — сказал Бушман, — только я по делу. Есть должность

мастера. Хотели бы тебя пригласить. Давай выздоравливай и выходи. Хватит

пижонить, в рядовых отсиживаться. Возраст, Толя. Пора!

29

— Не получится, наверно, Дмитрий Владимирович. С освобождением

трудно будет. Сами же не отпустите.

— С каким освобождением? Куда?

— Так на Победу! Я же говорю!

Бушман удивленно посмотрел поверх очков.

— На Победу... После такой травмы?

— Прецедент есть... Я что, только пример беру...

Балинский довольно хохотнул. Приятно, когда шутка получается, когда

человек, для которого она предназначена, может ее оценить. У Бушмана тоже

была своя Победа. Он тоже отлежал свое в больнице, только все выглядело

мрачнее и шансов на выздоровление не оставалось совсем. Сотрясение мозга.

Возвращались после воскресной прогулки к Карасуйским озерам, решили

подъехать на попутном грузовике. Через пять минут машина перевернулась.

Его доставили в больницу, он был без сознания целую неделю, три недели

отдежурили у постели жена, друзья, товарищи по работе, потому что он

держался только на кислороде. Эля тоже дежурила, когда Ира Бушман

вконец валилась с ног. Так все вместе его и вытащили. Домой Диму

перевезли 30 сентября 1968 года. Число это запомнилось еще и по той

причине, что в тот день в основание плотины уложили первый куб бетона и

на площади Гидростроителей народ собрался на митинг. Ревели карнаи,

гремел оркестр, а площадь рядом с домом, все слышно. Бушман с тревогой

вслушивался в трубный глас карнаев и все спрашивал, что происходит. Он не

мог держать голову. Не мог стоять на ногах. На него было больно смотреть,

но он рвался из рук, и Ира ничего не могла сделать.

—Там что-то случилось, — говорил Бушман, — я должен быть в

котловане!.

Дважды в неделю на пустыре возле дома Бушмана садился вертолет

санитарной авиации. Это прилетал нейрохирург из Фрунзе. Потом он стал

прилетать раз в неделю, потом визиты с неба прекратились. Все, что могли,

врачи сделали. Теперь Бушмана должен был вытаскивать сам Бушман.

30

Он был почти здоров. Почти, но в положении человека, у которого нет

прошлого, который в самых обычных делах не уверен в том, правильно ли

поступает. Он не решался принимать участие в разговорах, боясь сказать что-

либо невпопад. Боялся спрашивать, опасаясь спросить что-либо не то. Будь

Бушман личностью менее заметной, было бы, наверное, проще. А его в Кара-

Куле знали все, и десятиклассники писали сочинения на тему: мой любимый

герой — Дмитрий Бушман. В него верили. Как и в любом другом коллективе,

в Нарынгидроэнергострое было несколько светлых голов, идеями и энергией

которых питалась стройка, одна из них Бушмана. И потому казалось диким,

что этот человек вот уже восемь месяцев ничего не «выдает на-гора»,

бездействует, что он — надо же такое — сомневается в себе. Ему стали

предлагать приступить к работе. Просили. Даже ворчали, дескать, в

Управлении основных сооружений форменный «мертвый сезон», все болеют:

и начальник управления Хуриев, и главный инженер Татаров, а Бушман в

такой момент экскурсии себе устраивает! Хватит экскурсий, Дима! Работать

некому!

Он сам так называл свои поездки — экскурсиями. На створ приезжал,

как всегда, раньше всех и проводил там весь день. Ходил. Смотрел. И ни о

чем никого не спрашивал. Только слушал. И постоянно проверял себя.

Изощренно, казуистически расставляя себе ловушки с тщанием впавшего в

маразм экзаменатора, получающего наслаждение от тех затруднений,

которые испытывал ученик. Потом начал выдавать первые рабочие

предложения. Но, опять-таки не прямо, не от себя, он настраивал на них

собеседников, подводил к этим решениям и, когда товарищи нащупывали

окончательный вариант, получал возможность самым объективным образом

убедиться в том, что в системе его логических построений нет западающих

звеньев.

— Я про врача одного читал, — с невинным видом продолжал Балинский, — он два года на столе пролежал. А потом надоело, встал и

пошел в горы. Может, и у меня получится, а, Дмитрий Владимирович?

31
НАЧАЛО. ПЕРВЫЕ «ЕДИНИЧКИ»

В тот день, 18 августа, когда Бушман попал в аварию,

Балинского в
Кара-Куле не было. Он не дежурил у больницы, даже не знал ничего, да и не
мог знать, он тихо-мирно устраивался на ночлег в жесткой от мороза палатке,
иногда выглядывая и посматривая вниз, на оставшуюся глубоко внизу белую
ступень Памирского фирнового плато. Всласть чаевничая, балагуря с
товарищами, Толя чувствовал себя вполне счастливым человеком, и прежде
всего от ясного сознания того непреложного факта, что цель, к которой он
шел многие годы и до которой осталось теперь всего лишь два дневных
перехода, вполне по силам и, следовательно, никуда не уйдет...
...Когда-то Толя Балинский играл в футбол. Вернувшись после службы
во флоте, снова пришел на стадион, начал играть, но прежнего удовольствия
от игр уже не получал. Раздражали болельщики. Вернее, те накачанные
пивом субъекты, которые здесь, на трибунах, находили узаконенную
традициями возможность наораться матерно и злобно, выплеснуть на кого-то
все то жестокое и тупое, что таилось в их душах. Ненавидел подножку. Удар
в спину, удар по ногам вместо мяча, прочие «секреты мастерства», когда
человек как сноп валится на землю, корчится от боли, а все бегут мимо,
потому что игра продолжается, потому что все сделано «в пределах правил».
Но без спорта после флота не мог. А если не футбол, то что же?
Однажды в горкоме комсомола узнал об организации в Оше секции
альпинизма. Вспомнил книжку Абалакова. Свои восхождения на
Сулейманку. С детства, с тех пор, как себя помнит, влекли взгляд
заснеженные пики Кичик-Алая, на которые, оказывается, тоже

можно
подняться... Неужели в Оше есть альпинисты?
—Да-а, — сказали ему в горкоме, — приехал один такой фанатик из
Фрунзе. Будем проводить сборы общественных инструкторов. . Маречек,
слышал?
Тут вспомнил, что слышал. Давно, чуть ли не десять лет назад. От

одного парня, Митьки Чечеткина, закройщика. Тот во Фрунзе учился, в
профтехучилище, там ходил в горы. На восхождения. Митька показывал
фотографии, и надо было видеть, как он ими гордился:
—Вот мы на самой вершине! Вот Маречек. А это еще один инструктор,
Шубин... А вот я!
Так Толя Балинский оказался в горах, в ущелье Киргиз-Ата. Инструктор
из Фрунзе Боривой Рудольфович Маречек прочел несколько обзорных
лекций, вывел на практические занятия. Оказывается, есть такая штука —
техника передвижения по травянистым склонам! Есть техника передвижения
по осыпям и снегу, по льду и скалам, есть обязательное, как закон, правило
трех точек опоры, не соблюдая которое нечего делать в горах.
Потом были восхождения. На две «единички». Это дало всем
участникам право на значок «Альпинист СССР первой ступени». Значок был
красивый, с двуглавым Эльбрусом и золотым ледорубом, он надежно
привинчивался к куртке, но Толя не обольщался, понимал, какой из него
альпинист. Пока.
У Маречека на выгоревшей штормовке голубел небольшой значок
«Альпинист СССР второй ступени». Это был невысокий, плотный,
общительный человек с приятным лицом, с зачесанными назад прямыми

светлыми волосами, которые то и дело приходилось поправлять рукой.

Веселый взгляд, неистощимое желание вновь и вновь рассказывать про горы,

про альпинизм; эта увлеченность не могла не передать слушателям, не

расположить к себе.

Сами горы Толю разочаровали. Он готовился к встрече с грандиозными

скалами, с жуткими трещинами и карнизами, с теми бергшрундами и

жандармами, о существовании которых узнал еще из книжки Абалакова.

Ничего этого не было, и даже на Сулейманке он испытывал куда больше

страху, если, конечно, ввернуть с натоптанных троп.

А тут просто шли. Сначала по арчовым лесам, затем по альпийскому

лугу, по моренам, потом по крутой утомительной осыпи с раннего утра и до

полудня, пока идти стало некуда. Это и была вершина. На самой макушке, на

гривке рыжих скал торчала сложенная из камней пирамидка, откуда-то из-

под пирамидки, которая называлась туром, Маречек извлек заржавленную

консервную банку, насквозь пробитую то ли молнией, то ли штычком

ледоруба. В банке оказалась записка. Маречек прочел ее вслух, спрятал в

карман, написал новую, в которой также указал, кто поднялся, когда, по

какому маршруту, куда намерены спускаться, про погоду и настроение, а в

конце добавил: «Привет последующим восходителям».

Посидели на вершине, поспорили, что там виднеется в мареве

Ферганской долины, Ош или не Ош, пошли вниз, подобрав веревки, на

которых сидели и которые так и не пришлось ни разу использовать. Едва

сошли с вершины, мир словно сузился, а солнце и небо

померкли, из откуда-
то чуть ли не мгновенно возникшей тучи ударила по лицам злая крупа. Но
тут же все пронеслось, и солнце засияло еще ярче, а на скалах заблестели
мокрые потеки, заискрились мхи мириадами цветовых капель, и даже
крикнуть захотелось, чтобы все содрали с голов надвинутые капюшоны,
темные светозащитные очки и посмотрели вокруг.
А многим уже не до красот природы, не до мхов, не до скал
причудливых, не до ветвящейся жилки реки и ее притоков, вспыхнувших в
предвечернем солнце чистым белым огнем: у кого кровь из носа идет, у кого
голова разболелась, а вон та девушка и вовсе расклеилась, и ребятам
пришлось взять ее под руки. Да и сами ребята словно полиняли немного, кто
зол, .кто отмалчивается, кто безразлично выбрасывает вперед ноги, не видя
куда, лишь бы скорей вниз, к палатке, чтобы стащить с ног эти обитые
железом кандалы и больше их никогда не надевать.
Вот тебе и самая легкая вершина! Вот тебе и «единичка»! Значит, не
такая уж она и легкая, «единичка А»! Значит, на «единичке Б» будет
немножко посложней и, значит, поинтересней! А на «двойке А»? Говорят,
там можно будет уже полазить. А на «двойке Б» может пригодиться и
веревка. А на «тройке» без веревки вовсе нельзя, говорят, с «троек» и

начинается альпинизм, тот альпинизм, где рубят ступени, бьют крючья,
спускаются дюльфером, где если страхуют, то не просто держат в руках
веревку, а держат в руках жизнь товарища, а вместе с ней и свою. А еще есть
«четверки». Есть «пятерки». Их немного, о них пишут книги, о них слушают

затаив дыхание, их названия знают даже те, кто никогда не был в горах. .

Ужба. Шхельда. Хан-Тенгри. Пик Коммунизма. Пик Победы. . Впрочем,

Эльбрус тоже знаменит, а это всего лишь «двойка»! Нужна целая куча

побежденных эльбрусов, нужен целый реестр пройденных «троек» и

«четверок», чтобы тебе была доверена честь помериться силами с

«пятеркой». А у тебя всего лишь одна-единственная «единичка», да и та «А».

Через несколько дней их стало две. А спустившись в город, узнал, что

можно попасть еще на одни сборы, еще на десять дней, благо насчет

освобождения от работы есть договоренность. Начиналась форменная

«горная болезнь», альпинистская лихорадка. Едва разобрав рюкзак и под-

сушив вещи, он снова ушел в верховья Кичик-Алая, в Киргиз-Ату, чтобы

увидеть, что такое «двойка А», «двойка Б», что такое траверс, то есть

«последовательное прохождение по гребню через несколько вершин».

Альпинисты говорят: «сделать гору». Он сделал траверс Карагай-Баши,

вершины Кара-Тоо, Первомайскую, два перевала. Эти названия вчера и ему

ничего не говорили. Но теперь, записанные в альпинистскую книжку, они

документально свидетельствовали о том, что Анатолий Павлович Балинский

выполнил третий спортивный разряд. Шел июль 1959 года. Толе было 25 лет.

Не так и мало для начинающего. Некоторые в таком возрасте уже в мастерах

ходят. Засиделся...

Подумал об июле. Самое время! Снег на вершинах почти сошел, лед

чистый. А у него плохо с ледовой техникой. Поехать бы в лагерь, пройти

настоящую школу, но кто пошлет, кто отпустит, и так почти

месяц не был на
работе: даже добрейший Иван Андреевич и тот чуточку стал суше
разговаривать, не нравится ему что-то!.
А если в отпуск? Ему положен трудовой отпуск! Самое время.

Курортный сезон. Взял отпуск, улетел во Фрунзе, купил путевку в альплагерь

«Ала-Арча». Это недалеко от города. Километров сорок. Потом, конечно, он

будет ездить в другие лагеря, получше, поизвестней, куда-нибудь на Кавказ,

в Баксан, в Домбай, ну а пока для первого раза и Ала-Арча сойдет. Ему бы

только ледовую технику...

В альплагере удивились. Не то слово, умилились. В лагерь подчас

приезжают делать разряды, поспешно перескакивая из третьего во второй, из

второго в первый, ничего толком не умея и не желая уметь, лишь бы скорей.

Наплевать, что за вершина, как называется, красивая ли, что с нее видно,

главное, знать, «двойка» или «тройка», пойдет ли она в зачет. А если не

пойдет, то зачем она?

И вдруг — «мне бы только ледовую технику». . Так нарочно не

придумать, чтобы расположить к себе. Но он не стремился располагать к

себе, не кокетничал. Это стало ясно, когда его увидели на скалах Алакуша,

по которым он ходил как хотел, на сыпучих стенках вершин Адыгене, где

одной силой не возьмешь, где скалу нужно чувствовать, где можно

почувствовать и самого человека.

«Лед» и «снег» ему дали отведать на Короне. Да и только ли «лед» и

«снег»?

Из лагеря тронулись после обеда. Не спеша миновали сумрачный полог

Аксайского ельника, по торной, разношенной, как хорошие ботинки, тропе

поднялись на высокий уступ Тепше, нависший над Ала-Арчой. Пошли вдоль

Аксая, поглядывая сверху на светлые россыпи гранитных валунов, на темные

островки еловых и рябиновых куртин, а когда оставили позади растрепанные

ветром струи Аксайского водопада, когда, взмокшие от пота, выбрались на

верблюжий горб чертовски крутой Аксайской морены, когда всплыли над

этой мореной, над самой головой, кое-где приглушенные облачностью

северные стены Аксайских вершин, тут, может быть, впервые Толя подумал

о том, что Ала-Арчи хватит надолго, возможно, на всю жизнь. Он увидел

Корону с ее свободно струящейся мантией висячего ледника, по-царски

ниспадающей от полукружья шести гранитных башен; пик Семенова-Тян-

Шанского, его ледово-скальный шатер, покоящийся на мощных гранитных

опорах, строго очерченных белыми полосками лавинных желобов. Он глядел

на снеговой купол Теке-Тора, на изломы карнизов Ак-Тоо, на гудящий от

высоты тонкий каменный лемех пика Свободной Кореи, на Байлям-Баши,

накрепко стянувшую все эти вершины в прекраснейшую Аксайскую

подкову, которую только на счастье и дарить.

Он думал о людях, с которыми здесь познакомился. Они тоже

выстраивались в столь же тесный, накрепко сбитый круг и так же были

похожи и непохожи друг на друга, так же влекли к себе. Первый в жизни

инструктор — ученый, доктор наук Абрам Константинович Кикоин. Первый

в жизни начальник учебной части — мастер спорта, орнитолог, изучающий

птиц высокогорья Киргизского хребта, литератор, пишущий свои

альпинистские рассказы, Александр Александрович Кузнецов. Старший

инструктор — мастер спорта, преподаватель института физкультуры и

большой спец по льду, чаю, шутке и горным лыжам Алим Васильевич

Романов. Старший инструктор — альпинист с этюдником, человек доброй,
незлобивой души, стремящийся и умеющий видеть красоту, художник
Афанасий Лазаревич Шубин. В жизни Толи Балинского были разные люди,
а таких не знал. Вот когда почувствовал, как недоставало ему такого
общения. И он был благодарен альпинизму. И он понимал, что все это
серьезно и, может быть, навсегда.

Домой вернулся с желанием и энергией. Действовать! Надо делать
секцию. Рядом Киргиз-Ата, сколько там нетронутых вершин, рядом Большой
Алай, весь Памир, где еще заниматься альпинизмом, как не в Оше? Есть
люди. Желающих целый список. Но как заниматься, если нет ни одного
конца веревки? Ходить с бельевой?

Познакомился с Фрейфельдом. Оказывается, этот старший инженер по
нерудным полезным ископаемым, грузный, большой человек с обвислыми
украинскими усами, которого Толя столько раз встречал в Геологическом

городке, тоже альпинист, причем со стажем, перворазрядник! Нашли общий
язык. Стали неразлучны. Однажды в горах разбился парень — студент,
приехавший в экспедицию на геологическую практику. То, в чем не могли
убедить ходатайства и просьбы, доказал несчастный случай. Был организован
спасательный фонд. Появились подтриконенные ботинки, веревка,
тяжеленные геологические спальные мешки. Бог с ними, что тяжелые,
главное, можно ходить в горы!

Как-то пришел к Примакову насчет освобождения от работы, положил
на стол список.

— Не на прогулку же, Иван Андреевич. Да и сколько там, четырнадцать
человек!.
— Да-а, — сказал Примаков, — а у нас всего семьдесят три. Садись,
Толя. Разговор есть. Растолкуй мне, пожалуйста, из чего складывается фонд
заработной платы, на что предприятие живет? Разъяснишь, растолкуешь, как
быть, чтобы и тебя уважить, и чтоб было чем зарплату платить рабочим,
подпишу без слова. Не сможешь, ну что ж, не взыщи.

ПИК ЛЕНИНА. ВИТОЛЬД ЦВЕРКУНОВ

Снова пришло лето, и снова Толя засобирался в горы. Думал в школу
инструкторов поехать, очень уж смущало то обстоятельство, что пытается
секцию вести, а сам даже не инструктор. Конечно, и узлы может показать не
хуже инструктора, и на скалах кое-кому нос утрет, но разве в этом дело? Вот
Шубин. По нынешним меркам, не очень сильный альпинист, наверное. И
восхождений рекордных нет. И с крючьями шлямбурными вряд ли когда
работал. Да и на обычных высотах не очень крепко себя чувствовал: чуть
поднимется за рубеж 4100, и голова разболится, кровь из носу может пойти. .
Низкий потолок, словом, у человека, много ли тут нужно говорить. А вот
инструктор. Настоящий. У Шубина получалось главное: люди учились
видеть чуточку больше, чем позволяли светозащитные очки, разрядные

нормативы и ботинки впереди идущих. . А у Толи семь классов. И экзамены
на аттестат зрелости он сдавал в машинном отделении крейсера «Петропав-
ловск», в ночные смены трубонарезного цеха. Месяц,

прожитый в Ала-Арче,

явился для него университетом, и он намерен продолжить образование.

Он едет на Кавказ. В Джан-Туган. В школу инструкторов.

А тут новость. Киргизские альпинисты во главе с Алимом Романовым

собираются на пик Ленина. На Балинского пришел из Фрунзе вызов, и скрепя

сердце Иван Андреевич пожелал Толе удачи. Через несколько дней Толя бил

ступени на ледовых взлетах пика Семенова-Тян-Шанского. К восхождению

на пик Ленина допускались лишь те, у кого в послужном списке были

«четверки». У Толи «четверок» еще не значилось.

Пик Ленина — «пятерка». Но особая «пятерка», за нее вручался

номерной жетон с изображением Владимира Ильича Ленина. 7134 метра.

Третья по высоте гора страны. Говорили, что в столь солидной высоте и

заключена главная сложность предстоящего восхождения, и разговоров о

том, насколько трудно преодолевается этот высотный барьер, было

предостаточно. И когда после долгой подготовки, заброс и

акклиматизационных выходов группа вышла на маршрут, Толя невольно

ожидал, когда придет черед этому моральному спаду, этой физической

депрессии, этим приступам горной болезни и обморочного удушья по ночам,

о которых так много рассказывалось внизу, на вечерних посиделках за

кружкой чая. Особенно удушье. Знатоки рекомендовали спать особым

способом, как-то полусидя, что Толя в первую ночь и пытался осуществить

Попытка не удалась, он куда-то сползал, и все последующие ночи спал как

спалось, ничуть от этого не страдая.

Не было и морального спада. Был моральный подъем. Собственно,

заслуга в этом принадлежала скорей всего Алиму Романову.

Он сумел так
подготовить ребят, что с продвижением к вершине пика они приближались и
к пику спортивной формы. Все только входили во вкус работы и у
вершинного тура были почти в полном составе — двадцать один человек.

39

Наверное, действовало и присутствие Витольда Цверкунова; его
пригласили в киргизскую экспедицию не только в качестве тренера, скорее
как дорогого и почетного гостя. Этот московский альпинист стал известен
после трагических событий на пике Победы, где в 1959 году потерпела
бедствие экспедиция узбекских горовосходителей. Тогда под пиком Победы
отсиживалось много групп. И только Витольд Цверкунов и преподаватель
физкультуры из Алма-Аты Алексей Вододохов нашли в себе мужество выйти
в страшную непогоду на поиски попавших в беду людей, пробиться к ним
сквозь буран на 6400, на северный гребень этой жестокой вершины, и
спасти. .

И вот в свободную минуту можно сесть рядом с Витольдом и попросить
рассказать про Победу. Это здорово, когда рядом идет такой человек.

Здорово, что рядом пыхтит Владимир Яковлевич Фрейфельд, которому
нелегко хотя бы потому, что он намного старше всех. А вот не сдается. .

Хорошо, что рядом свои, ошские, ребята: школьный учитель Гена Ахсанов,
геолог Паша Зайд, свои, теперь уж свои, фрунзенские ребята: столяр Володя
Кочетов, инженер-геофизик Ольгерд Ленгник, студент-дипломник института
физкультуры! Володя Аксенов. . Вокруг могучие фирновые взлеты,

нестерпимо медленно, нехотя они уходят вниз, под ноги, уступая место над

головой лишь космически-черному, ослепительно яркому небу.

На 6800 заболел Володя Кургашов. Он даже не смог идти, и его

пришлось тащить на себе. Сразу почувствовали, насколько губительна может

быть высота, как мал у человека запас сил, прочности, насколько надо всегда

быть вместе, одним кулаком, от начала и до конца. И еще почувствовали, что

маленькая живая крохотка, несоизмеримо микроскопическая рядом с

громадной белой горой и именуемая человеком, эта крохотка может многое.

40
ДЖАН-ТУГАН. МИША ХЕРГИАНИ

В Джан-Туган он попал на следующий год. Думал, после Памира,

семитысячных высот пика Ленина вряд ли что удивит, тем более Кавказ,

исхоженный альпинистами вдоль и поперек.

Пижоны ползают на Кавказ,

Тянь-Шань нас к себе зовет! —

поется в одной из лагерных песенок. Пижоны придумали эту песню. Разве

горы могут быть виноваты, если влекут к себе тысячи людей? Толя привык к

суровой обнаженности Тянь-Шаня, к мертвенной неуютности сыпучих

памирских круч. . Но Кавказ! Какими щедрыми могут быть горы, какими

неожиданными могут быть снега и люди, и оледенелые отвесы стен,

вздымающиеся, казалось, прямо из гущи буйно рвущихся к солнцу

кавказских лесов! Как устоять перед зовем горной тропы, горной вершины,

сверкающей над лесом, как праздничный леденец? Как не понять, почему

именно здесь, на Кавказе, сделаны первые в нашей стране

восхождения,

выстроены первые альпинистские лагеря? Здесь все дышит альпинизмом, все

замешено на вечной и бескорыстной любви к горам!

И вновь он испытывал чувство благодарности к судьбе, когда узнал, что

командиром его отделения будет Миша Хергиани. Известный скалолаз и

альпинист, Миша был прост, весел и трудолюбив. Ни тени заносчивости,

похлопывания младших по плечу, картинной, назойливой галантности по

отношению к девушкам. Миша обладал талантом относиться к своей

популярности почти так же, как старый, умудренный жизнью крестьянин

относится к своей громогласной, суетливой и недалекой старухе, терпя ее,

жалея, отмалчиваясь, поглядывая на нее с юморком, вполглаза и всегда

оставаясь самим собой.

Надо было подойти и познакомиться. Но Миша всегда в окружении

друзей, да и кто ты такой, Балинский? Так и не подошел. Даже сторониться

начал, чтобы самому не подумать о себе, что, дескать, с дружбой набивается

к такой знаменитости.

На одном из первых занятий, когда Миша показал свои приемы

передвижения по сложным скалам, Толя что-то хмуро проворчал.

— Не понял? — переспросил Миша.

— Я говорю, вот ведь французы, — начал издалека Балинский, — какие

туфли делают! Где б нам достать? Тоже б полазили!

Миша улыбнулся. На нем были французские скальные туфли, их

подошвы из губчатой резины прихватывали скалу, как присоски. Приятная

обувь. Хорошо ходить по скалам. Куда ногу поставил, там стоит. Что ж,

заслуженный мастер спорта Михаил Виссарионович Хергиани, наверное,

имел право на такую малость — проводить занятия не в тяжелых триконях, в

которых были его подопечные, а в легких туфлях.

На следующее утро Хергиани пришел в триконях. И снова улыбнулся.

Той улыбкой, когда сразу ясно, мелок душой человек или щедр. Потом Миша

смотрел, как Балинский проходит маршрут, и по тому, как смотрел, как

реагировал, Толя понял: Миша его «засек». Да, Мише понравилось. Едва

Толя отстегнул страхующую веревку, Миша подошел, и они поговорили.

Толя рассказал о детстве, о Сулейманке, Миша — о родной Сванетии. Им

было легко понимать друг друга. Очевидно, потому, что симпатия была

взаимной.

Миша назначил Балинского старостой. Теперь Балинский готовил скалы

к занятиям, навешивал перила, веревки, и Миша мог быть спокоен: все будет

сделано надежно. Но и после этого Балинский старался не обременять Мишу

своими посещениями — все же это Хергиани! И тогда Миша приходил сам и

говорил с ним о горах. Он любил горы до безрассудства. Он

коллекционировал все мало-мальски интересные маршруты. Он говорил, что

его очень занимает проблема юго-западной стены пика Коммунизма и что,

если удастся организовать экспедицию, пусть Толя не сомневается, место

ему в этой экспедиции найдется.

Иногда в чей-нибудь день рождения ребята собирались и украдкой

посылали нарочного за сухим вином. Вино называлось «бормотухой».

Сидели за полночь, разговаривали вполголоса, чтобы никто не услышал, —

бормотали. Но Миша все равно догадывался о полуночных бдениях и

обижался:

— Чего прячетесь, меня не позвали?

— Ты тренер. Начальство!

— Какой я тренер! Я такой же, как вы...

Он должен был сводить их на Эльбрус. Не сводил. Уехал на Тянь-Шань

с экспедицией грузинских альпинистов на пик Победы. Сходили на Эльбрус

без него, и все последние дни пребывания в Джан-Тугане только об этом и

говорили: как-то Миша? На Победе?

. .Больше с Мишей Хергиани встретиться не довелось. В то лето, когда

Толя работал в группе Альгиса Видугириса, в одну из суббот из Кара-Куля

приехал Ваня Морозов. Он привез весть, от которой враз померкли все

собственные беды и несчастья: погиб Миша Хергиани. Потом узнали

подробности, потом появилась песня, сложенная про Мишу, а тогда, в тот

вечер, он глядел из палатки в непроницаемую темень ночного Аркита, вспо-

минал Джан-Туган и горевал о своем давнем инструкторе, как о родном

брате.

Миша!

Михаил

Виссарионович

Хергиани,

мастер

спорта

международного класса, погиб в Италии, в Доломитовых Альпах, на стенном

маршруте шестой категории трудности «супер», на Су-альто. Был внезапный,

редкий для этих гор камнепад, он перебил веревку, и Миша пролетел

шестьсот метров до подножия. Спасательные отряды подобрали тело

Хергиани, а через сутки сложнейших работ с применением вертолета и

лебедки сняли со стены спутника Миши по восхождению, одного из лучших

скалолазов страны, Вячеслава Онищенко: лишившись партнера по связке,

альпинист оказался в самом безвыходном положении.

На снимке, незадолго до камнепада сделанном Онищенко, видна

совершенно отвесная, уходящая в туман стена, а на ней фигурка человека,

разглядывающего нависшую над головой крутизну. Лица человека не

рассмотреть. Но это Миша. Его нельзя не узнать, ни с кем нельзя спутать. По

легкости, естественности позы. По непринужденности, по спокойствию духа,

сохраняемому даже на такой вот стене. Миша редко прибегал к помощи

крючьев. А шлямбурные крючья использовал и вовсе редко, считая, что это

уже не альпинизм, не искусство скалолазания, а эдакие монтажные работы, в

которых ничего хитрого нет. Он любил честную борьбу. Таким на последней

своей фотографии и остался. Свободно откинувшись от стены на расстояние

вытянутых рук, он всматривался в свой нелегкий путь, и столько

спокойствия, силы и уверенности было в осанке скалолаза, что, казалось, он

владеет даром парить в воздухе, что у него не одна жизнь, а по крайней мере

десять...

ЛЕША КАРЕНКИН

—Да вон он, твой Балинский! Чего с ним сделается? Таких бугаев еще в

больнице держать!

Нянечка с ворчанием отступает в сторону, и из-за ее плеча появляется

Леша Каренкин. Прорвался с боем, чуть ли не силой, а прорвавшись,

постоял, повздыхал, мрачно посверкал очками, которые стал, к великому
своему неудовольствию, носить, и отбыл. Очень сдержанный собеседник
мастер участка бетонно-опалубочных работ Леша Каренкин. Только и сказал:
— Мы ждали, ждали вас, а вы так и не пришли. Потом говорят, ты спину
сломал... А я думал, не может быть, ведь вы вернулись с гор, все в порядке
было!.
— Все нормально, Леха, спасибо. Ире привет передавай. Написала она
курсовую?
Это — друг. Их свел створ, на створе народ быстро сортируется, сразу
видно, кто есть кто. Правда, первое время, не без того, и сам Каренкин и
ребята его нет-нет да и поглядывали искоса на Балинского: вот, дескать, еще

одного альпиниста принесло, тоже небось «права качать» будет. Ио потом, и
особенно при монтаже левобережной ЛЭП, где не то что опору, ногу иной
раз негде поставить, они присмотрелись, притерлись друг к другу, а там и
сдружились. И если Балинский с Элей в гости снаряжались, то чаще всего
оказывались у Каренкиных, а если Леша с Ирой надумывали выбраться куда-
то, то ноги приводили их на Седьмую площадку, к Балинскому с Насоновой,
на крепкий чай, на плов, на новую ленту песен про горы, присланную
друзьями то ли из Фрунзе, то ли из Москвы, то ли просто позаимствованную
у кого-то на вечер-другой.
А мы ночуем в облаке,
Прижав к друг другу спины...
Нет, Леша Каренкин на восхождения не ходок. Не очень-то он тоскует
по резко расчлененному рельефу, а если и соскучится, глянет

из окна, или по

дороге на створ оглянется вокруг, или в котловане из блока кинет взгляд на

каменную западню каньона, и сыт. Другое дело — в отпуск куда-нибудь

съездить, это по душе. Купил туристскую путевку — в ореховых лесах

Арслан-Боба побродил, в Иссык-Куль обмакнулся. Купил другую —

Александрийский столп рукой потрогал, у «Авроры» на память снялся. Так

посмотрел Ульяновск, Куйбышевскую ГЭС. Гид про великие стройки

рассказывает, а Каренкин сзади идет, слушает. А мог бы и сам рассказать.

Два года в этом котловане бетон укладывал, представление имеет. А теперь

вот экскурсант. Автобус мягкий следом катит. Поезд на вокзале стоит, его,

Каренкина, дожидается. Нет, если уж путешествовать, то только таким

образом. Всеми прочими способами Каренкин напутешествовался. Вполне.

Тем более что еще в командировки ездить надо. Толя знает. На Зею, в

Чиркей вместе летали, Хантайку, Ат-Баши посмотреть довелось. То Дальний

Восток, то Кавказ, то Центральный Тянь-Шань — неблизкие концы. Да это

ладно, добраться можно куда угодно, другое заботило. У тех, кого ты учишь,

глаза ревнивые, по первой промашке судят, так это, скажут, и есть

«каракульские профессора»? Ну-ну!

45

Не думал никогда Каренкин, что ему занятия проводить придется, своей

профессии учить. Летал. Учил. Да и сам работал, поглядел, какой в изломе

камешек, и сибирский и дагестанский. Только разве сравнить скалы тех

створов с нарынскими? На Хантайке выпивох приходилось видеть. Прямо на

створе. Во время работы. На скалах Токтогульского створа Каренкин

смельчаков с бутылкой что-то не замечал. Хочется людям жить!

А в общем, расспросов о себе не любит. Потому обычно отвечает

коротко — детдомовский, из-под Челябинска. Каким ветром в Кара-Куль

занесло? Надо ли об этом?..

В детдом попал в сорок втором году. Крыша над головой была, и, худо

ли, бедно, кормили. Одевали. И учили... Сначала в школе. Потом в

ремесленном. Мучиться не пришлось над проблемой, кем быть, жизнь

решила эту проблему, не спрашивая. Училище при магнезитовом заводе

находилось, так что сразу после училища на завод. Слесарем. Рабочих рук не

хватало, скидок на возраст не было, ну а если ростом не вышел да станок не

по росту оказался — не беда, ящик под ноги всегда найдется, была б голова

на плечах.

Голова была, да мальчишечья. Однажды взрослые велели пронести на

завод бутылку водки. Понес. И в проходной попался. Благо еще, что

отделался общественным судом, увольнением, записью в трудовой книжке.

До сих пор помнит эту запись. Статья 47-я, пункт «г». Долго пороги обивал.

Кому такой нужен?

Завербовался в леспромхоз, там к анкетам не очень приглядывались.

Валил лес, заработав на дорогу, подался на Волгу, в Куйбышев, пока не

призвали в армию. Попал в железнодорожные войска. Снова строил, но

теперь дороги, все три года, сколько было положено.

Отслужил, вернулся в родные места, куда же еще? Женился. Ира, жена,

воспитательницей в детском саду работала, сам на бокситовом руднике

стволовым, проходчиком. В их Межевом Логу только эта работа и была для
мужчин — на шахте, так что, когда рудник пошел на убыль и начались

сокращения, пришлось сниматься с места. Кое-кто раньше уехал на
Кадамжайский рудник в Киргизию — потянулся следом. Попал неудачно, в
январе, когда набора не было, обратился в местный шахтострой — там тоже
ничего не смогли предложить. Тогда устроился в Найманское СМУ, благо
ехать далеко не пришлось.

В Наймане строилось водохранилище. Каренкин одевал в бетонную
одежду канал и водовыпуски, глотал февральскую пыль, привыкал к синему
небу над красными горами, к зеленому чаю, к еде, в основном состоящей из
лука и перца, а в свободное от работы время искал квартиру. Найман —
поселок небольшой, народу прибавилось, так что с жильем дело обстояло
неважно. Как-то слушал радио, узнал о Токтогульской ГЭС. Подумали с
Ирой, порассуждали, решили рискнуть. Да и какой риск? Стройка большая,
только начинается, глядишь, через год квартиру получить можно. . Конечно,
мог бы и он, наверное, сказать, что, дескать, ветер странствий поманил или,
как там, романтика первых палаток. Не было, к сожалению, ничего такого.

Просто жить надоело без своего угла. С прорабом посоветовался. Прораб
поддержал. Сказал, что дело стоящее, что жалеть не придется, чтоб передал
при случае привет Казбеку от Вани Афанасьева.

— Какому Казбеку?

— В Шамалды-Сае узнаешь.

НА ПУТИ К СТВОРУ. НАСОНОВА

В ту пору, когда Леша Каренкин еще зарабатывал в Межевом Логу
подземный стаж и они с Ирой только начинали думать-гадать, ехать или не
ехать им вслед за земляками в Среднюю Азию, Толя Балинский тоже за-
собирался сняться с места, но, конечно, не в Южную Киргизию, поскольку и
так в ней находился, а чуточку подальше — к барьеру Росса.

В Ошском геолгородке свирепствовал острый очаг заболевания
Антарктидой. При встречах, а встречались, живя рядом, по нескольку раз на

дню, Владимир Яковлевич аппетитно басил только про дизель-электроход
«Обь», мыс Доброй Надежды и Кейптаун, про санные поезда, про пик Эребус
— трехтысячник ледового континента... Фрейфельд говорил, что это вполне
реальное дело — попасть в антарктическую экспедицию, своими глазами
увидеть южную макушку земли.

— Вам-то, конечно, — говорил Балинский, — инженер-геолог, статьи
о ледниках, о лавинах в ежегоднике печатаете!

— Чудак! Таких, как я, сотни. А вот ты вне конкурса, тебе в сто раз легче
попасть, стоит только захотеть...

— Ну вы скажете!

— Пари! Уникальная личность! Здоров, молод, инструктор альпинизма,
токарь-универсал, служил во флоте, водолаз, первый разряд по шлюпке, что
там еще? Редкое сочетание! Дизели освой, и с гарантией. Такие нарасхват!

...Подумал, а что, если?.. Перевелся в слесари на ремонт двигателей, стал
изучать вождение трактора. Что еще может понадобиться в Антарктиде, в
такой экспедиции, как антарктическая? Рация? Конечно, рация! Записался на

курсы радистов, стал посещать занятия. Теперь можно хоть куда, даже на

Эребус. Однако стало не до Эребуса, не до Антарктиды, он без всякого

сожаления отказался от столь сильно занимавшей его мечты и ни разу о

своем решении не пожалел. Даже потом, слушая рассказы Владимира

Яковлевича, все-таки пробившегося в экспедицию на шестой материк..

. .Весной 1962 года в Ошской области, в 80 километрах от шахтерского

городка Таш-Кумыр, началось строительство Токтогульской ГЭС...

Честно говоря, Толя не очень верил тем экзотическим подробностям,

которыми запестрели газетные репортажи в связи с началом большой

стройки в горах. Ему не раз приходилось убеждаться в том, что «бездны»,

«пропасти», «недоступные обрывы», которые человеку с равнины мерещатся

в горах на каждом шагу, оказываются на самом деле не такими уж и

безднами, а недоступных обрывов вовсе не приходилось встречать — везде

можно пройти! Тем не менее думать о большой стройке в горах было

интересно, и, не будь некоторых семейных обстоятельств, Толя давно

оказался бы в Кара-Куле. Но лето 1962 года он просидел в городе, разве что

иногда выбираясь в Киргиз-Ату на безымянные вершины, на которых еще

никто не был. Да и для Киргиз-Аты время находил с трудом: начал строить

дом, все делая своими руками, начиная от самана и кончая столяркой. И

опять-таки не только в строительных хлопотах было дело: тяжелей стало

вырываться из дому еще и потому, что, едва начинал собирать рюкзак, жена

молча хлопала дверью, уходила, и сынишка оставался с ним. Какие уж тут

восхождения, если иногда он не мог пойти даже на Сулейманку, на обычную

тренировку. .

Строил дом, но радости от этого не испытывал. Нужно, вот и все. Жизнь

не получалась, хотя от него требовали самую малость: вовремя прийти с

работы, вовремя сесть за стол и чтоб никого лишних за столом, ни гостей, ни

товарищей. Потом за дела. По хозяйству. Вместе, рука об руку. Пусть даже

ничего не делает, она согласна все делать сама, слава богу, не белоручка,

лишь бы никуда не уходил, не уезжал, а всегда был дома. При ней.

Вечером сходить в кино. Во всем чистом, новом, рука об руку. Чтоб все

видели. Чтобы все было как у людей. Он и выпить может, если хочет, какой

мужик без этого, но чтоб только по-людски, по праздникам, когда не пьют

только больные да чокнутые, которые что-то ставят и?, себя, будто умней

всех...

Толя по праздникам не пил. Потому что праздник — это два, три, а то и

четыре свободных дня, которые можно провести в горах. Сначала приглашал

и ее, но безрезультатно; из дому ухлодил один. Она работала на

шелкокомбинате, была, как и он, простым рабочим человеком, он думал,

когда женились, что будут легко находить общий язык — из одного теста!

Ан нет. Люди разнятся не потому, что один окончил ФЗО, а другой — уни-

верситет. Вовсе не потому!

Не уехал Толя в Кара-Куль и на будущий год. Ошские альпинисты

задумали высотную экспедицию на Памир, в верховья ледника

Корженевского, руководство брал на себя преподаватель Ошского
пединститута, мастер спорта по альпинизму Александр Николаевич
Еропунов. Легкий на подъем, человек этот все свободное время проводил в
горах, будь то скалы Чиль-Устуна или арчевые леса Киргиз-Аты, работал
инструктором в альпинистских лагерях. Так что знал район, людей, а
поскольку была у него и хозяйственная струнка, то все устроилось
наилучшим образом.

Намечалось совершить восхождение на несколько вершин Заалайского
хребта, в том числе и на Кызыл-Агын. Шесть с половиной тысяч — высота
солидная, готовиться надо было всерьез. Оповестили альпинистов. В
назначенный день Толя отправился на Сулеймаику. Вместе с. Фрейфельдом.

Ребята опаздывали. Это была та необязательность, которая всегда так
раздражала в людях. У скал оказалась лишь незнакомая девушка, почти
девчонка, невысокого росточка, голубоглазая, светловолосая, в плащике и
туфлях на каблуках, очень неподходящих для Сулейманки. Не раз пришла,
бог с ней, не прогонять же! Походит с недельку, сама поймет, даже забудут,
что появлялась такая, обычное дело!

— Вы Фрейфельд и Балинский? — неожиданно спросила новенькая.

Получив утвердительный ответ, обрадовалась, словно встретила близкую
родню, перехватив их взгляд, извинилась за свой вид, поскольку не
надеялась, что встретит кого-то «из своих», что тренировка состоится. Но она
сбегает в гостиницу, тут рядом, и мигом приведет себя в порядок. Звать ее
Эля. Фамилия Насонова.

—Так вы откуда?
—Из Кочкор-Аты.
—Работаете там?
— Да, в Киргизнефти. Техником-геофизиком.
— А сюда что?
— Как что? На тренировку.
— За сто километров?

50

Пожала плечами, дескать, а что делать? Она приехала за сто, точно так
же приехала бы и за двести. Знакомых в Оше у нее нет, сама в этих местах
недавно. Где останавливается, когда нет мест в гостинице? Да здесь же, на
Сулейманке. Мешок спальный с собой, а с наступлением темноты здесь
никого не бывает, да и кто ночью лазает по скалам?

На первом же занятии мягко, ничуть себя не затрудняя, она прошла
гладкое скальное «зеркало», едва касаясь редких и незаметных зацепов
кончиками пальцев. Ребята пройти «зеркало» смогли не все. Под всякими
предлогами они оставались после тренировок, чтобы украдкой, без всякого
риска для самолюбия еще и еще раз попытаться пройти эти заколдованные
два-три метра стены, непонятно каким образом поддающиеся другим...

Балинскому ладно, это воспринималось как должное... Но какой-то девчонке!

Так Балинский познакомился с Элей Насоновой. Она рассказывала, а он
улыбался тем совпадениям, которые открывал для себя в ее рассказах.

Детство прошло в Крыму, в Алуште, маленькими чертенятами лазили в горы
за цветами, прыгали со скал в море. Училась в геологоразведочном
техникуме, занималась гимнастикой. Однажды однокурсники уговорили,
сходила с ними в туристский поход. Дело было зимой,

простудилась, но,

отлежав предписанное врачом, решила сходить еще раз, чтобы разобраться,

что же все-таки это такое — поход? Разобралась. Купила путевку в

альпинистский лагерь, увидела Эльбрус. В лагере пели: «Хоть плачь, хоть

кричи — попадешь на Гумачи». Гумачи — первая зачетная вершина,

«единичка», большего программа подготовки начинающего альпиниста не

предусматривала. Эле «единички» показалось мало. Но как задержаться в

лагере еще на смену?

Устроилась на кухню раздатчицей. В дни отдыха между сменами

выполнила третий разряд. Потом попала на сборы. Тут уж ей помогали

вовсю. Второй разряд давал право заявить Насонову в соревнованиях по

скалолазанию, а кто из девушек мог выступить лучше ее, привыкшей к

скалам, как горожанин к тротуару?

Получила второй разряд. Ездила на соревнования. Домой привезла

сорокаметровый конец веревки. Теперь ходила на скалы чуть ли не каждый

день, прихватывая братишку, его друзей, всех, кому хотелось в горы. Она

вспоминает об этих походах с невольным ужасом. А тогда...

Однажды на высоте шестиэтажного дома хрустнула и осталась в руке

крошечная зацепка, до которой с таким трудом дотянулась. Даже разглядеть

успела — ракушка. Отслоившаяся от материнской породы ракушка!.

Вжалась в камень, замерла, не отрывая щеки, мягко послала руку вперед, на

ощупь отыскивая в отвесной плите хоть какую-нибудь спасительную

неровность, трещинку, щербинку, чтобы хоть как-то поддержать равновесие!

Страшно было срываться еще и оттого, что внизу стояли мальчишки и

терпеливо ждали, когда им разрешат начать подъем. Не хотелось при них

срываться. Они не должны это видеть. Не увидели. Ничего не заметили.

Сбросила веревку, вытянула их наверх. Без страховки она никому не позво-

ляла лазить. На себя правило не распространялось.

Она сорвалась только однажды, с Паруса. Это известная крымская

достопримечательность — торчащий из моря острый, как парус, утес.

Повезло — упала в море. В горах такой исход исключен, в ее

классификационном билете инструкторы то и дело сердито писали: «Не

работает с веревкой», «Пренебрегает страховкой».. Но она не пренебрегала

страховкой. Просто для нее пока не существовало высоты...

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ

Элю брали в Заалай неохотно. Вслух об этом никто не говорил —

формально отказать было нельзя, но появление ее в команде особого

энтузиазма не вызвало. Женщина в экспедиции! Того не скажи, так не

сделай, ходи да оглядывайся, нет ли ее за спиной. . Зачем это нужно, да еще в

горах?

Ребята свое неудовольствие особенно не скрывали. А уж на всякие там

рыцарские, джентльменские штучки вовсе косо смотрели, напросилась —

помалкивай. Она и помалкивала. Ее рюкзак был ничуть не легче всех прочих

рюкзаков, и, когда наступала ее очередь, выходила вперед, топтала снег,

поднималась в пять утра, чтобы в пушистой от инея хозяйственной палатке

приготовить завтрак группе, выходящей на маршрут и пока

добирающей
последние минуты отдыха в теплоте спальных мешков. Словом, сни-
схождения не было. Да она и не рассчитывала на него.
Наверное, это пошло с детства — вставать на сторону того, у кого
меньше силенок, на кого все навалились. С хмурым, безразличным лицом
Толя все чаще стал оказываться рядом с Насоновой то днем, на
тренировочном выходе, то вечером, в палатке, сумерничая за тихим разго-
вором. Это было замечено, но шутить или даже разговаривать на эту тему не
решались самые злые языки. Не потому, конечно, что опасались Балинского,
его жесткой вспыльчивости, проявляющейся всякий раз в ответ на малейшую
фамильярность или смешки за спиной. . Наверное, сближение Балинского и
Насоновой было воспринято всеми как дело само собой разумеющееся,
решенное чуть ли не на небесах и потому неизбежное. Иначе их отношения и
не мыслились, хотя оба они ничуть не давали повода для столь далеко
идущих выводов. У него была своя жизнь, у нее своя. Общими были только
горы, скалы, Джанай-Дартакайская пила, которую они прошли одной связкой
на виду у всех.
— Красиво идут, — говорили в базовом лагере, разглядывая в бинокль
скальные башни и острые иззубрины нависшего над долиной горного
кряжа. Впрочем, видно было и без бинокля. То появляясь, то исчезая, то
спускаясь в глубокие расселины, то упорно карабкаясь по каменному
лезвию очередного «жандарма», там, высоко вверху, на фоне облаков и
жгучих синих просветов, маячили две едва различимые человеческие
фигурки, дружно одолевая преграды, которые ставила перед

ними гряда
Джанай-Дартакая.

53

— Красиво идут!.

Экспедиция завершилась, как и намечалось ранее, восхождением на
Кызыл-Агын. Эле на такой высоте бывать не приходилось, и он волновался,
как-то она выдержит. Технически маршрут был несложен. Но бесконечный,
заваленный снегом гребень мог вымотать кого угодно; особенно тяжко
приходилось днем, когда под лучами солнца снег раскисал, налипал на
шекльтоны пудовыми комьями, а в чашах фирновых мульд восходителей
встречала застойная, парная жара и духота. Двигаться не хотелось, высота
клонила в сонную оторопь, начисто лишая сил.

Поднялись с двумя ночевками. Вот когда Толя смог показать ей пик
Ленина, пик Коммунизма, весь Памир. Внизу, испещренное облаками и
тенями от них, лежало зеленое блюдо Алая, расписанное красными извивами
протоков реки Кызыл-Су. Алайский хребет отливал дымчатой синевой, и
мир, казалось, был необъятен. Глубоко внизу осталась Джанай-Дартакайская
гряда. Базовый лагерь и вовсе не разглядеть. А в реальность каких-то
городов, каких-то поселков просто трудно поверить, хотя разумом и
сознаешь, что они есть. Есть Ош, есть мехмастерские, есть Кочкор-Ата, есть
нефтепромыслы, есть жизнь, есть вопросы, которые надо как-то решать. .

БИЛЕТ ДО КАРА-КУЛЯ

Вернувшись, стал откладывать газеты, где писалось про Токтогульскую
ГЭС. А писали о ней все больше. Толя делал скидку на

энтузиазм газетчиков,

и все же получалось, что там, в Кара-Куле, могло найтись что-то по душе и

для него. Затем в газетах появилось обращение к коммунистам и

комсомольцам области с призывом принять участие в ударной стройке на

Нарыне. Взял газету, пошел к Примакову. Иван Андреевич обстоятельно

изучил обращение, долго молчал, обдумывая каждое слово. Потом сказал:

— Если б на фронт, первым бы тебя послал. Или где бедствие какое,

езжай, помогай, где без тебя не обойтись, слова не скажу. А туда. . не

отпущу. У нас тоже ударный фронт. Работы сам знаешь сколько, а на твое

место любого не поставишь — не вытянет. Я тебе в партию рекомендацию

давал. С чистой совестью говорю — ты здесь нужней. Не подведи, а?

Толя молча кивнул головой, свернул газету. С другим, может быть, и не

согласился, на своем бы стоял — Примакову возражать не стал. Да и прав

Примаков. В три смены работают, каждый человек на счету — как уйти? И

потом. . он ведь благодаря Примакову в партию вступил, за ним потянулся. .

Значит, есть такой долг — остаться пока в мехмастерских...

Достраивал дом. Сделал еще одну попытку наладить мир в семье. Семья

если и существовала, то только из-за сына. А парень с возрастом отходил все

дальше, и теперь оставалось назвать своими словами то, что давно про-

изошло.

Умер отец. Одно к одному. Вот, значит, какое оно — горе. Спасибо

Саше Еропупову, Александру Николаевичу. Пришел, помог, а потом прямо с

кладбища они уехали в горы и пробыли там столько, сколько

понадобилось,

чтобы собраться с духом. Молчание вершин, безмолвие и отрешенность

ледовых цирков, красный закатный отсвет на гранитных контрфорсах и

фирновых полях, пот, труд, хриплое дыхание, врезавшиеся в плечи лямки

рюкзака, скрип триконей и щебня, скорбные вскрики альпийских галок и

хлопание ветра, домашнее фырчание примуса, тонкое пение забиваемого

крюка, снежная крупа, вдруг ударившая по глазам на скальном гребне, —

все это было как нельзя более кстати и все это было возможно только в горах.

Спасибо Юре Глушкину. Его пронзительно-веселому взгляду из-за

стекол очков, подвижности, энергии, громкому смеху, всегдашней

готовности откликнуться на шутку и розыгрыш, на дружбу и крик о помощи.

Этот невысокий худощавый человек появился в Толиной жизни во время

одной из вылазок к пещерам Чиль-Устун, и только потом Толя узнал, что

имеет дело с секретарем Ошского горкома комсомола. . При каждой встрече

Глушкин звал в Кара-Куль. И вот позвал снова:

— Поехали, Толя! Опоздаем, без нас построят! В сентябре 1964 года

55

Толя принес Примакову заявление об уходе. На этот раз Примаков

отговаривать не стал и простился так сердечно, что уходить стало еще

трудней. Теперь в Оше и вовсе ничего не держало, можно отправляться в

Кара-Куль. И опять не уехал. Он и тут был верен себе. Вдруг подумал о том,

что не вполне подготовлен к той работе, которая, несомненно, ожидала на

знаменитой стройке, что надо еще подготовиться, да получше, чтобы не

ударить лицом в грязь.

Устроился проводником к геологам-изыскателям из московского

Гидропроекта. Они работали недалеко от Оша, в Данги, а этот каньон Ак-

Бууры очень напоминал нарынскую теснину у Кара-Куля — река поменьше,

вот и вся разница. Здесь тоже намечалось строить плотину, и геологам

предстояло прощупать каждый метр скалы. Толя сопровождал изыскателей к

нужным отметкам, учил ходить по склонам, а сам при каждом удобном

случае спрашивал, что такое брекчия, что такое конгломерат и битуминозный

известняк. Ему нравилось у геологов, нравилась работа, он с удовольствием

остался бы до конца изысканий, если б не звал Кара-Куль. И еще он знал, что

Эля уже там, работает инструктором-альпинистом в отделе рабочего

проектирования. Иногда думалось о том, что его отъезд из Оша обязательнее

свяжут с ее именем. Вот чего никак не хотелось — впутывать человека в свои

неурядицы; она-то при чем? Впрочем, все это не имело уже никакого

значения.

ТОКТОГУЛЬСКИЙ СТВОР

В марте 1962 года взрывник Гидроспецстроя Василий Журавлев,

бульдозеристы Решат Бекиров, Эбазыр Караев, а затем Сеяр Феттаев и

Анатолий Курашов были откомандированы со строительства Уч-Курганской

ГЭС, из родного Шамалды-Сая неизвестно куда, неизвестно зачем и

неизвестно на сколько. Во всяком случае, пункта назначения на карте не

существовало, цель командировки тоже трудно было сформулировать,

поскольку их посылали пробивать тропу к еще не выбранному створу еще
нигде не значащейся стройки, о которой только поговаривали, употребляя
глаголы в будущем неопределенном времени. Немного географии. Шамалды-
Сай — это поселок и опорный пункт нарынгидроэнергостроевцев. Он вырос
рядом и одновременно с Уч-Курганской ГЭС, на самом выходе Нарына в
просторы Ферганской долины. Тихие кварталы двухэтажных домов, удобные
коттеджи, асфальтированные дорожки, успевшая разрастись зелень садов и
аллей — долгожданный уют, который, к сожалению, приходит к строителям
лишь в ту пору, когда надо сниматься с места к новым котлованам и
пустырям.

За чередой тополей силосные банки бетонного завода, мостовые краны
плотины, длинная, уходящая вдоль нарынского берега дамба — детище УМР,
то есть Управления механизированных работ вообще и его начальника
Казбека Бексултановича Хуриева, в частности.

Рядом с Шамалды-Саем ветка железной дороги, чуть поодаль
автомагистраль Ош — Фрунзе. Обе дороги идут параллельно друг другу,
постепенно втягиваются в горы и на двадцатом километре от Шамалды-Сая
нанизывают на себя город Таш-Кумыр. Над домами колокольным звоном
плывет лязг шахтных механизмов, гул компрессорных установок, воздух
пропах угольной пылью, серной гарью тлеющих терриконов. Улицы
вытянулись вдоль ущелья по щебенистой террасе, одинаково пыльной летом
и зимой, вокруг пестрая рябь скал и обрывов, бурых, кирпично-красных;
кажется, что они раскалены, даже если скулы сводит от ледяного ветра.

Внизу, под обрывом террасы, катит свой расплавленный суглинок мутный

Нарын. Так глубоко ушел он в горную твердь, что в городе, стоящем на реке,

реки не видно и не слышно; не так ли вообще складывались прежде

отношения Нарына и земледельца — видит око, да зуб неймет?

Сразу за Таш-Кумыром начинаются безлюдные однообразные горы,

только теперь не красные, а темно-серые, серые, круто сложенные

растрескавшимся сланцем и плитняком. Они тянутся двадцать, тридцать,

шестьдесят километров; не сразу укладывается в голове, что едешь вдоль

гигантского спила Ферганского хребта, разрезанного рекой. Но едва

сланцевые кручи пошли на убыль, едва поманила просветом приблизившаяся

долина речки Кара-Су Восточная, как впереди, закрывая небо, вздыбился

мраморный горб Атойнанского хребта, перехлестываясь на левобережье

Нарына горой Чон-Тегерек.

С такой дикой мощью, с такой угрозой и неподступностью громоздится

поперек нарынской долины каменный монолит, что строители дороги Ош —

Фрунзе не рискнули следовать за рекой. Они перебросили через Нарын под-

весной мост, пустили шоссе по левобережью, а потом через сургучно-

красные кручи перевала Торпу увели трассу в ущелье Кара-Су. Отсюда без

особых трудностей можно миновать кряж Чон-Тегерек и в несколько

серпентин перевала Кок-Бель перемахнуть в долину Кетмень-Тюбе.

Такие долины геологи называют впадинами. Громадной глиняной чашей

лежит Кетмень-Тюбе в оправе смыкающихся со всех сторон

гор, кажется,
самой природой созданная для того, чтобы стать морем. В прежние годы,
когда о мостах через Нарын мечтать не приходилось, людям ничего не
оставалось делать, как все же пробить дорогу вдоль реки через теснину. По
ней и ездили в Кетмень-Тюбе. О дороге рассказывали всяческие страхи, и
каждый поворот ее отмечен в памяти старожилов сорвавшимися в Нарын
автомашинами, погибшими под обвалами путниками. И когда появилась
новая дорога, о старой тут же забыли; теперь ею пользовались лишь
охотники и пастухи, стоявшие со скотом в урочище Токтобек-Сай,
расположенном сразу за тесниной. Да и для них дорога стала нелегкой. Она
где сползла с осыпями, где оказалась заваленной камнепадами, где ее смыл
Нарын. Трудно поверить, что здесь когда-то ходили машины. Теперь, ока-
завшись в этих местах, человек мог рассчитывать лишь на прерывистую,
подчас едва угадываемую тропу, и жители крошечного кишлака Джеен-
Кыштоо, что у подвесного моста, были немало удивлены, когда появившиеся
со стороны Таш-Кумыра бульдозеры и грузовая машина свернули с

накатанного шоссе и начали двигаться в сторону старой дороги, с трудом
пробивая себе путь в нагромождениях камней.
Бульдозер тащил за собой вагончик. В вагончике бульдозеристы жили.
Если не считать Джеен-Кыштоо, вагончик этот был единственным жильем на
десятки километров вокруг. По субботам бульдозеристы уезжали домой, в
Шамалды-Сай, и, отгуляв положенное, вновь возвращались к подвесному

мосту. На «тропу», как теперь говорили в Шамалды-Сае.

ТРОПА. КАЗБЕК ХУРИЕВ

Уступ тропы — три метра. Местами бывал и шире, но чаще, если
смотреть из кабины, взгляду зацепиться было не за что, он сразу
соскальзывал в Нарын. Поначалу, пока не привыкли, зрелище это
действовало на воображение, и работа продвигалась медленно. Досаждало
еще и то обстоятельство, что сверху частенько «сорило», и то, что было
старательно расчищено вчера, сегодня вновь оказывалось в «гостинцах»,
подчас еще пахнувших пороховым духом каменной окалины. Особенно
сыпало с первой, считая от подвесного моста, известняковой стены,
обохренной, изборожденной трещинами и прозванной поэтому Гнилой
скалой. Она первая приучила не гнушаться каски, а кабины бульдозеров,
кожуха экскаваторов обшивать одним-двумя накатами бревен.

За Гнилой скалой начиналась крутая осыпь, белая настолько, что в
солнечный день впору надевать светозащитные очки. Здесь тоже сыпало,
камни летели прямо в Нарын, а сама осыпь казалась живой, так заметно про-
седала под тяжестью бульдозера врезанная в нее полка дороги. Но за осыпью
можно было перевести дух. Тропа выводила на уступ речной террасы,
получившей название «двенадцатой площадки». Затем долина резко
сужалась, теперь не только правый, но и левый берег враз превращался в
сумрачный, вечно затененный отвес, впрочем, еще более высокий и
недоступный, потому что его до глянца отполированное подножие, как

срезанное ножом, погружалось прямо в нарынские водовороты. Собственно

никаких берегов в обычном понимании этого слова не было. Правый берег —

это скальная плоскость горы Кыз-Курган. Левый — скальная плоскость горы

Чон-Тегерек. Между ними изломанная полоска неба. Река стиснута, кажется,

если прыгнуть, то можно достать рукой левый берег. Воздух и тот сжат,

наполнен громоподобным гулом, стократ отраженным зеркалами скал. Голос

человека не слышен. Он здесь ничто, человек. Напряжение горной тверди,

вставшей на дыбы, ощутимо физически, кажется, две эти плоскости

раздвинулись только что на какой-то миг и теперь под действием взаимного

притяжения должны сомкнуться. Хочется поскорей выбраться на белый свет,

вольный воздух, распрямиться, перевести дух, а потом уж оглянуться назад...

Вот он, Токтогульский створ!

В апреле 1962 года на тропу приехал Казбек Бексултанович Хуриев.

Среднего роста, коренастый, с густой шапкой до времени поседевших волос,

этот на редкость немногословный, сдержанный, внешне даже флегматичный

человек был в Шамалды-Сае одной из самых приметных, всем известных

фигур. И его появление у подвесного моста могло свидетельствовать лишь о

том, что тропа в заботах Нарынгидроэнергостроя выдвигается на первый

план.

Хуриева любили рабочие. Мнение Хуриева было непререкаемо для

линейных инженеров. Так получилось, может, потому, что Хуриев привык

брать на себя самое тяжелое. Привык первым приезжать на створ, а уезжать

последним. Привык вовсе не уезжать со створа, а люди привыкли видеть
створ только в «комплекте» с фигурой Хуриева, облаченной зимой в
полушубок, осенью в спецовку и в выгоревшую ковбойку летом. Хуриев
привык получать информацию из первых рук, а главным образом из своих.
Он любил потрогать все своими руками, все пропустить через себя. Умел
слушать людей. Работать с ними в одной упряжке. В тех решениях, которые
он принимал, люди всегда находили сконцентрированный, точно
выверенный отзвук своих идей, и это не могло не заражать вирусом

творчества. У Хуриева не могло быть молниеносных ответов. Ему всегда
необходимо время. Но никогда не было у него и «потолочных», «волевых»
указаний, обидно-несправедливых приказов. И потому Хуриеву верили.
В Шамалды-Сае Хуриев ведал земляными работами. Здесь, неспешно
пройдя все двенадцать километров тропы, начальник управлёния
механизированных работ земли не увидел. Был камень, пять миллионов
кубов крепчайшего грунта, которые нужно вырвать, перевезти, сбросить в
Нарын. И только для того, чтобы получить нормальный доступ к створу, к
будущей работе.
А вся работа далеко впереди. Да и где работать? Где разместиться
котловану, подъездным дорогам, всем механизмам, движимым и
недвижимым, всем коммуникациям — энергии, связи, воды и воздуха, всем
службам и подсобкам, если ширину жизненного пространства составляют
три метра двадцать сантиметров бульдозерного ножа? Куда

деть изыскателей
с их разведочными штольнями и буровыми по всем ярусам? Все нормальные
стройки начинаются с изысканий. На Токтогульском створе ситуация
складывалась явно исключительная — начало стройки совпало с началом
изысканий и проектирования. Обычно стройки подобного масштаба
развертывают боевые порядки по горизонтали, охватывая подчас десятки
километров. А здесь нет места даже для котлована, вот ситуация: для того
чтобы возвести плотину, здание ГЭС, надо прежде всего отвоевать место для
этих сооружений! Если отвести Нарын, освободится русло. Но куда отвести,
в скалу? Вот именно, больше некуда, надо бить обводной тоннель. Но только
ли для реки? Нужны транспортные тоннели. На разных уровнях. Стройка по
вертикали! В несколько этажей. Целые строительные армии будут висеть
друг над другом, ежечасно решая невозможные задачи по координации своих
действий. Камень спихнуть, с верхних отметок и то проблема. Ведь он
свалится на голову соседа! Да и об этом ли сейчас думать? Вот задача — как
вообще подняться на склон? Как хотя бы дотронуться до левого берега,
воистину чем не место, где еще не ступала нога человека? Нужна какая-то

специализированная служба, эдакое альпинистско-монтажное управление,
каких еще никогда не бывало на стройках страны. Где их взять, таких
спецов? Откуда выписать?

УЧАСТОК ОСВОЕНИЯ СКЛОНОВ

Каренкин появился на тропе в мае. Может, кому-то эти места

и кажутся

живописными, но лично у него первое впечатление не ахти какое было,

особенно после дороги. Человек пятнадцать в кузове ехало. Хватались за

борта, за кабину, однако помотало, потрясло досуга, даже по сторонам

смотреть забывали: не вылететь бы!

Да и на что смотреть? Ни травки, ни зелени какой, скала да полынь —

вся природа. Что и говорить, к самому началу поспел, к сотворению мира.

Посидеть надо с дороги? Пожалуйста, бери пилу, топор, колоти столы,

скамейки из горбыля. Вздремнуть захотелось с устатку? Тоже можно.

Кровать только поставь сначала, матрац получи. Где ставить? Да вот сам

смотри, где и что разместить, ты первый, кивать не на кого. Крыша над

головой понадобилась? Готовь стойки, вяжи оттяжки, палатку у прораба

Саши Пятерева спроси, пока он на правом берегу за всех и вся.

На следующий день из Шамалды-Сая приехал Хуриев.

— Кто старший?

— Все старшие!

Помолчал, оглядел столпившихся вокруг зачинателей и первопроходцев,

задержал взгляд на Каренкине:

—Вот вам старший. Согласны?

Так Леша Каренкин стал бригадиром. К немалому своему удивлению.

Накануне пяти слов не сказали друг другу с Хуриевым. Один подал

заявление, другой подписал. Ни ростом, ни статью какой, ничем, кажется, не

выдался Каренкин, а вот угадал Хуриев. На многие годы вперед.

Бригада каренкинская сложилась поздней. А первое время народ

проходил через бригаду разный, разной была и работа.

Времянки ставили
всяческие — навесы и бараки, потом перешли на тропу. Чистили откосы.
Били шурфы для взрывных работ. Шурфы закладывались у подножия
откосов, и все то, что сыпалось или могло сыпаться сверху, приходилось
прежде всего на долю шурфовиков. Так и познакомились. Теперь горный
склон представляется не просто элементом горного рельефа, имеющим к
человеку весьма косвенное отношение, а затаившимся врагом, внезапным и
жестоким.
«Военные» действия начались без всяких видимых для человека причин.
Обломок мраморизованного известняка резво проскакал через весь склон и с
хрустом врубился в экскаватор. Приехал Хуриев, собрал рабочих, сказал, что
судьба стройки во многом зависит от того, насколько удастся очистить
склоны от «живых» камней, что эта работа рисковая, всерьез и потому
требует добровольцев.
— Как, бригадир? Найдутся добровольцы?
Каренкин нахмурился. За других ручаться не может, но если речь о нем
лично, то что ж, он согласен, на склон так на склон. Вызвался Джиныш
Алахунов, и другие потянулись. Каких только профессий не перебрали на
своем веку эти люди, а вот такой еще не было — оборщики склонов. Только
разве это профессия? Забава мальчишечья — камни с гор пускать, игра,
удовольствие одно, за что только деньги платят?
За что, разобрались быстро. За «так» денег не платили и здесь. А когда
подошла зима и по трубе ущелья задул ветер, людей в бригаде заметно
поубавилось. Правда, уходили не только парнишки с наспех выписанными
где-то комсомольскими путевками, были в бригаде шоферы,

бульдозеристы,

работавшие оборщиками временно, в ожидании машин. Теперь техника стала

поступать, и с этими людьми приходилось прощаться. Каренкину уходить

было некуда. Разве что на бетон? Что ж, когда-нибудь придет пора и бетону.

Первая зима в Кара-Куле оказалась и самой суровой, многоснежной и

морозной. Как нарочно и только для того, чтобы испытать людей,

рискнувших зимовать на необжитых берегах. Дороги завалило, иной раз

сообщения между правым берегом, поселком, Таш-Кумыром не было по

нескольку дней. Оборщики Каренкина жили в Токто-бек-Сае в землянках,

бывая дома только в воскресные дни. Да и в поселке, только нарождающемся

на свет, жизнь была нелегкой. Не было электричества, сидели при лампах, не

было водопровода, ходили к родникам на пойму. Часами стояли в очередях

за самым необходимым, потому что наладить торговлю всегда, как известно,

куда трудней, чем, скажем, повернуть вспять Нарын или поменять местами

горы Кыз-Курган и Чон-Тегерек. Одно утешало — дом! Каренкин получил

«пэдэушку»! Новенький, только что с завода, еще пахнущий деревом и

краской трехкомнатный гибрид загородного коттеджа и жилого вагончика на

колесах — «передвижной домик, усовершенствованный ПДУ». Со всеми

удобствами! Правда, эти удобства: и свет, и газ, и водопровод, и отопление, и

канализацию — надо куда-то подключать, а подключать пока некуда, но это

все детали, со временем образуется, а пока вот ордер и ключи. Наконец-то

своя квартира! Прямо с трайлера — на фундамент!

Поднимались один за другим управленческие и жилые бараки,
общежития и столовые, по всем трассам вокруг слияния Кара-Су и Нарына
ворочались бульдозеры, вытесывая зигзаги троп и строительные площадки, а
Бушман все никак не мог выбраться из Шамалды-Сая, где и после разрезания
ленточек и торжественных собраний по поводу пуска станции надо было
заниматься всяческой «мелочевкой», «незавершенкой», неблагодарной
возней по устранению недоделок, брака, на что так трудно бывает найти
энтузиастов и что все-таки надо кому-то делать.
Бушман окончил Киргизский сельскохозяйственный институт,
гидромелиоративный факультет. В те годы спортивный клуб СХИ считался
во Фрунзе одним из сильнейших, причем особой популярностью
пользовалась секция альпинизма. И каждая альпиниада, суматошная,
радостная, с песнями и кострами, с первыми в жизни победами и цветами по
случаю побед, заражала «горной болезнью» все новых своих подданных. Не

избежал этой участи и Бушман. Даже третий разряд выполнил. И хотя от
альпинизма он вскоре отошел, эта страничка бушмановской биографии тем
не менее пригодилась. О ней вспомнил Хуриев. Он приезжал к Бушману в
Шамалды-Сай, спрашивал книги по альпинизму, советовался, как быть.
Видимо, книг и рекомендаций бывшего третьеразрядника оказалось
недостаточно, и тогда на свет появился подписанный Хуриевым приказ о
назначении Бушмана Д.В. начальником участка земельно-скальных работ.
Позже титул приобрел еще большую конкретность и

экзотичность:

начальник участка освоения склонов.

Как быть? Что делать? Люди едва справляются с оборкой откосов над

тропой, но ведь это цветики, ягодки там, на створе! Что придумать с Гнилой

скалой? Летят с нее на дорогу «подарки», и все тут! Кому-то пришла в голову

мысль, что хороший артналет враз очистит скалу от сыпучих камней. Ведь

как пишут на этот счет беллетристы, авторы рассказов о приключениях в

горах? Стоит только выстрелить, столкнуть один камешек и...

Вызвали артиллерийскую батарею. Такого еще не было, небывалая

дуэль! Она могла свидетельствовать и о безграничной вере в технику, будь то

бульдозер или гаубица, и о человеческой растерянности, о полном незнании

противника. Отзвучало эхо разрывов. Скатились редкие обломки известняка.

«Боги войны» сконфуженно развели руками, подобрали отстрелянные гильзы

для отчетности и уехали.

И на склон вновь пошла «царица полей», матушка-пехота — рабочие-

оборщики с ломиками в руках. Где в одиночку, где подсаживая друг друга,

они лезли по дымящимся от пыли кручам, и смотреть на эту самодеятель-

ность было куда труднее, чем лезть самому. Люди не знали гор. С равными

шансами на успех можно сажать за руль самосвала человека, имевшего дело

разве что с заводными игрушками. Каждый день с каждым из оборщиков

могло что-нибудь случиться, а традиционный инструктаж по технике

безопасности не только не успокаивал, но, наоборот, всякий раз лишь

убеждал Бушмана в том, что надо срочно принимать какие-то меры. Какие?

Никогда, ни на одной стройке не было ничего похожего.

Осколком камня перебило руку Талгату Мавлетову. Сорвался на Гнилой

скале Володя Мартыненко. Это был молодой ловкий парень, совсем недавно

прибывший на стройку после службы в десантных войсках. Когда его

вытащили из осыпи, спецовка и та была пробита, изжевана камнем, о ногах и

говорить нечего — три перелома. . Слишком дорогая цена за попытку

сбросить ненадежный камень. Счастье еще, что парень остался жив. Чудом!

Но так ли часто будет баловать их это чудо?

Бушман запомнил этот день навсегда. 26 июля 1963 года... Был такой

участок на трассе дороги — Красная порода. В тот день там работал

машинист экскаватора Филиппов, там, в забое, он и погиб под неожиданно

рухнувшей скальной стеной. Были комиссии, проверки, но строже всех

проверяющих искали причину аварии сами «уэмэровцы».

Два дня не мог Бушман найти Хуриева. А когда Хуриев появился, он

отозвал Бушмана в сторонку, вытащил записную книжку, стал чертить.

—А вот такой штуки ты не замечал? Идем, я тебе покажу...

Они ничего не слышали о трещинах бортового отпора. И вот узнали...

Скалы жили своей жизнью. Это только в стихах они вечны и незыблемы. А

здесь, на створе, они ползут, смещаются, и, значит, о них надо знать все, о

каждом «живом» блоке.

Надо знать. . А УМР дальше самых доступных мест еще и не двинулось.

Еще ни разу не коснулось левого берега. Хуриеву переправа через Нарын

чуть ли не снилась, на свой страх и риск он с группой товарищей пытался

пройти к левобережью прямо от Кара-Куля, перевалив острый гребень гряды

Чон-Тегерек. Они ушли с ночевкой, час за часом стараясь

отыскать спуск к

Нарыну среди гладких плит, отвесных сбросов, предательски-скользкой

щебеночки, поскрипывавшей под сапогами и осыпавшейся в провал, от

устрашающей глубины которого захватывало дух.

Однако решение пришло не здесь, опять-таки на правобережной дороге.

Река делает изгиб. Дорога вторит изгибу. Как просто! Надо взять трос,

привязать к двум бульдозерам, и, когда машины разъедутся в разные сто-

роны, трос натянется. Возможно, он коснется скал левого берега. Вдруг

получится?

Глазомер Хуриева не подвел. Трос коснулся, и тогда монтажник Семен

Подрезов вызвался переправиться на левый берег. Ничем особенным не был

приметен на стройке этот человек. Никогда не значился он в числе лучших. А

вот загорелся, выпросил себе это право, словно почувствовал, что это его,

Семена Подрезова, звездный час. Подрезов переправлялся с помощью легкой

стремянки. Над серединой реки трос вдруг провис, и к берегу монтажник

добрался с трудом, изранив все пальцы. Хлопнул окровавленной ладонью по

скале, словно играл с ней в пятнашки, перевел дух, оглянулся на правый

берег, помахал собравшимся ватной от усталости рукой.

—Порядок!

ВОЛОДЯ АКСЕНОВ. КАРА-КУЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

Все только начиналось. И начинать надо было с учебы. Разговор с

Хуриевым. Командировка во Фрунзе. Визит в Комитет по делам

физкультуры и спорта, где была названа фамилия Аксенова, начальника

учебной части альплагеря «Ала-Арча». Мастер спорта по альпинизму,
выпускник
Фрунзенского
института
физкультуры,
худощавый,
светловолосый, лет двадцати пяти, Владимир Аксенов показался человеком
немногословным, несколько даже замкнутым... Сразу перешли к делу.
—Есть серьезный разговор, — предупредил Бушман. И рассказал о
створе. Аксенов слушал внимательно, но заинтересованности, той, на
которую Бушман рассчитывал, не проявил. Наверно, не очень убедительно
выглядела на словах суть дела. Во всяком случае, на приглашение переехать
в Кара-Куль для постоянной работы «начуч» ответил отказом. Съездить —
другое дело. В порядке шефской помощи. На недельку-другую, инструктаж
провести...

Что ж, на том и порешили. Но Бушман про себя надеялся на другое. Он

знал, как действует Токтогульский створ.

Аксенов ходил по створу в состоянии явного нервного шока. Будучи
инструктором, а тем более «начучем», он по должности своей привык
отвечать за людей, за каждый их шаг в горах, особенно там, где «есть куда
падать». То, что он увидел на тропе, повергло его чуть ли не в ужас, хотелось
тотчас остановить все работы, спустить людей вниз, выявить виновных и
одним махом снять все разряды, все инструкторские звания, лишить права на
руководство, запретить появляться в горах.

Если б это были альпинисты! Ну а где альпинисты? Где еще найдут они
столь прекрасную возможность продемонстрировать свое умение, доказать
практическую значимость любимого занятия, разом заставив замолчать
прагматиков и скептиков? Он, Аксенов, без веревки здесь бы не полез. А вон
там двое лезут, и один подает другому руку, хотя сам неизвестно как
держится; да и куда они вообще лезут, выше стена! Нет, всех вниз. Всех на
занятия. Он остается в Кара-Куле. Надо подготовить хотя бы одну группу!

Как иначе смотреть людям в глаза?

Первыми слушателями альпинистских курсов стали сборщики бригады
Леонида Каренкина. Народ подобрался тертый, за словом лезть в карман не
привык, а дни, проведенные на оборке, давали, как им казалось, полное право
считать себя лучшими знатоками всего того, что связано с горами, а посему
поглядывать на всех прочих сверху вниз, даже если кто-то там и альпинист.

Знаем мы этих альпинистов! Где они с веревкой лазят, в кирзухе ходить
можно, на ишаке ездить!

Конечно, тон задавал сам бригадир. Характер у Каренкина

ершистый,

последнее слово всегда за ним остается, а уж чьих-то поучений и вовсе

терпеть не привык — грамотные!

— Ну вот, на привязи мы еще не работали, — тотчас откликнулся

Каренкин, с детства сохранивший привычку ожидать от судьбы и от

окружающих каких-то каверз, стоило Аксенову вытащить из рюкзака веревку

и показать несколько узлов. — Это еще что, — ворчал Каренкин, хмуро

разглядывая горные, оббитые триконями ботинки, — и так еле ноги

таскаешь, а тут одних железок на два кило...

На первом же занятии по скалолазанию сорвался Мамасалы Сабиров. Он

только что, как его научили, забил в трещину крюк, пристегнул карабином

страхующую веревку, двинулся было дальше, и вдруг срыв. Крюк выдержал,

и парень пролетел совсем немного. Он стоял на земле, растерянно улыбался и

смотрел вверх. Как мгновенно, как неожиданно все может случиться! Шутки

смолкли, реплики с задних рядов теперь пресекались прежде всего самим

Каренкиным. Началась учеба, исполненная уважения и к знаниям

инструктора, и к его опыту, и даже к высокогорным ботинкам, на которых

«одних железок на два кило».

Так подготовили первую группу. Приняли зачеты, присвоили разряд. Но

что для стройки восемь человек? Взялся готовить вторую группу, бригаду

Джеенбека Анарбаева. С ней было легче. Во-первых, помогал опыт работы с

каренкинцами, во-вторых, народ у Анарбаева был степенный, с простыми,

«здешними» биографиями, ко всему относящийся всерьез.

Из охотников пришел в оборщики Джеенбек Анарбаев.

Известным в

Токтогуле охотником был Раимбек Мамытов, крепкий, завидного здоровья и

самообладания человек со следами медвежьих лап на плечах. Спокойно

относились к высоте Инеш Токторбаев и Акчибай Кадырбаев. . Однажды во

время работы на Акчибая неожиданно сунулась громоздкая каменная плита.

Отойти, отбежать в сторону оборщик уже не успевал. Не спеша, как на за-

нятиях, Акчибай оттолкнулся от склона, отлетел на веревке в провал ущелья

и, когда камнепад проскрежетал мимо, маятником опустился на свое место.

Вилась пыль, грохотало эхо, в сторону Акчибая спешили встревоженные

товарищи, а он уже работал, словно ничего особенного не произошло...

Спокойствием, редкой выдержкой и добродушием отличался среди

оборщиков и Мамасалы Сабиров. Казалось, нет на свете ничего такого, что

могло испортить ему настроение, согнать белозубую улыбку с загорелого до

черноты лица. Сын табунщика, Мамасалы был родом из Науката, куда люди

стремятся издалека, даже из соседнего Узбекистана, лишь бы провести день-

другой в ореховых и абрикосовых рощах этих редкостных по красоте мест. .

Куда ехать от такой земли? И все же, когда в газетах появились первые

сообщения о Токтогульской ГЭС, Мамасалы, едва окончив школу, не

раздумывая, отправился в Кара-Куль. Ему не было восемнадцати, когда он

стал оборщиком, на равных ворочая скалы рядом с матерыми, всего

повидавшими в жизни мужчинами. Но если старшим этой работы хватало

досыта, то Мамасалы только входил во вкус, и, когда

каракульцы,
организовав секцию альпинизма, собрались на первую свою альпиниаду,
среди них был и Мамасалы. . Да и как отстать от товарищей, если альпиниада
проводилась рядом с Наукатом, в родной Киргиз-Ате?!

ЗАКОЛ НАД ВЫХОДНЫМ ПОРТАЛОМ

Руководил альпиниадой Володя Аксенов. Он так и не вернулся во
Фрунзе ни через неделю, ни через две, ни через месяц. Он лишь съездил за
семьей, получил ключи от «пэдэушки» и вновь принялся за скалолазные
дела, которые, в общем, только разворачивались. Теперь он готовил не
только оборщиков. Пришло время учить альпинизму плотников — им
предстояло оплести склоны снизу доверху пешеходными трапами;
монтажников — они должны были навешивать грузовые переправы и
трубопроводы, ставить сетчатые ловушки для камнепадов и прокладывать
ЛЭП; учить проходчиков — им надо было бурить скалу чуть ли не в воздухе,
с подвешенных к крючьям переносных дюралевых площадок; даже
бульдозеристов — началась прокладка троп к верхним отметкам. И еще надо
было учиться самому. Теперь, когда он, Аксенов, стал обладателем
единственного в своем роде титула прораба по скалолазанию, не было дня,
чтобы не приходилось иметь дело со всякого рода чертежами и монтажными

схемами, процентовками и нарядами на выполненные работы, чему в
институте физкультуры не учили. Так с дипломом в кармане вдруг оказался
неучем. При всех лестных скидках положение было не из

приятных, и

потому, едва в Кара-Куле открылся вечерний филиал Фрунзенского

политехнического института, Аксенов вновь стал студентом, теперь уже

отделения гидротехнических сооружений.

Итак, вечером теория, днем практика. К примеру, такая. Приходят из

Гидроспецстроя, просят убрать закол над выходным порталом обводного

тоннеля. Закол — это огромная, едва держащаяся глыба; не убрать ее —

может рухнуть, натворить дел. Пошли с Кенешем Джангельдиевым. Он тоже

кончал институт физкультуры, занимался альпинизмом. . Сорок метров

скального «зеркала». Шли два дня, били шлямбурные крючья. Закол нависал

над головой мощным карнизом. До него оставалось совсем ничего, когда

Володя глянул вниз и вдруг увидел, что шлямбурный крюк, на который он

так полагался, медленно вылезает из пробитого для него отверстия. Володя

замер. Он оказался практически без страховки. Теперь в случае срыва его

задержит только второй крюк, но задержит уже после удара о скалы. .

Хлестала по лицу жесткая снежная крупа. Коченели пальцы. Внизу у

костра грелись оборщики, смеялись девчата-сигнальщицы, ползли по дороге

тяжелые самосвалы, проносились дежурные машины, увозя людей кого со

смены, кого на обед. А он, Аксенов, висел на стене в самом безвыходном

положении, и помощи ждать было неоткуда. Даже крикнуть не мог. От крика

он бы сорвался. Так и спустился. Молчком.

Отдышался. Перебил крюк. Вдвоем поднялись к заколу, вытащили

наверх взрывчатку, подпалили.

—Ну вот, — сказали гидроспецстроевцы, — тут-то и дел, оказывается...

Больше разговоров!

Весной 1964 года начали бить тропы к верхним отметкам. На правом

берегу это была отметка «905», на левом — отметка «1300».

—Чистая война, — говорили рабочие. И в самом деле, тут многое

напоминало о войне. Бесконечная канонада ближних и дальних взрывов.

Долгие отсидки в укрытиях. Сухая дробь камнепада, пулеметной очередью

ударившего по дороге. Каски, брезентовые робы. Суровый мужской труд,

щедро приправленный потом и риском.

Впереди шли оборщики-верхолазы. За ними, пользуясь крючьями и

навешенными веревками, поднимались бурильщики. Они оставляли за собой

шпуры. В эти шпуры плотники забивали анкера, нарезанные из арматурной

стали, прикручивали к ним тут же сколоченные трапы и перила. Весь этот

крепежный лес, арматуру, мотки проволоки надо было как-то забрасывать

наверх, и тогда люди выстраивались в цепочку, пристегивая себя к забитым в

скалу крючьям, и начинали «качать» снизу вверх, из рук в руки. Этот живой

транспортер существовал до тех пор, пока не появились грузовые канатные

переправы. Но ведь и для этих переправ надо было затащить и лебедки, и

трос, и кабель, а разговоры о применении вертолетов стали излюбленной

темой острот во время перекуров.

— Пока вертолеты будут, ГЭС построим!

И сами удивлялись, глядя на сложные узоры ветвящихся по склонам

трапов и ловушек: неужели все это на своей спине?

В районе отметки «905», на двухсотметровой высоте должен пройти

гребень плотины. Первыми туда поднялись геодезисты, разумеется, в

сопровождении верхолазов; укрепили красный флажок. Флажок стал целью.

Теперь бригады, работавшие на трапе, каждый день высчитывали, когда

доберутся до флажка, до будущего гребня будущей плотины. Они делали в

смену по пять-шесть метров. И у флажка оказались через полтора месяца.

Кричали «ура!», размахивали касками. Два метра выше плотины! Это было

событие! И так ясно оно дало понять, что, собственно, еще почти ничего не

сделано, что все опять-таки только-только начинается.

72
БЕНИК МАЙЛЯН. ОТМЕТКА «1300»

Беник Майлян приехал в Кара-Куль в сентябре 1963 года. Он окончил

энергетический техникум в Ереване, строил в горах небольшие

электростанции, служил в армии. О Кара-Куле узнал из газет. Захотелось

посмотреть Среднюю Азию, да и стройка привлекла: одна из самых высоких

— свыше двухсот метров — плотин в стране, знаменитая Братская ГЭС, и

та на сто метров ниже!

Приехал — разочаровался. Привык к зеленым горам, живописным

селениям, к налаженному, крепкому житью-бытью, во всем отмеченному

традициями и довольством. А каракульцы ездят на базар в Таш-Кумыр, а то и

еще дальше — до Андижана. А местный торг только принимает решения по

поводу «организации продажи овощей и других сельхозпродуктов». А горы

— выжженный, мертвый камень. А река мутная, как столовский кофе. А

кофе в зернах нигде не достанешь, приходится просить то москвичей, то

отбывающих в командировку прийти, прислать почтой ну хоть один

килограмм хорошего кофе — вечером с товарищами посидеть, как без этого?

Собирались субботними, воскресными вечерами то у Бушмана, то у

себя, в «итээровском» общежитии. Пели песни, думали над тем, над чем

некогда было думать днем, спорили и решали проблемы, начиная от сугубо

бытовых и до мировых включительно. Расходились за полночь, но все были

молоды, и сил хватало на все. Дело кончилось столкновением с

воспитательницей общежития, бдительно боровшейся с «нарушителями

режима», комиссией из постройкома, собранием, на котором было пред-

ложено направить жизнь общежития по «новому руслу» И «итээровская»

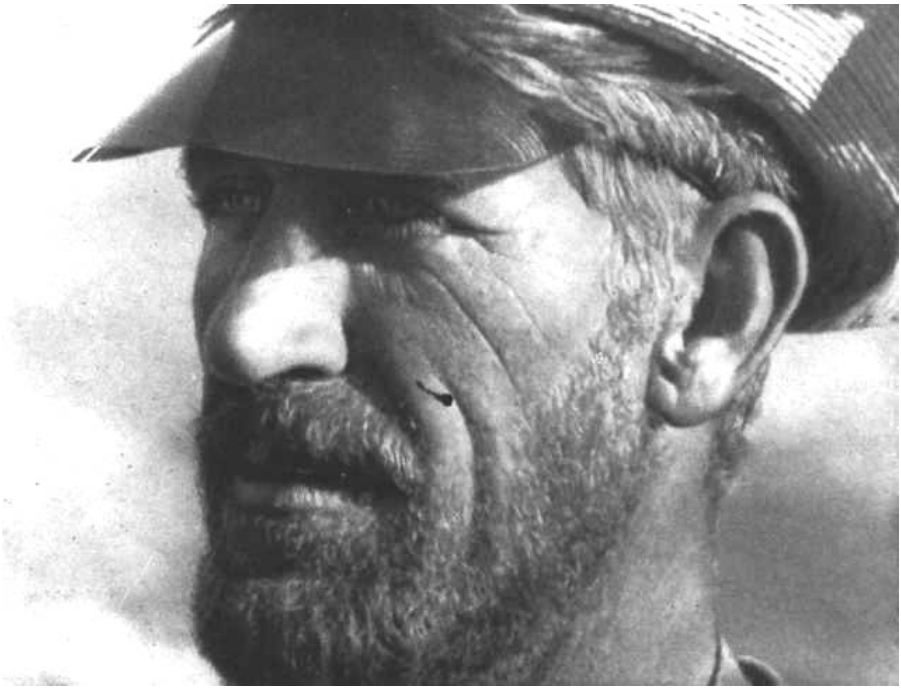
«коммуния» прекратила свое существование. Впрочем, она в любом случае

была обречена на гибель, но уже по другой, естественной причине. Кара-

Куль быстро отстраивался, и ребята один за другим переезжали в свои,

персональные квартиры. Переехал и Майлян. Теперь он жил в «пэдэушке»,

занимая ее со своим «шефом», прорабом правобережной дороги Кайратом



73

Умралиным. Кайрат оказался давним, еще по студенческой скамье

товарищем Бушмана. Как и Бушман, он пришел на стройку с Учкурганской

ГЭС. Почти ровесник Бенику, Кайрат был нетороплив, основателен и

предельно неразговорчив. И еще он предпочитал пить чай. А Беник

предпочитал пить кофе.

Анатолий Павлович Балинский. Тоха

Ала-Арча. Альпинистский лагерь

74

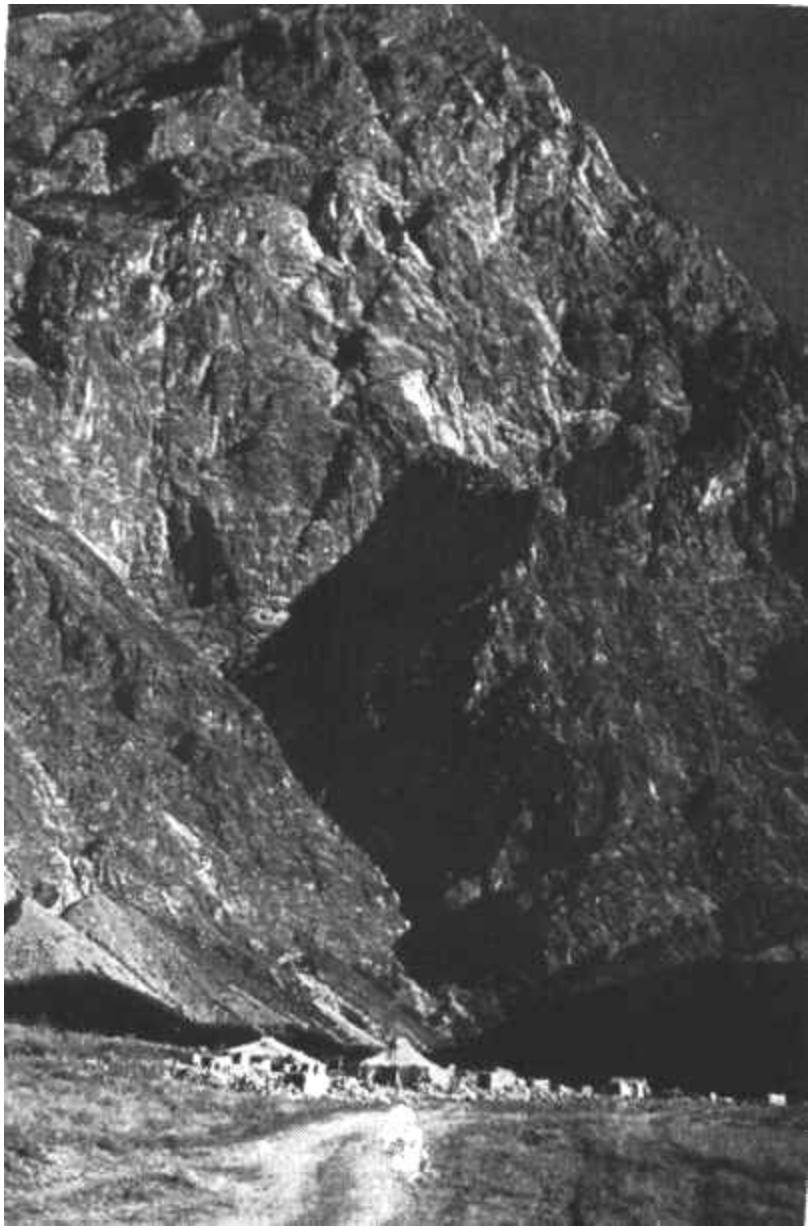
Первые «единички». Цирк ледника Адыгене.

На учебные занятия. Ведет Анатолий Балинский

75

Эля Насонова – инструктор группы рабочего проектирования

На карнизном гребне. Как пройти?



76

Река Нарын. Токтогульский створ

Гора Кыз-Курган. Первые палатки

77

Над створом. И так изо дня в день

78

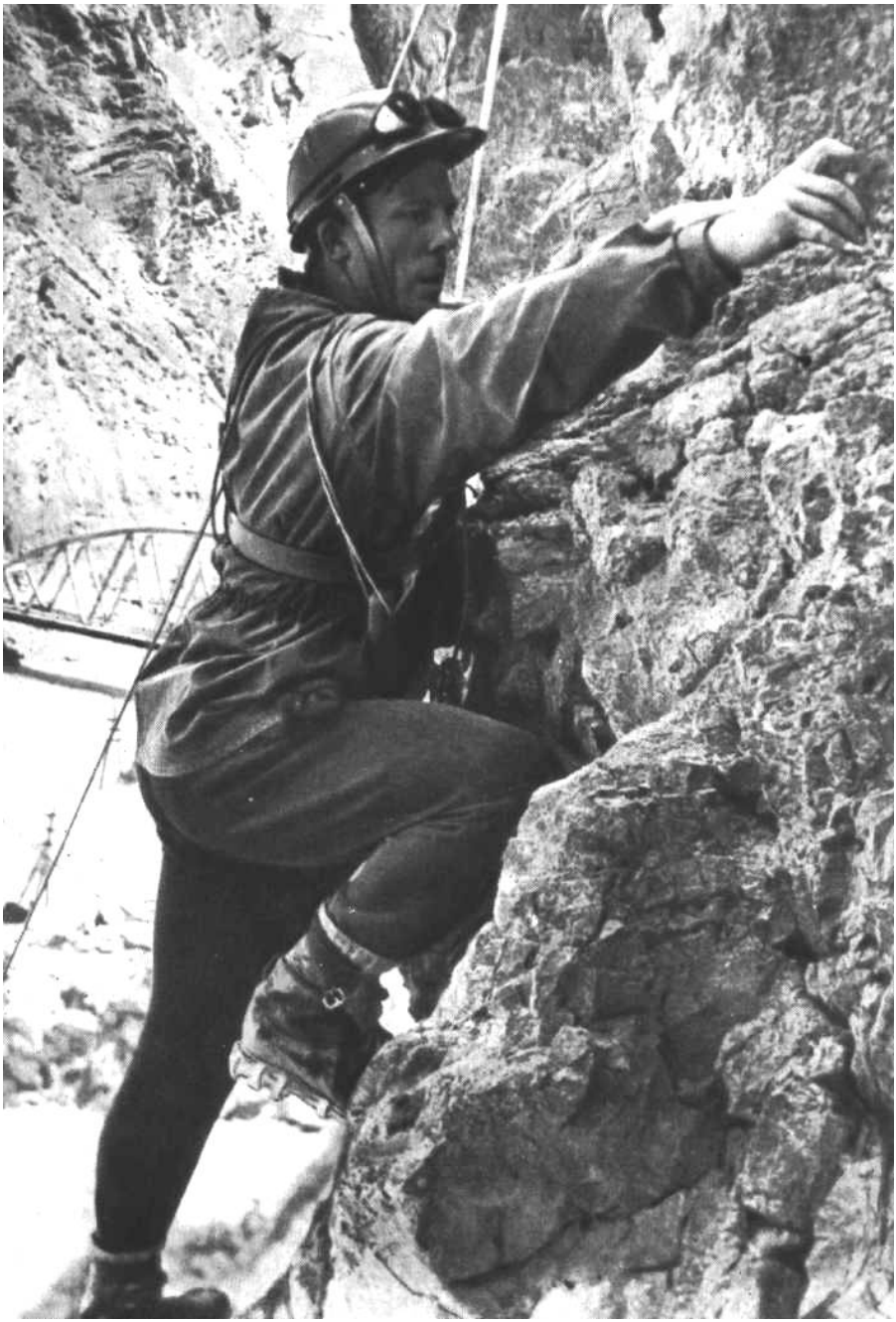
Владимир Аксенов. Прораб по скалолазанию

Створу нужна ЛЭП? Она будет.

79

«Хозяин отметки «1300». Беник Майлян.

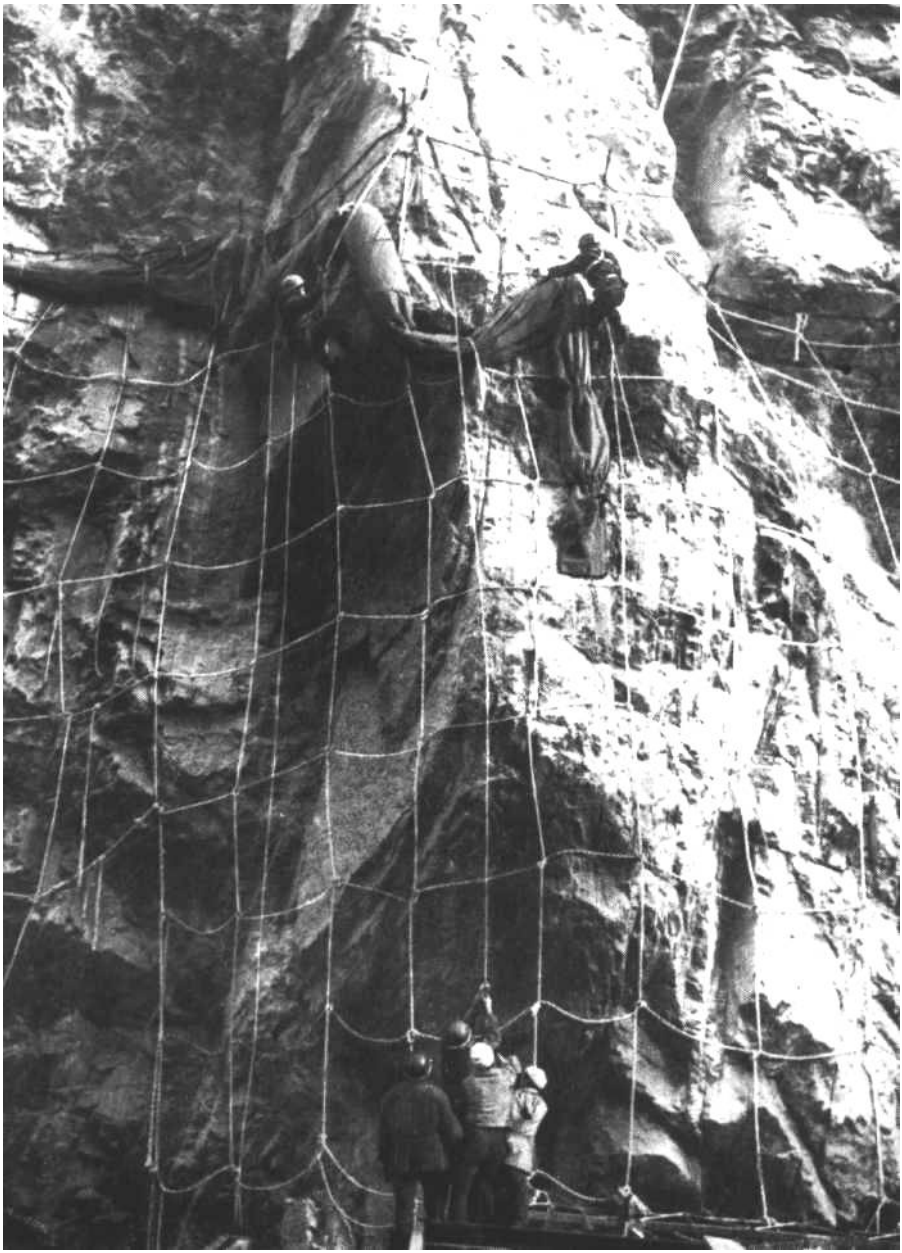
На бульдозерной тропе



81

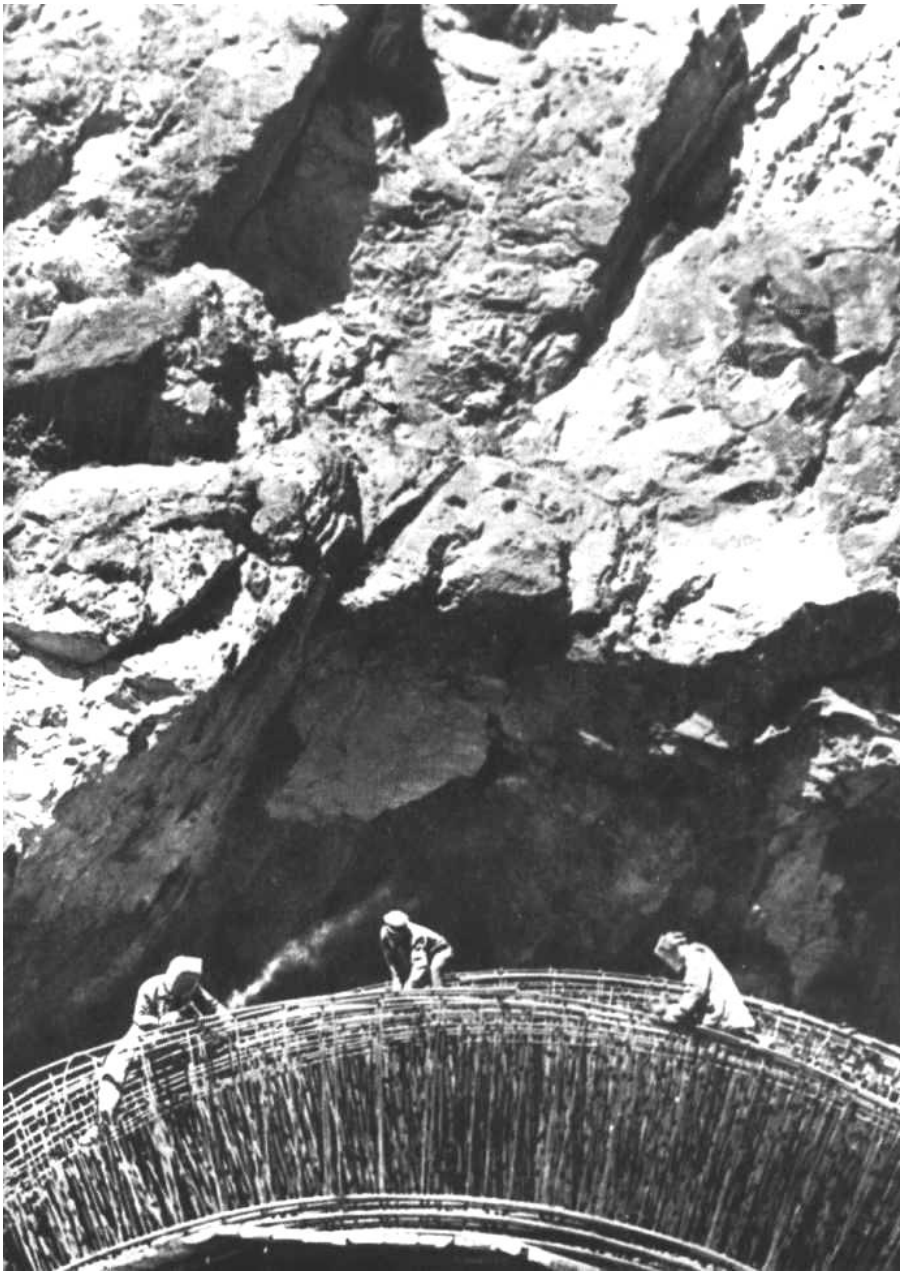
Дима. Дмитрий Владимирович Бушман.
Начальник участка освоения склонов

«Такси» на 1300



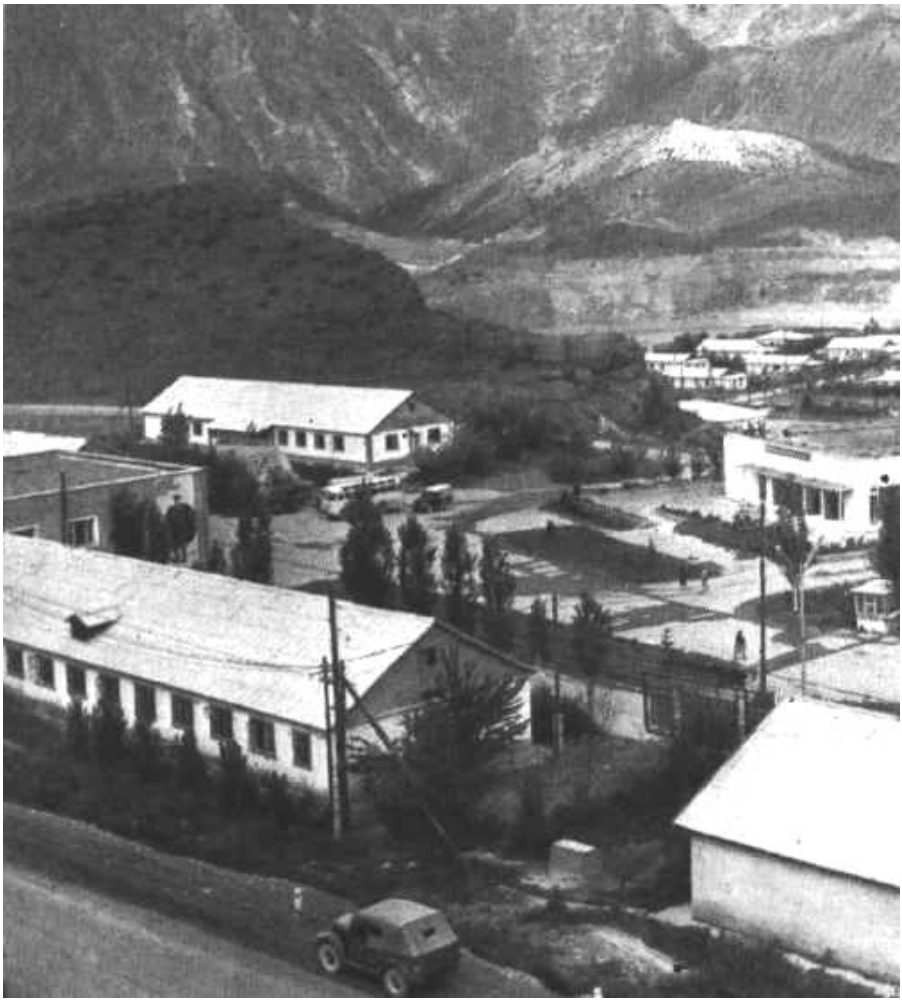
82

Укрощение скалы.



83

Люди. Камень. Сталь.



84

Кара-Куль. Площадь Гидростроителей.

Обводной тоннель. Еще час-другой, и сюда пожалует Нарын.

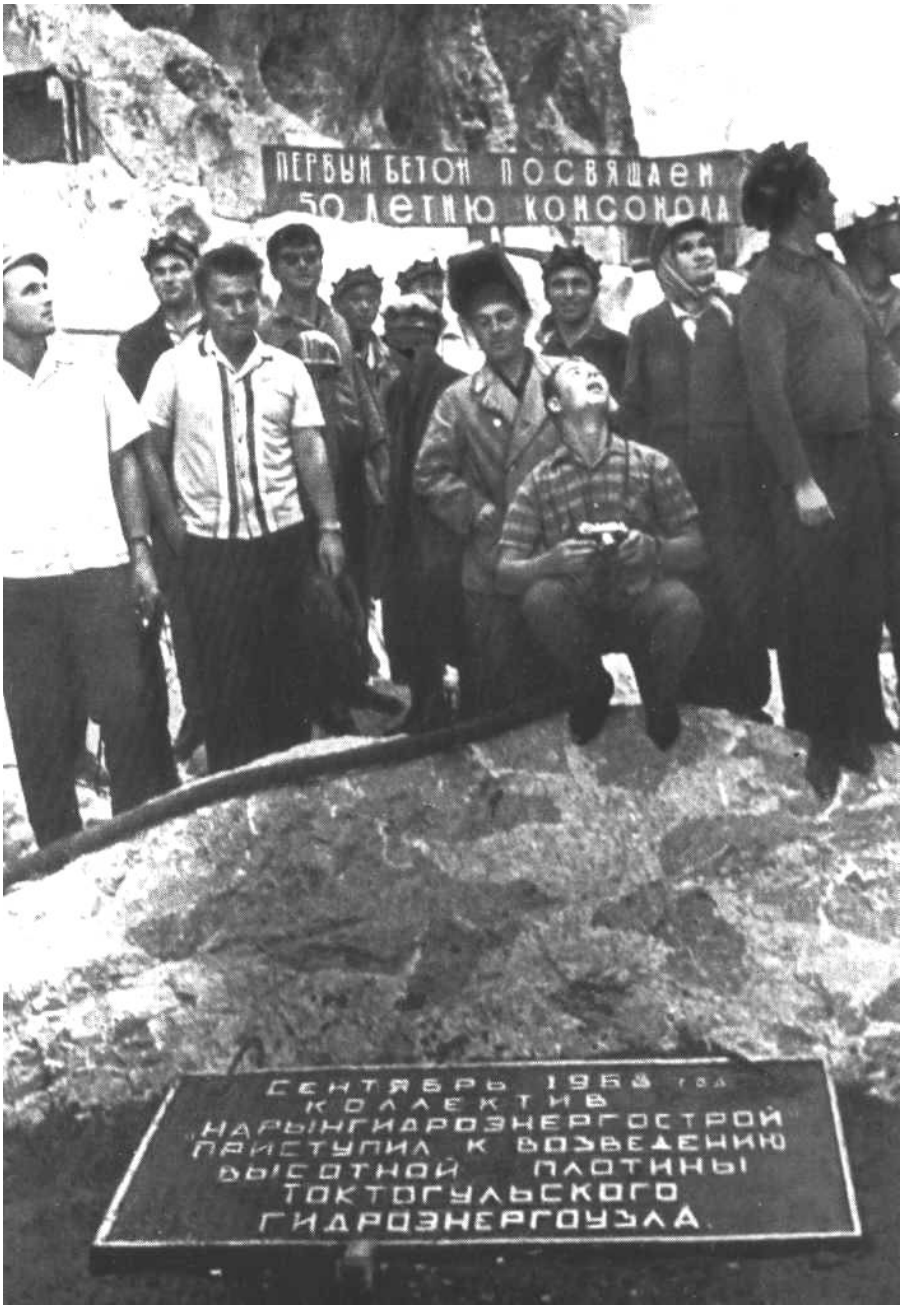
85

Створ. «Моют» скалу.

86

Зосим Львович Серый. Бессменный начальник Нарын-гидроэнергостроя,
Герой Социалистического Труда

Перекрытие Нарына.



87

Первый бетон. Все только начинается.

88

Токтогульская ГЭС. Теперь есть на что и посмотреть.

89

Собственно, Беник не собирался задерживаться в Кара-Куле,

он так и
планировал: посмотреть и катить дальше. Дальше — это в Сибирь. Затем на
Камчатку. Потом домой, в Ереван. Тем более что его назначили сменным ма-
стером на правобережную дорогу, а он не испытывал особенного интереса к
земляным работам. Беник заскучал. И когда встретил Бушмана, а встретил в
самом подходящем для такой интимной беседы месте, на пешеходном
мостике над Нарыном, где никто ниоткуда не подойдет и не помешает, то
сказал, что ничего против соседа по «пэдэушке» не имеет, что значение
правобережной дороги целиком и полностью сознает, однако просит другую
работу, а если таковой нет, то он, Майлян, пожалуй, будет собирать чемодан.
При всей дипломатичности Беника вопрос был поставлен вполне
ультимативно, а ультиматумы раздражают. Но Бушман терять товарищей не
любил, и вопрос о переводе Майляна на другую работу был в принципе
решен тут же, на пешеходном мостике. Тем более что створ — это не такое
уж теплое местечко, куда устраиваются, используя всяческие приемы; створ
— это на любителя!
Сначала вместе с бульдозеристами Анатолия Курашова и Эбазыра
Караева Беник снимал осыпь над компрессорной станцией, а с весной ушел в
Токтобек-Сай, где плотники Геннадия Абрамова строили склад взрывчатых
веществ. Потом вместе с абрамовцами он прокладывал трапы к отметке
«905»; собственно, это были первые трапы на створе, так что сетовать на
ординарность, однообразие работы как-то не приходилось. Еще меньше
пришлось скучать на первой бульдозерной тропе, которую Эбазыр Караев и

Решат Бекиров начали бить над входным порталом. Таким крутым был
склон, такой практически немыслимой казалась тропа, тем не менее
пробитая, что, когда осенью 1964 года возник вопрос о прокладке
бульдозерной тропы по левому берегу, к отметке «1300», эта работа была
безоговорочно доверена Бенику Майляну: лучшего спеца по части
бульдозерных троп на створе на знали.

Тем временем Кайрат Умралин делал бульдозерную переправу, к

сентябрю она была готова. Но, конечно, ею занимались все: и Хуриев, и его
правая рука, главный инженер УМР Георгий Георгиевич Татаров, и Бушман,
и прораб Гидромонтажа Вадим Гришаев. Все-таки это не верхолаза
переправить, не связку горбыля или арматуры, а тридцатитонную махину,
явно не предназначенную для форсирования водных преград, а тем более по
воздуху.

Переправу назначили на воскресенье. Чтобы народу лишнего не было,
чтобы никто не вертелся под ногами, не лез под бульдозер, чтобы... да мало
ли что может быть? Главное, выдержали бы анкера, замурованные в левый
берег: расчеты расчетами, а у тех, кто на створе работает, к скале доверия
нет, какою бы монолитной она со стороны ни казалась.

Но все прошло гладко, и анкера, в общем, выдержали. Вслед за машиной
Эбазыра Караева, тотчас прозванной «Востоком» и «летающим бульдозером», на левый берег последовали вторая, третья, четвертая
машины, и теперь остановка была за «малым» — перенести на натуру тропу,
спроектированную и начерченную по аэрофото. Различие между натурой и

аэрофото выяснилось сразу же, на первых метрах. . но это уже ничего не

могло изменить. И потом, как сказал однажды Бушман, Беник может сделать

то, чего никогда не сделал бы, но сделает, чтобы не подумали, что он не

сможет это сделать...

Бенику помогал инженер техотдела Коля Тен. Горячность,

экспансивность

одного

уравновешивались

невозмутимостью,

обстоятельностью и в то же время деликатной отзывчивостью другого, а это

немало значило в тех условиях, в которых им выпало вместе работать.

Конечно, уставали и физически. Но в стократ больше они изматывались

душевно, переживая каждый поворот, каждый маневр; ведь крутизна полки

вдвое превышала уклоны, обозначенные в технических паспортах

бульдозеров как критические... Вдвое больше допустимого!

Наверное, создатели бульдозеров и не подозревали, какую надежную

машину для разработки скалы они сделали. Да и Майлян и сами

бульдозеристы не сразу осмелились переступить красную черту технических

ограничений Конечно, они многим рисковали, пока не узнали, каким

колоссальным запасом мощи и устойчивости «востоков» обладают.

Рисковали бульдозеристы. Рисковал Беник. Рисковал Бушман. Но за их

спинами стоял Хуриев, а Казбек, они знали, ничего не решал с кондачка. С

Хуриевым можно было и рисковать.

Беник Майлян шел впереди головного бульдозера. Вернее, пятился

перед ним. Весь световой день. Все два километра по горизонтали и шестьсот

метров по вертикали, все двадцать пять дней штурма отметки «1300».

Пятился, не сводя глаз с висящей над склоном гусеницы, осторожно

командуя чуть заметными, предельной скупости движениями напряженной

ладони. Этой ладонью он говорил больше, чем смог бы сказать словами,

объяснить на чертеже. И его ладони бульдозерист доверял больше, чем са-

мому себе. Это был особый, высший класс работы, высшая мера понимания,

доверия, а еще и азарта, без чего на 1300 пробиться было бы, наверное,

невозможно.

А они пробились. Последний рывок получился таким резким, что на

перевальную седловину, к самой верхней точке тропы головной бульдозер

выскочил без гусеницы — не выдержала, слетела. Тут помучились

основательно. Для домкрата и то места не нашлось, думай, ломай голову, как

машину обуть — задачка!

Пролетел вертолет, в вертолете находился Бушман, он увидел на

седловине неподвижный бульдозер, а рядом пять-шесть человек, чем занятых

— непонятно. А они надевали гусеницу. И поскольку деваться некуда,

надели ее. Пока чинились, вниз не спускались, ночуя тут же, на 1300,

облюбовав для жилья глубокую нишу под карнизом конгломератовой

скалы. . Впоследствии каменный козырек отвалился, рухнул на тропу, и все

невольно вспоминали о том, как изо дня в день проезжали под этой глыбой,

укрывались под ней от дождя, спали, сидели у костра. Вот ведь как удачно

вышел срок этому дамоклову мечу: ночью да еще в воскресенье!

Со временем по бульдозерной тропе наладилось «регулярное» движение, стали ходить даже «пассажирские» бульдозеры, эдакие дилижансы, оснащенные креслами-самоделками на двадцать с лишним персон. Их прозвали «бульдобусами». Или «такси». «Такси» доставляли рабочих со створа на 1300 всего лишь за час. Здесь, на верхнем этаже стройки, становилось все многолюдней, и ранней весной 1965 года бригады Анарбаева, Абрамова, Андреева и Петрова приступили к монтажу воздухопровода, который надо было перекинуть через ущелье с левого борта на правый. Но как это сделать?

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ. ГОСТИНИЦА «ЛЮКС»

Кто бы ни приезжал в Кара-Куль устраиваться на работу, первый визит к Шинко. Поймать этого человека, помимо приемных часов, трудно, но при известном терпении и охотничьих навыках иногда удается. Торчит под управленческими окнами шинковский «газик», значит, на месте Петр Федорович, во всяком случае в этом здании, не в кабинете, так в коридоре можно перехватить. Нет «газика» — ищи ветра в поле, с машиной Петр Федорович не расстается. Он прихрамывает, много ходить пешком для него затруднительно, да и некогда особенно разгуливать; а во-вторых, бывший шофер! Как удобно быть самому себе персональным водителем! Всегда под руками, отгулов за переработку не просит, ни воркотни, ни взгляда хмурого, если ехать куда в неурочный час, ни загадочных неисправностей, роковым образом возникающих в зависимости от каких-то домашних обстоятельств. А уж гонять такую безответную личность можно напропалую

днем и ночью, в

будни и праздники: очень понимающий товарищ этот сам себе персональный

шофер!

Когда Толя Балинский появился у Шинко, приемная была забита

народом. Кто терпеливо ждал непонятно какой очереди, кто входил без

церемоний, да и там, в кабинете, народу накопилось больше чем достаточно

и за длинным столом, и на стульях вдоль стен, и просто стоящих над самой

душой. А эта душа, этот большой, громоздкий человек с крупными чертами

лица, с громким глуховатым голосом, с распадающимися прядями

зачесанных назад волос сидит скособочившись, словно присел на минутку,

кивая вновь и вновь входящим, отвечая сидящим за столом, прижимая

плечом телефонную трубку, потому что руки заняты бумагами, авторучкой, и

жить иначе этому человеку никак, по всей вероятности, не удается.

Шинко — заместитель начальника стройки. По каким вопросам? Он не

ответил еще по одному телефону, звонит другой. Вы слушаете? Шесть домов

остались без газа, отсекло клапан. Мужики с работы придут, как прикажете

их кормить, может, вы, Петр Федорович, их накормите? Звонок. Прорвало

канализацию, нет сантехников. Сами попробуйте в ЖКО дозвониться, то ли

на свадьбу, то ли на похороны уехали, вечная история! Звонок! Кто дал рас-

поряжение спилить дерево? Он его сажал? Пусть ко мне зайдет, нет, вы меня

поняли? Звонок! Магазины не принимают продукцию, а потом жалуются, что

пекарня завозит черствый хлеб. Звонок! В магазинах провели санобработку,

поэтому временно нет приема, вот и все, нечего на это сваливать! Звонок!

Почему, в конце концов, эту санобработку понадобилось проводить разом во

всех магазинах? Кому удобно, санинспекции? А вы о людях подумали? Что

теперь, за булкой хлеба в Андижан ехать? Звонок! Журналист из Польши? Из

какого журнала? «Пшиязнь»? Ну что ж, встретим, покажем. Есть что по-

казать!

—Слушаю вас, девушка. Так, насчет работы. Восемь классов?

Специальности нет. Надо было списаться, что ж зря в такую даль ехать? Нет,

нам нужны люди, но нам специалисты нужны, понимаете? Ну зачем плакать.

Это самое последнее дело. Где остановились? Так, пока нигде. Родители?

Так, мама есть, понятно. Ну что ж, зайдите завтра. К вечеру. Сразу не

обещаю, но что-нибудь на первое время подыщем. И учиться надо. У нас есть

где учиться. Подождите. И перестаньте плакать. Алло, общежитие? Шинко

говорит, здравствуйте. Что у нас там с местами? Понимаю. У меня просьба,

сейчас к вам подойдет девушка, примите, пожалуйста. Дакает, надо принять,

вы меня понимаете?

. .Шинко попал в Среднюю Азию случайно, после демобилизации из

армии. Ехал с фронта в Барнаул, домой, а попал вон куда, в Киргизию.

Попутчик один, с Иссык-Куля, из Тамги, красноречивый оказался. Да и

слушатель, кстати, никогда проблемой некоммуникабельности не страдал.

—Лижишь пид яблоней, а яблоко тилька блысть и в рот, — смачно

рассказывал тамгинец.

Такого сибиряку испытывать еще не приходилось. Решил отведать. И

хотя Рыбачье, где Шинко устроился шофером, никак на вышеописанные
райские кущи не походило, Киргизия не разочаровала, а с каждым рейсом, с
каждой петлей горных дорог привязывала к себе все крепче, пока не
привязала совсем. Поколесить пришлось вдоволь и по Прииссыккулью и по
Тянь-Шаню — всюду, где только на четырех скатах проехать можно было;
друзья чуть ли не в каждом аиле появились, как без друзей? Когда же
началось строительство Орто-Токойского водохранилища на реке Чу, ушел
туда, благо, переезжать не надо было — двадцать километров от Рыбачьего!
Тут с дальними рейсами пришлось распрощаться. Из карьера на
плотину, с плотины на карьер. Вроде чего интересного, а школу прошел
серьезную. И в шоферском котле до кости проварился, и со строительной
азбукой познакомился, верхний бьеф с нижним не спутает. Сначала на
самосвале крутился, потом начальником эксплуатации поставили. А там
пошло. Начальником Токмакской автобазы работал, Джалал-Абадской.
Управляющим Ошским автотрестом. Заместителем директора Ошского
насосного завода. . Со временем спохватился, конечно, об учебе подумывать
стал. Ладно, получается у него это дело, характер такой оказался — с людьми
работать... Но ведь мало всего этого! Кто он, по сути дела?
Начал учиться в автодорожном техникуме. С боями дошел до четвертого
курса. Конечно, о Токтогульской ГЭС он слышал, читал, но как-то не
связывал ее со своей судьбой, что ему там делать, он ведь не строитель! Он

так и в горкоме сказал, куда был вызван в связи с

мобилизацией трехсот
коммунистов-ошан на ударную стройку.
— Ничего, найдется что делать, — сказали в горкоме, — да и потом,
почему это ты не строитель? А Орто-Токой?
Там, в Оше, он мог позволить себе такую роскошь — заочный техникум.
Здесь, в Кара-Куле, ему не понадобилось много времени для того, чтобы
прийти к выводу и смириться с этим выводом, что техникум ему не окон-
чить, диплома не видать, что в соответствующей графе анкеты так и
останется у него этот прочерк, столь досадный, даже конфузный по
нынешним временам. Но ни досады, ни тем более конфуза по случаю
отсутствия хоть какого-нибудь диплома он не испытывал, интерес к этой
личной проблеме был утрачен начисто. И как бы далеко вперед он ни
заглядывал, жизнь его без остатка укладывалась в русле
Нарынгидроэнергостроя, и ни о каких других вариантах или запасных
решениях ни для себя, ни для детей своих он уже не думал.
Он не хотел бы обидеть этим признаньем ту работу, которой жил
прежде, тех людей, с которыми ее делил. Он и там не спал на ходу, не
задыхался в безвоздушном пространстве, не плакался друзьям в жилетку
насчет того, что с радостью ушел бы куда глаза глядят, лишь бы начать все
сначала, лишь бы не видеть того, другого, третьего, нет. И все же вздыхает
теперь, на мгновение представив, что тогда, в горкоме, могли и прислушаться
к его самоотводу, могли оставить в Оше. И тогда в его жизни не было бы
Кара-Куля, створа, того исключительного обстоятельства, которое крылось в
самом слове «всесоюзная» и мимо которого он чуть было не прошел.
Никогда особенно не приходилось размышлять над тем, что

могут
означать эти примелькавшиеся слова, что они в себе таят. Да они и не таили
ничуть, все сказано предельно открыто, ясней некуда — всесоюзная стройка!
Всесоюзная! Значит, люди со всей страны, и каждый, что бы сюда его ни
привело, привез в Кара-Куль не только семью и чемоданы, трудовую книжку
или до отказа набитый всяческими бумагами портфель, но и частицу тех

строек и городов, где работал прежде, их дух, традиции, уменье и талант
делать дело. Какой спектр уровней, стилей руководства и людских
взаимоотношений, какая немыслимая пестрота житейских ситуаций и судеб!
Все это бродит, спекается, из всех этих струй и напластований,
составляющих и градиентов, легирующих добавок и флюсов, катализаторов и
заполнителей, учкурганских, ошских, фрунзенских, московских, волжских,
сибирских и днепропетровских отливается, отстаивается новый сплав —
каракульский, и сознавать свою причастность к этому таинству творения че-
ловеческой общности доставляло глубокое и непреходящее удовлетворение.
Человеком, которому крупно повезло, он чувствовал себя еще и по той
причине, что когда-то, перед войной, работал в барнаульской комсомольской
газете и относиться спокойно к бумаге, газетной полосе не мог: каждый
любопытный факт, человек, каждая мало-мальски примечательная история
неизменно вводили в соблазн немедля сесть за письменный стол и написать. .
Повесть? Роман? Конечно, книга — это сложно. А для него так и вовсе
мечта. И пока лучше об этом помалкивать. И так

подшучивают над ним, и

так косятся, дескать, вместо того чтобы заниматься исполнением прямых

служебных обязанностей, Шинко информашки в газеты пишет, интервью сам

у себя берет.

А как он может не писать, если все новости через него идут? Сколько

потом было написано о скалолазах, Аксенове, но самые первые строчки ему,

Шинко, принадлежат. Он и о Балинском одним из первых узнал, может быть,

позже только Аксенова и Бушмана...

К скалолазам, а тем более к альпинистам у Шинко было вполне

определенное, раз и навсегда сложившееся отношение. Для этого ему

понадобилось всего лишь раз попытаться подняться по лесенке, навешенной

возле входного портала. Из попытки этой ничего не вышло, но то, что нужно

было узнать, Петр Федорович узнал. Он понял, что прохожий, глядя на

скальный отвес с асфальтированной дороги, никогда не почувствует того, что

чувствует человек, находящийся на этом отвесе. Он никогда, даже при всем

желании не осознает до конца, что стоит за словами «стена», «отвес»,

«склон», сколько бы раз эти слова ни повторялись. А значит, не поймет и

самого человека. Дело вовсе не в том, что человек, которому приходится

работать на стене, ничего не боится. Он боится. Но он все-таки находит в

себе силы преодолеть эту естественную реакцию на высоту, а как уж это

удается изо дня в день, из месяца в месяц и даже из года в год — вот этого

Петр Федорович не знает.

И потому для Шинко эти люди — боги. Он согласен, сравнение не ахти

какое, но лучшего пока не придумал. И когда в дверях его кабинета впервые

появился Балинский, когда Толя, сославшись на Бушмана, справился насчет

жилья, Петр Федорович поднялся навстречу, протянул руку, сказал, что

знает, что рад познакомиться, что придумают что-нибудь с жильем, а пока,

наЧˆрвое время, ничего, кроме гостиницы «Люкс», предложить Толе не

может.

— Бывают в жизни огорченья, — не удержался от шутки Балинский.

Шинко смотрел ему вслед, а сам видел то, что предстояло этому

человеку в самые ближайшие дни. Там, на створе.

ПРЫЖОК С 1300

Толя глянул под ноги. Прямо под ним по правобережной дороге ползли

едва различимые человеческие фигурки, в глубокой тени каньона тускло

поблескивала сизая лента Нарына, отбитая от берега прерывистой каймой

грязно-белых наледей. Шума реки слышно не было, и это лишний раз

напоминало о том, какой долгий спуск его ожидал, какой небывалый «гвоздь

программы» предстояло ему, Толе Балинскому, сейчас выполнить.

Очень хотелось курить. Наверное, он все-таки нервничал. Наверное,

что-то похожее испытывают и парашютисты, когда им нужно сделать

решающий шаг в пустоту. . Что ж, сам напросился. Сам подсказал идею. Сам

отстаивал ее, убеждая, что простейший способ сбросить с 1300 трос — это

спуститься на нем, привязавшись к концу. И вот этот стальной

одиннадцатимиллиметровый трос в руке. В другой — пять

кабелей

телефонного провода, которые тоже нужно спустить к правобережной

дороге, к створу. Толя еще раз проверил грудную обвязку, кивнул ребятам,

изготовившимся у лебедки:

— Можно.

Первая серьезная работа. . Когда прибыл в Кара-Куль, когда 9 декабря

1964 года пришел оформляться к Бушману на участок освоения склонов,

думал, сразу начнутся такие задания. Не зря же Бушман зачислил его по

шестому разряду. Толя не был ни плотником, ни монтажником, а самая

высокая ставка за красивые глаза не дается, ее отработать надо.

— Условие одно, — жестко сказал тогда Бушман, — делать все, что

скажут. Без разговоров.

Что ж, Толя для этого и приехал. А получил распоряжение учить

оборщиков. Вместо сверхсложных заданий, стенных маршрутов к

недоступным пока точкам изо дня в день терпеливо показывать случайным

для гор людям, как правильно вязать узел проводника, как страховать товари-

ща через выступ, как по звону металла определить, надежно ли забит крюк.

А только подготовил несколько групп, получил другое задание. И опять

не лучше. Ехать в Ташкент, по альпинистским лагерям, куда угодно и

доставать, доставать, доставать снаряжение, без которого на створе, как на

хорошем восхождении, в общем-то, нечего делать.

Нужно добыть сотни метров веревки и репшнура, скальные крючья и

карабины, страховочные пояса и горные ботинки, молотки, блоки, даже

светозащитные очки, настолько слепили в солнечный день белые

известняковые плиты. Веревка о камень быстро истиралась, а

в сорока-
градусную жару намного теряла в прочности. Трикони из подметок вылезали
«с мясом» через несколько дней работы, пришлось изобретать собственные
способы крепления триконей, переделывая рабочие ботинки на свой, кара-
кульский, лад. Наладили производство крючьев. Даже карабинов. И все же

их не хватало, и товарищи, к которым приходилось обращаться за помощью,
недоуменно пожимали плечами.
—Что вы там, едите их, что ли?
—Скалы едят.
Конечно, это были временные поручения. Бушман ничуть не собирался
использовать Балинского только в роли инструктора и «толкача» — у
начальника участка освоения склонов имелись на этот счет свои планы.
Несколько категорий рабочих сложилось на створе. Первая — кадровый
строительный люд, привычный к самой нелегкой работе, имеющий по
нескольку специальностей и теперь под руководством Володи Аксенова
овладевающий навыками оборки и скалолазания. Вторая категория — это
«пацаны». Так называли молодых ребят, приехавших по комсомольским
путевкам, зачастую сразу после школы или армии. В большинстве своем они
не имели специальности, и учить их приходилось не только обращению с
веревкой, но и тому, как держать топор, пилу, каким концом забивается в
доску гвоздь. Третья категория окончательно сложилась с приездом Толи.
Это альпинисты. Их собрали в одну бригаду, командовать предложили
Балинскому. На оборку их не ставили, это было бы не по-хозяйски. Им

поручалось только то, что оказывалось не по силам другим.

На голове каска и вязаный подшлемник. Под ногами пятьсот метров

стены и река Нарын. Операция обеспечивается усилиями бригад верхолазов

Анарбаева и Абрамова, Андреева и Петрова, хозяином отметки «1300» Бе-

ником Майляном.

— Может, вечерком кофе организуем, — кричит Беник, — как настроение?

— Нормально, — отвечает Толя, — возражений нет.

— Тогда поехали! До вечера?

Толя кивает головой, монтажники Вадима Гришаева взялись за рукоятки

лебедки. Трос ожил, подался, Толя оттолкнулся от скалы. Снова и совсем

некстати захотелось курить. Только сейчас курить! Ребята осторожничают,

спускают медленно, и он подолгу застревает в воздухе, как нарочно, в самых

неуютных для ожидания местах. Да и ждать-то, собственно, нельзя, трос

может лечь на уступ, накопить слабину, а потом выдать такую порцию

свободного падения, что и костей не соберешь. Надо уходить в сторону от

полок, на отвес, но трос не очень позволяет разгуливать, это не веревка. А

еще он может зацепить дурной камень, столкнуть на голову. А еще ветер!

Свитер, пуховка, штормовка — и насквозь!

Я уж решил, миновала беда.

И удалось отвертеться.

Вдруг подкатила шальная звезда

Прямо под сердце...

Спасибо, что есть такие песни. Спасибо, что есть люди, в душах которых

они рождаются. Угловатые, шершавые, отнюдь не сбалансированные по всем

статьям, как часовой механизм, они так сподручны всему тому, чем живет

створ, так помогают Толе Балинскому или кому еще

приноровиться,

приспособиться к делу, которое подчас может показаться не по плечу

человеку, даже привычному ко всему. Спуск занял два с половиной часа.

Ноги не держали, и Толя, отстегнувшись от «беседки», в которой спускался,

сел прямо на землю, на мерзлый щебень, не чувствуя ни жесткости его, ни

холода. С отдыхом пришла радость. Ага, что-то можем все-таки, так или нет?

И принимая скупые поздравления товарищей, и уезжая со створа, он все

смотрел на каменную вертикаль, словно стараясь убедить себя в том, что был

там, что все это им пройдено.

На следующий день надо было спустить трос по стене правого берега с

отметки «940». Так все осмелели, с такой скоростью пустили лебедку, что он

почти падал, благо вскоре на пути оказался пешеходный трап. Отстегнулся,

бегом поднялся к лебедке:

— Вы что, братцы?

Так пришла настоящая работа. Подчас она была слишком «настоящей»,

могла бы чуточку быть и полегче. Как говорили ребята, «шефы обнаглели»:

уверовав в то, что скалолазы все могут, они уже не размышляли долго, стена

перед ними или не стена, можно пройти или нет. Они просто рисовали: здесь

нужно проложить нитку водопровода, здесь телефон, а здесь линию

электропередачи. А как уж это сделать на стене подчас с отрицательными

углами, решать предоставлялось самим скалолазам. И они решали. Порой

случались какие-то накладки, и тогда надо было снова и снова призывать

к внимательности, к осторожности. А это не очень легко — быть всегда

настороже. Не так уж просто не раз, не два, а изо дня в день испытывать себя
на крутизне, отнюдь не считая это занятие чем-то исключительным. Не у
всех выдерживали нервы. Не всем хватало терпения. Люди увольнялись,
уезжали. О них думали без упрека. Что могли, эти люди сделали. Были и
утраты.
Разбился Юра Ратушный, Его смогли научить самым сложным приемам,
а вот простой аккуратности не успели. Парень куда-то бежал по узкой
скальной полке, не подумав, наступил на плиту, а трикони плохо держат на
гладком камне. . И некого винить. Разве что самого Ратушного. А Бушман
винит себя. Недосмотрели. Не научили.
Погиб Толик Охрименко. Погиб в котловане, под шатром, а под шатром
ничего не увидишь, откуда камень летит, куда ударит. Говорили, что камень
прилетел со стороны сорок шестого массива. Спецы утверждали, что такого
не могло быть. Могло, не могло, а только камешек слетел, небольшой такой,
срикошетил от скалы у подножия. И... все.
Толя Охрименко тоже скалолаз, рядом работали, а толком поговорить
все не успевали. Так, переглядывались друг с другом, перебрасывались
приветами, какими-то словами. Чем-то нравились, видно, друг другу, даже
зажигалками поменялись. Часами не успели.
В ту неделю, когда погиб Толя Охрименко, зарядили обложные осенние
дожди. Пошли камнепады, створ для всех работ был закрыт, дни
актировались, бригады сидели по домам и ждали погоды, как ждут только
летчики и хлеборобы. Балинский смотрел в окно на ползущие по мокрым

склонам разбухшие клочья облаков, вновь и вновь возвращал на начало

истертую, изорванную магнитофонную ленту с песней о танкисте, которому

не повезло в бою.

Звезд этих в небе, как рыбы в прудах,

Хватит на всех с лихвою...

Песня Балинскому явно по душе, он снова вспоминал своего тезку,

Толика Охрименко, вспоминал мокрые плиты створа, истерзанный

камнепадами, светящийся, как звездное небо, брезентовый шатер над

бетонными блоками, вспоминал лица «уэмэровцев», сосредоточенно, с мно-

готерпением марафонцев делающих свое нелегкое дело.

Впрочем, шатер появился много позже, после перекрытия, после первого

бетона. Балинский нередко отлучался со стройки то в экспедиции, то в

командировки и некоторые эпизоды токтогульской эпопеи пропустил.

Перекрытие он пережил вместе со всеми. От начала и до конца.

ТОННЕЛЬ

Октябрь 1965 года кончался дождями. С дождями ожили склоны. Около

Кызыл-Бейта один из «камешков» попал в шедший из Таш-Кумыра бензовоз,

вышиб из-под мчавшейся машины задний мост с колесами и рессорами, как

нитку порвал кардан Днем раньше на выходном портале, там, где у подножия

крутой осыпи сооружалась подпорная стена, несколько таких же «гостинцев»

сорвали и отбросили прочь целый блок каркасной арматуры, полностью

подготовленной к бетонированию. И все эти дни к подпорной стене не

сунуться, там постоянно по кожухам механизмов, по опалубке и арматуре

щелкали камни, они самым натуральным образом выбивали

строителей из
графика, потому что никакими графиками, никакими нормативами поправки
на камнепады не предусмотрены.
— Аналогов нет.
Начальник строительства Зосим Львович Серый смотрит в захлестанное

дождем окно прорабской. Наверное, это привычка — вдруг отстраниться от
собеседника, от факта, чтобы увидеть панораму в целом, разом охватывая
всю проблему. Привычка, рожденная необходимостью. Пусть даже всего
лишь повседневным исполнением служебных обязанностей. Это давным-
давно не первая его стройка, пришлось на своем веку и поездить и
посмотреть, но Токтогульская и самая длительная, и самая сложная, и потому
самая дорогая, одна такая на всю жизнь. Что ни вопрос — проблема, звено
вяжется за звеном, и первое среди них — перекрытие Нарына. Стройке
нужен котлован, котлована не будет без перекрытия, для перекрытия нужен
тоннель, а тоннель нужно еще довести до ума. Но это всего лишь
сегодняшние заботы. А дальше?. Как будет осуществлена врезка в борта
громадного каньона? Проектировщики ломают головы над освоением
склонов до отметки «1300». Но ведь над уступом отметки «1300» еще тысяча
метров потенциально неустойчивых пород! Как будут они вести себя во
время врезки и сооружения плотины? Как поведут, когда у их подножия
возникнет море, рожденное умом, дерзостью, а главное, нуждами человека?
Снимать эти массивы? Но ведь и самая минимальная врезка обойдется в
колоссальные объемы дорогостоящих скальных работ! А до

каких пределов
снимать? Разведочные выработки показали, что известняки и на значитель-
ной глубине остаются такими же разрушенными, как на поверхности, с
межпластовыми пустотами и кавернами.
Не трогать совсем? Но в районе створа проходит тянущийся на сотни
километров Таласо-Ферганский разлом, стройка находится в зоне
повышенной сейсмической активности. Как не помнить об этой реальности,
если плотина гидроузла будет удерживать целое море, если ниже по течению
густонаселенный оазис Ферганской долины?
— Аналогов нет.
Конечно, так можно сказать о любом створе. Так и говорят. Убежденно,
не лукавя. Каждый строитель, каждый пишущий на эту тему журналист
начинает со слов, что «его» станция уникальная, одна такая на весь земной

шар. И это, в общем-то, правда. Ведь любое, самое заурядное
гидротехническое сооружение «привязывается» к «натуре», к очень
конкретным природным условиям, которые, вне всякого сомнения,
единственны и неповторимы.
И потому истинный гидротехник считает свою профессию лучшей, а
участь свою, несмотря на катастрофический иной раз расход нервных клеток,
завидной. Не может не являться предметом гордости и то обстоятельство, что
ГЭС, плотины сооружаются в большинстве своем в необжитых местах, и
человеку, причастному к стройке, дается редкая в наш урбанистический век
возможность познать чувства землепроходцев и зачинателей. Вот почему так
предан своей профессии гидротехник. Из гидротехники почти не уходят.

Бывает, уходят со стройки. Но опять-таки на другой створ.

На бледном худощавом лице печать хронического переутомления, над

глубокими залысинами седой суворовский хохолок. Рабочие между собой

называют его «папа Серый». Он невысок, подвижен, ранними утрами

купается в озере, иногда выкраивает время для пешеходных вылазок в

окрестные горы. Иначе, наверное, не выдержать. Ну сколько, кто скажет,

длится рабочий день у начальника стройки, такой по масштабу и по

значению, как Токтогульская? И возраст, возраст, несмотря на все ухищрения

быть в форме! Впрочем, что возраст, чем его измерять? Годами? Их не так и

много. Но он не завидует долгожителям, на какие бы фантастические сроки

они в своей степенной созерцательности ни сохранялись. Его жизнь

измеряется стройками. А каждая стройка — целая жизнь.

Он начинал с реки Вуоксы, с небольшой станции у водопада Иматра на

Карельском перешейке, с первой после защиты диплома должности мастера.

Это была осень 1940 года, и котлован находился рядом с погранзоной. Он не

увидел свою первую станцию в действии — грянула война. С трудом

выбрался в Ленинград. Получил назначение в Душанбе: строил Варзобскую

ГЭС, мелкие станции в горных районах. В 1944 году был направлен на

восстановление Днепрогэса. Ехал туда с особым чувством. Ведь он кончал

институт в Киеве, так что знал знаменитый гидроузел не только по

кинохронике или по бесчисленным фотографиям, знал наяву, считал

неотъемлемой частью своей студенческой молодости.

У каждого времени есть свои символы, верстовые памятные

столбы.

Таким знаком первых пятилеток был в ряду с Магниткой, Комсомольском-

на-Амуре и Днепрострой. И потому фашисты взорвали не просто

гидротехническое сооружение, в развалинах лежали воплощенные в бетоне

стремление миллионов людей к лучшей жизни, их представления о смысле и

красоте труда, их энтузиазм, самоотверженность, их песни и надежды.

Страшно было видеть эти развалины. Зрелище их явилось одним из самых

яростных душевных потрясений всей жизни, зрительным эквивалентом

таких понятий, как нашествие, насилие, отчего восстановление Днепрогэса

предстало делом столь же важным, как, скажем, битва под Прохоровкой или

прорыв ленинградской блокады. . А точнее, одно было прямым

продолжением другого, и мысль об этом помогла смириться с тем

мучительным для военных лет обстоятельством, что самому побывать на

фронте так и не довелось.

Он пробыл на Днепрогэсе до 1947 года, вплоть до пуска трех агрегатов.

Работал рука об руку с теми из когорты первых днепростроевцев, кто

остался в живых, кого удалось разыскать, вернуть Днепрогэсу, несмотря на

все трудности военных и послевоенных лет. И, значит, он тоже имел право

называть себя днепростроевцем. Или хотя бы знать об этом.

Затем была Горьковская ГЭС, Управление монтажных работ, нелегкая

ноша начальника Управления берега, ответственного за сооружение плотины

и шлюзов. Он пережил здесь катастрофический паводок, вселенский потоп,

свое отчаяние перед безмерной мощью разгулявшейся матушки-Волги и

столь же отчаянную радость, когда довелось познать, что

человек может
выстоять даже перед лицом стихии.
Строил Кременчугскую станцию. Вел основные сооружения — ГЭС и
плотину, имел, кажется, полное право думать, что нет и не может быть в

гидротехнике ничего такого, что могло бы поставить в тупик, поразить или
удивить. Предложение, которое он принял в 1963 году, вынудило эту точку
зрения пересмотреть.
По правому берегу, по самому краю уже обозначившегося банкета по
колено в грязи невозмутимо прогуливается начальник участка
механизированных работ Саша Пятерев. Нарын тоже кажется невозмутимым
и безразличным. Человек и река кружат друг возле друга, как это делают бор-
цы перед решающей схваткой. Несколько лет назад они дважды встречались
в Шамалды-Сае, тогда победил человек. И вот третья схватка. На этот раз в
самом логове ревущей реки, в неприступном ее убежище. Кружат друг перед
другом два противника, настороженно высматривают в обороне соперника
слабые места, и даже воздух полон скрытого, ежесекундно готового
взорваться напряжения.
Однако все это «лирика», как говорят на створе. Просто Александр
Васильевич Пятерев дает задание бригадиру бульдозеристов Сеяру Феттаеву.
Так основательно подперли они Нарын, так вздулся Нарын от прошедших
дождей, что кирпично-бурая вода поднялась почти вровень с насыпью, и тут
нужно за ней слоить. Сыпанешь лишнего, перекроешься раньше времени. То,
что они сейчас делают, называется всего лишь «предварительным

стеснением русла». И большего себе позволить нельзя. Это уж потом, когда
все будет готово, они двумя банкетами вплотную подойдут к левому берегу,
поднимут воду до критической отметки, взорвут земляную перемычку перед
входным порталом обводного тоннеля и забьют, задавят оставшийся
семиметровый проран. Так что перекрытие обещает быть спокойным,
драматических ситуаций в виде исполинских взрывов и прочих
фотогеничных эффектов не ожидается, и любители потрясающих событий
могут спать спокойно: сенсаций не будет.

Что же касается драматических ситуаций, то такая ситуация сложилась.

И те, кто имеет к ней отношение, переживают ее остро и глубоко. Стройка
упускает лучшие сроки для перекрытия. Упускает, несмотря на то, что люди

делают все возможное.

В эти дни дней как таковых Толя Балинский фактически не видел. Он
приезжал на створ, солнца еще не было, уезжал, солнце уже скрывалось за
горой Кыз-Курган. Все же светлое время — тоннель, своды тоннеля, ко-
ленчатая стрела подъемника, а на самом конце ее тесная металлическая
корзина да напрочь отмотавший и руки и плечи увесистый пневмомолоток.

Уж лучше любая стена. Лучше бронированный кабель, который нужно
тянуть по раскаленным скалам в сторону Кара-Куля, все под открытым
небом! А здесь как муха под потолком, нужно и так и эдак разбуривать
бетонные своды, выискивать раковины, закачивать в них цементный раствор,
разделывать швы блоков. Штормовка в корке цемента. Лицо в цементе.

Цемент в носу, в глотке, кажется, даже в сигарете! Иной раз и поворчать бы,
вспомнить, что не твое это дело, что не проходчик ты, не бетонщик, не
гидроспецстроевец, но ведь сейчас все в тоннеле, все брошено на тоннель!
Мощное зрелище, где еще увидишь подобное! Ни знаменитый
автодорожный тоннель Тюя-Ашу, пронзивший на высоте трех с половиной
тысяч метров заснеженный гребень Киргизского хребта, ни самые громадные
камеры рудника Хайдаркан не шли ни в какое сравнение с этой цик-
лопической трубой, которая должна вместить в себя самую большую реку
Тянь-Шаня. Серые, теряющиеся в желтом полумраке своды смыкаются где-
то на высоте четырехэтажного дома. Отражающийся в лужах на дне тоннеля,
уходящий за плавный поворот пунктир фонарей и прожекторов только
подчеркивает глубину и высь подземных пространств, то там, то здесь
озаряемых вспышками электросварки. Вспышки выхватывают затерявшиеся
в сизых джунглях арматуры темные человеческие фигурки, фигурки маячат
на неясно проступающих из мрака ажурных фермах опалубок. Ревут
груженые бетоновозы, надрывно гудят насосы и лебедки скиповых
подъемников. Скребут о камень гусеницы бульдозеров и передвижных
бурильных установок, пронзителен вопль сирен, глохнут человеческие
голоса, люди, разговаривая, стукаются краями касок и, не слыша друг друга,

переходят на язык жестов.
— Слушай, откуда берутся такие? — сквозь рев надвигающегося КрАЗа
кричит начальник Управления механизированных работ Казбек Хуриев. —

Кончил бетон в тоннеле и хоть бы шампанское поставил! Откуда такие

берутся?!

Рослый, ладный, в щегольской каске без полей, в туго подпоясанной

меховой тужурке, Саша Мальцев добродушно посмеивается Его участок и в

самом деле кончил свою долю в тоннеле, так и не дав обогнать себя главному

сопернику — Гидроспецстрою. А те уже на пятки наступали. МАЗы шли

один за другим, блок сдавался за блоком, не ожидая, когда бетон схватится,

люди перекрывали только что забетонированный участок специальными

мостками и шли дальше вперед, такие единые, слитные в своем стремлении к

победе!

В одну из самых «пиковых» ночей, когда работы в тоннеле достигли

предельного размаха, на бетонном заводе сломался пневмоподъемник

цемента. Завод стал. В ту же ночь за сломавшейся деталью ушла экстренно

снаряженная машина в далекий Шамалды-Сай. В ту же ночь она вернулась

обратно. В ту же ночь бригадой Николая Максина был собран новый

пневмоподъемник, собран и поставлен на место, не дожидаясь подъемного

крана, хотя весит эта штука шестьсот килограммов.

А сейчас «пик» для заводчан прошел, можно помечтать о командировке

в Москву или Красноярск, можно спокойно встречать товарищей из тоннеля

и не без подначки допытываться у них:

— Ну что вы там, скоро кончите? Где думаете Новый год встречать? На

створе? Или все-таки дома?

А на створе по-прежнему напряженно, по-прежнему не до Нового года.

Здесь все еще кладут бетон, строят объезд над выходным порталом, здесь все

еще в разгаре работы по цементации стен и лотка тоннеля.

Еще предстоит закрыть бетонными пробками устья подходных штолен,
демонтировать, убрать прочь десятки тонн металлоконструкций, управиться

с массой всяческих недоделок, работы неблагодарной, расхолаживающей и
потому требующей до конца сохранить наступательный порыв штурмующих
бригад.

У дверей кабинетов Серого, главного инженера стройки Леонида
Азарьевича Толкачева, заместителя начальника стройки Петра Федоровича
Шинко несменяемые засады корреспондентского корпуса. «Охотятся» за
Хуриевым, за Татаровым и Бушманом. Но точного срока нет, да и не может
быть. Ясно одно: все теперь измеряется днями. Подстегивает конец года,
необходимость успеть к весеннему паводку отсыпать верховую перемычку,
подстегивает, наконец, обещание — перекрыть Нарын в 1965 году!

Над Токтогульским створом гудит обжигающий ветер. Он стелет по
земле пламя костров, у которых наскоро отогреваются люди, он мечет в лица
вихри белой каменной пыли и уносит голоса. В вагончике участка освоения
склонов сидят его начальник Дмитрий Бушман, начальник участка
механизированных работ Александр Пятерев и Казбек Хуриев, с трудом
удерживающий в еще не отошедших с мороза пальцах черный карандаш. Все
работы по осуществлению перекрытия поручены им, и сейчас надо думать,
кому из людей можно доверить эту честь.

— Начнем с первых. С тех, кто пробил сюда бульдозерную тропу, кто
ставил здесь первые палатки, кто встречал здесь первую зиму памятного 1962

года. Пиши Сеяра Феттаева, Анатолия Курашова. . Давайте распишем буль-

дозеры. . В каждой кабине трос. Два троса. Давайте распишем остальных

людей. . Давайте сделаем все лучше, чем это было в январе 1959-го, чем в

октябре 1961 года. Сегодня мы встречаемся с Нарыном в третий раз. Давайте

распишем, как все будет выглядеть!

В тот вечер Толя Балинский добрался до дому позже обычного. С

трудом стащил заляпанные окаменевшим раствором спецовку и ботинки,

мельком глянул в зеркало на свое обожженное постоянным холодом, серое от

каменной пыли лицо.

Эля включила газ, разогрела ужин.

—Ты чего так поздно?

—Собрание было.

—А чего сияешь?

—В список попал.

—Ох, Балинский, вечно ты куда-нибудь попадаешь, в какой список-то?

—Участников перекрытия реки Нарын.

—Рад? Можно поздравить?

—Ну... Подъемчик есть.

С ПЕРЕКРЫТИЕМ ВАС, БРАТЦЫ!

Будильник изобретен для строителей. Иначе как проснуться в

назначенное время, если со створа вернулся только в час ночи? Если через

каждые пятнадцать минут приходилось вскакивать к телефону, потому что

звонки могли быть только со створа? Бушман и на этот раз поднялся к

телефону, но телефон молчал — звонил будильник. Несколько минут

одеться, несколько минут разогреть вчерашний борщ и уже на ходу выпить

чашку крепкого чая. Бриться некогда, сунул электробритву в карман. И еще

несколько минут искал очки, которые куда-то сунул перед сном.

А под окном уже нетерпеливо пофыркивал «уазик», и, когда начальник

участка освоения склонов рывком распахнул дверцу, его встретил

приглушенный голос Казбека Хуриева, с головой закутавшегося в белый

полушубок:

— Ну и горазд ты спать, Бушман!

Было три часа сорок пять минут.

Машина взяла с места, унеслись в ночь спящие дома Кара-Куля,

замельтешили в свете фар бетонные парапеты на серпентинах перевала

Торпу. И всю получасовую дорогу до створа в «уазике» молчали, потому что

все было давно сказано и сегодня нужно было только действовать. Так

начинался для них этот день — 6 января 1966 года.

111

Впрочем, для «уэмэровцев» этот день не имел начала. Так смешались

границы дней и ночей, границы суток и смен, что, когда прораб заказывал

диспетчеру машину на день перекрытия, он просил ее на завтра, хотя это

«завтра» уже давно наступило. И когда первая из машин, проехавших в этот

день из Кара-Куля на створ, — «уазик» Хуриева — вырулила на залитую

слепящим светом прожекторов шестнадцатую площадку, день перекрытия

Для бригады Юрия Аникеевича Новожилова был в самом разгаре.

К машине вышли прораб Кайрат Умралин и мастер Владимир Гребенюк.

Никаких приветствий: они, собственно, не расставались, было только

несколько отрывочных и лишь им до конца понятных фраз. И снова «уазик»

срывается с места, и шестнадцатая площадка с ее нагромождениями

заготовленных для перекрытия скальных глыб и застывшей в ожидании

приказа колонной тяжелогруженых самосвалов уходит за поворот.

Впереди, выхваченный из мрака сильными прожекторами, возникает

банкет верховой перемычки. Над прораном портрет Токтогула и красно-
белая полоса лозунга. Выше скальная стена уходит в непроницаемую темень,
из-за нависшей глыбы которой едва-едва выглядывают залитые белой луной
скалы отметки «1300». Проран освещен, вода в нем как зажатая в спираль
стальная пружина, несущаяся со скоростью одиннадцати метров в секунду.
Сразу за прораном, за его перепадом эта литая пружина словно взрывается,
она образует безумно ревущий, грохочущий котел, дрожь его каменных стен
передается банкету, и тот подрагивает, настолько силен напор рвущейся из
плена реки.
Хуриев хлопает дверцей, идет к тоннелю. А его ствол все еще забит
машинами, там все еще устанавливают датчики контрольно-измерительной
аппаратуры, режут торчащие из стен пеньки стальных балок.
— Елкин к двум часам должен был уйти из тоннеля,— докладывает
вынырнувший из-за экскаватора Саша Пятерев. — А сейчас сколько? Пятый!
Я перемычку трогать не могу!
—Ты поспи иди, Саша, — просит его Хуриев. — Заберись в «уазик» и

отдохни. Хотя бы час, там тепло, слышишь?
В черноте предутреннего нёба над створом появляется спутник. Его
заметил кто-то из гревшихся у костра, показал другим. Как утверждают
летописи, не было в старину ни одной порядочной битвы, накануне которой
не появлялось бы небесное знамение. Знамения определяли исход битвы.
Они предвещали победу или поражение. Что предвещаешь ты, спутник? Ведь
«Нарын есть Нарын», смысл этого ходячего на стройке выражения

постигается именно здесь, на мягко прогибающейся под тяжестью буль-
дозеров земляной перемычке, на ощетинившемся клыками тетраэдров
верховом банкете.

Хуриев поднимает руку. Рев дизелей глохнет, бульдозеристы, их
бригадиры Сеяр Феттаев и Анатолий Курашов собираются вокруг
начальника УМРа. — Курите, ребята, пока время есть.

Идет по кругу пачка сигарет, в двух шагах тяжело бьет об осыпающуюся
кромку черный Нарын. Хуриев припадает к нивелиру, целясь объективом в
деления полосатой рейки. Ошибиться нельзя. Снимешь с перемычки лишнее,
и кто знает, удержит ли она Нарын? А в тоннеле люди, машины. Когда же в
конце концов они уйдут оттуда?

Они уходят в семь утра. Что-то торжественное было в их уходе. Ползли
бульдозеры, ползли, дергаясь на поворотах, как танки, медлительные
подъемники, ползли телескопические вышки и дежурные машины.

Гидроспецстрой уходит из тоннеля! Там, перед входом, остается лишь пламя
брошенных костров, там дотлевает опалубка, подожженная брызгами
расплавленного металла, там все еще светит редкая гирлянда электроламп,
которую уже некогда и некому снимать.

Уходят с перемычки и бульдозеристы. Остается лишь № 81 Хаписа
Шадыева. Чем глубже он срежет перемычку, тем легче будет перекрывать
Нарын. А перемычка срезана почти вровень с водой, на ее наклонной плоско-
сти проступают темные пятна, когда бульдозер доползает до края и валит
грунт в Нарын, его нож задевает воду, и кто-то, не выдерживая, кричит:

— Смотри, Хапис, останешься в Нарыне!

Но Хапис не слышит. За стеклом коричневый подшлемник,

внимательное лицо и щегольские усики. «А, ничего, — говорит улыбка

Хаписа. — Мы привыкли. В другой раз пешком бы не прошел, где на

бульдозере пролез...»

. .Накануне в Доме техники состоялась долгожданная пресс-

конференция. Ее вели секретарь парткома Мирзали Абдурахманов,

начальник стройки Зосим Серый, главный инженер Леонид Толкачев. Был

задан вопрос, кто сбросит в проран первые «негабариты». Не было вопросов

о другом — кто погрузит их? А ведь ход перекрытия определялся не только

на верховом банкете, а скорее всего на шестнадцатой площадке, где под

тяжестью скал рвались стальные стропы, где угрожающе кренились

подъемные краны, где люди, как бублики на шпагат, нанизывали на трос по

три, а то и по четыре железобетонных тетраэдра.

И все понимали: будет порядок на шестнадцатой площадке, будет

перекрытие. Поэтому посылали туда самых надежных — верхолазов из

бригад Леонида Каренкина, Геннадия Абрамова, Алексея Петрова, старшим

на увязке тетраэдров был назначен комиссар участка, партгрупорг Василий

Буянов.

Балинский даже рассмеялся, когда узнал о том, что будет грузить

«негабариты». Обычная «невезуха»! Именно это и должно было с ним

случиться, именно это! Ждать бог знает сколько времени, насквозь

процементироваться ради этого дня в обводном тоннеле, пробиться в конце

концов в число участников перекрытия, а перекрытия не увидеть! Вечная

история! Не везет, и все!

И еще одна история. Когда ехали на створ, у моста через

Нарын их

остановил наряд милиции, появившийся здесь в связи с небывалым для Кара-

Куля наплывом гостей.

—Куда?

—На створ.

114

—Ваши пригласительные билеты?

—Какие билеты, мы на смену!

—Ничего не знаем. Без пригласительных билетов проезд запрещен.

—Да вы что, смеетесь?..

Ребята от неожиданности пустились было в пространные объяснения, но

тут же, осознав комизм ситуации, махнули рукой. За ними и так сейчас

примчатся. Закурили, удобно развалились на лавках, всем видом выказывая

готовность стоять на месте хоть до конца перекрытия и ждать.

— Ну что ж, мы понимаем. Нельзя, так нельзя! — хмыкнул Балинский.

А мимо торопливо проскакивали машины со счастливыми обладателями

пригласительных билетов, ехали гости из Москвы и Фрунзе, из Оша и Таш-

Кумыра, из райцентра и окрестных колхозов, ехали корреспонденты газет и

журналов, кинохроники и телевидения, ТАСС и радио. Они могут спешить.

Могут занимать места на смотровых площадках, нетерпеливо поглядывая на

часы. Может даже прозвучать команда, взлететь сигнальная ракета, а пере-

крытия все же не будет. Не будет, потому что главные действующие лица до

створа еще не добрались. Они сидят в кузове обшарпанной дежурки,

постукивают от холода рантами побитых горных ботинок, покуривают, пряча

сигарету от ветра в кулак, и тихо улыбаются чему-то своему. Очевидно,

тому, что у них не оказалось пригласительных билетов. Так

неожиданно

довелось еще раз осознать, что значит рабочий человек. Нет без него ничего.

И ничего не будет.

Покуривать пришлось, конечно, недолго. Скрип тормозов сразу

нескольких машин, растерянные объяснения ревностных исполнителей «от»

и «до», на которых в эту минуту жаль было глядеть, бешеный бег машины по

бетонке и вдруг разом нахлынувший азарт горячей, необычной, праздничной

работы. Синий чад перегруженных машин, вибрирующий стон тросов, визг

железа, резкие отмашки строповщиков, их безмолвно обращенные к

шоферам взгляды, дескать, как там дела, на проране, много еще?

Ряды тетраэдров убывают медленно, кивок в сторону тетраэдров.

115

—Хватит?

—Даже останутся!

—Что Пятерев делать с ними будет? Солить?

—Запас карман не дерет. Для следующего перекрытия останется!

—До следующего. До этого еще дожить надо!

—А куда ты денешься?

—Стой, слушай, что там на створе?

—Обыкновенно. Перекрытие!

Восемь часов пятьдесят минут. Четырехкубовой экскаватор Алексея

Фисенко и Федора Климова, выдвинутый на самый край прорезанного

бульдозерами русла, властно опустил на перемычку тяжелый ковш.

Несколько таких заходов, и из-за ковша выступила мутная нарынская вода.

Она просачивалась сквозь узкую кромку почти срытой перемычки, и кромка

эта с каждым поворотом экскаватора становилась все уже и уже.

Внимание собравшихся переключилось на острие банкета.

Девять часов
утра. С первым боем кремлевских курантов громкоговоритель прогромыхал
из штаба перекрытия слова команды. И едва они, неузнаваемо искаженные
эхом, замерли в скалах, из-за поворота торжественно выполз первый КрАЗ,
неся на радиаторе алое знамя. Это была машина комсомольского экипажа
Станислава Радюкова и Бориса Амиранова. Перекрытие началось! Ухнули
в проран первые «негабариты», рухнули на левый берег долетевшие до него
всплески воды.
Девять часов пятнадцать минут. Внизу забегали фотокорреспонденты,
оттуда доносится нестройное «ура!». Это очередной удар экскаваторной
лопаты пробил наконец-таки в перемычке брешь, и вода, все ширясь, все
раздвигая, руша рыхлые берега, пошла сквозь перемычку. Она набирала
мощь с каждой минутой, она размывала перемычку, она все более
становилась рекой.
Нарын пошел в тоннель! Зеленым цветком нависла над прораном первая
праздничная ракета. А на банкет один за другим пятились, вздымая к небу

кузова, тяжелые КрАЗы, натягивали страхующие тросы бульдозеры, там
висели над самым прораном сигнальщики, делая отмашку яркими искорками
флажков, там, на самом острие банкета, словно прокладывая путь среди
бушующих волн, мелькали то белый полушубок Хуриева, то выгоревшие
штормовки и куртки Пятерева, Бушмана, Сарыгулова, Майляна...
Шел за часом час. А банкет словно не удлинялся, весь тот шквал бетона,
скал и грунта, который со скрежетом и искрами рушился в

проран, исчезал,

казалось, бесследно. Но так только казалось. Проран неумолимо сокращался,

особенно после визитов БелАЗа.

Два часа сорок пять минут дня. Снова появляется БелАЗ. Под

восторженные крики мгновенно хлынувшей на банкет толпы он валит в

узкую щель прорана очередную связку тетраэдров тонн эдак на шестьдесят, и

те касаются стены левого берега. Нарын перекрыт!

Взрываются залпы ракетниц, «ура!», порыв такого непосредственного и

общего ликования, который встретишь не на каждом празднике. Да это и есть

праздник. .

«. .Проходит еще несколько минут, и все сто сорок кубов нарынских вод

устремились в обводной тоннель», — писала в те дни одна из газет. Если б

так было! Тогда на митинге в честь перекрытия, состоявшемся в Кара-Куле

на площади Гидростроителей, присутствовали бы и «уэмэровцы». А их почти

не было в праздничной толпе, потому что и в пять и в шесть часов вечера

сквозь банкет пробивалась почти треть реки, и эту оставшуюся треть тоже

нужно было загнать в тоннель. И потому те, кто начинал этот бесконечно

длинный день и кому, может быть, в первую очередь надо было стоять на

осененной красными транспарантами главной площади Кара-Куля, те

оставались на своих местах. Там, на створе, по-прежнему выли гид-

роподъемники самосвалов, по-прежнему озабоченно суетились сигнальщики,

не было только толпы зрителей и гостей, не было шашлыка в десятом

тоннеле и тех увлеченных своими обязанностями товарищей из областного

управления милиции, которые упорно пытались удалить с банкета вместе с

прорывающимися вперед гостями и тех, кто вел перекрытие.

Впрочем, эти молодые начальники и прорабы сами виноваты. Уж больно

несолидно они выглядели, не было в них ничего «начальственного», да и сам

начальник Управления механизированных работ Хуриев вовсе на начальника

и непохож. Вот он стоит и курит, продрогший, голодный и смертельно

усталый, стоит в кольце тесно обступивших его таких же усталых людей, и

бродит по их лицам медлительная улыбка, которой они не могли себе позво-

лить еще час назад.

—А знаете, братцы, наконец-то у нас есть верхний и нижний бьефы.

Остановка за малым — ГЭС!

Они не спеша обдумывали эту сотворенную своими руками новость,

отчетливо представляя, что перекрыли не только Нарын, но и какую-то

страницу своей жизни, и, может быть, самую дорогую. Прощай, страница

первых палаток и бульдозерных троп, прощай, памятная навсегда эпопея

освоения склонов! Начинается новая глава, которая, конечно же, не обещает

быть ни проще, ни спокойней, а как уж она сложится, время покажет. .

—С перекрытием вас, братцы!

СТВОР БЕЗ СКЛОНОВ

—...Выпишите, Яшар Газиевич. Сколько можно? Тридцать два дня на

щите. Все равно не лежу. Все равно встаю. Тут разве вытерпишь? А дома

буду лежать. Честное слово!

— Только лежать, Балинский! Слышите? И год никуда!

— Конечно, Яшар Газиевич, о чем речь? Тут до дому бы добраться... Да,

вот еще... Это правда, что мне теперь инвалидность дадут?

— Это ВТЭК решает, не мы. . Думаю, что да. . Какой же из вас теперь

работник? Год!

—Да, да, конечно, — поспешно соглашается Толя с главврачом, боясь,

что тот передумает. Лишь бы выбраться из больницы! Он согласен посидеть

дома. Даже с удовольствием. Так редко случается никуда не спешить, не

лететь, день-деньской с книжечкой на тахте. . А там видно будет. Год или не

год.

Нелегкий хлеб — сидеть дома. Он не подозревал, что это может быть

так тяжко. Отгремят по лестницам и тротуарам грузные рабочие ботинки,

увезут дежурные машины кого на створ, кого в Гидроспецстрой, кого на

бетонный, и остаются на Седьмой площадке только ребятишки, домохозяйки

да те редкие в Кара-Куле люди, которые имеют к стройке лишь косвенное

отношение. Не думал, что попадет в их число. Не поверил бы, если б сказали,

что когда-нибудь будет мучиться оттого, что не может уснуть. Вот уж что на

него непохоже. Все годы, прожитые в Кара-Куле, он страдал совсем по

другой причине — постоянно недосыпал. Приедет со створа, доберется до

тахты, только Эля попросит моток шерсти на руках подержать — в клубок

смотать нужно, а он уже спит.

—Балинский! Ну подержи руки! Без свитера к лету останешься!

Что странного? В альплагере люди «пятерку» сделают, неделю

отсыпаются. А здесь каждый день «пятерки». Самые натуральные. Разве что

покороче да подходов нет. Из автобуса вылез, сразу стена. Пожалте бриться!

Да ведь и стена не самое трудное, что может быть. Иногда куда трудней

сидеть себе день-деньской, подстелив кусок поролона,

покуривать,

поглядывать в бинокль на левый берег — все дела! Была такая непыльная

работенка. Так вот тогда больше уставал. День пройдет — как скала с плеч,

ну слава богу, на сегодня хватит. Это было весной 1966 года. Сразу после

перекрытия. До весеннего паводка предстояло успеть отсыпать верховую

перемычку, чтобы защитить котлован от нарынских вод. Надо было успеть

покрыть эту перемычку бетонным лотком, а как это сделать, как вообще

работать там, под стеной левого берега, если с началом весны туда нос не

сунуть из-за камнепадов? Ждать, когда пройдут камнепады? Раньше в таких

ситуациях ждали, дни актировались. Но паводок, он ведь не будет ждать!

Думали, ломали голову в Управлении основных сооружений, наконец

решились Больше никому бы не доверили, Балинскому поручить сочли

возможным. Если, конечно, он согласен взять на себя такой риск. Ведь что

случись, виноват он будет, Балинский проглядел, значит. А как можно дать

гарантию? Как все предвидеть?

Сказал, что надо подумать. А что думать? Если не успеть с перемычкой,

считай, что с перекрытием спешили впустую. Что ж, ладно, он согласен.

Берет на себя службу наблюдения за стеной левого берега. Обещать ничего

не может, не бог, но постарается. Назвался груздем...

Люди работали. Балинский покуривал. Они под самой стеной, где Толя

когда-то спускал трос с 1300, а он на правом берегу, на теплых от весеннего

солнышка скалах. В руках бинокль. Рядом ракетница со взведенным курком.

Ведь он не сразу начинается, камнепад, сначала мелочь,

дресва посыплется,

вот этот момент и надо засечь, минута-другая в запасе есть. Хватит, чтобы по

сигналу тревоги люди укрылись в капонирах и штольнях. Дресва означает,

что где-то пополз массив. Ну а если это не дресва, если это просто оттаяла

вмерзшая в склон щебенка и ею все дело ограничится? Пускать ракету или не

пускать? Впустую гонять людей? Смех, шутки, воркотня. Оставить на месте?

А вдруг?.. Как ошибиться? Никак нельзя ошибиться!

Домой приходил, словно весь день таскал на себе бадью с бетоном.

Ночью вскрикивал, стонал, стена не отпускала даже во сне, он слышал

беззвучный перестук медленно, в модном кинематографическом рапиде

летящих камней, видел ракетницу, до которой никак не мог дотянуться

ватной рукой, видел людей, которые, ничего не подозревая, спокойно

работали, вверив ему свои жизни...

Кто сказал или сам заметил, но вдруг увидел, что в жесткой шевелюре

его, которой, казалось, и износу не будет, полно седины. Да и не

приглядывался прежде, не время вроде бы! Ан нет, идет времечко. Тикают

часы. Все нипочем, кажется: и риск, и стены пятерочные, и труд на стенах

этих на грани возможного, а вот кладут свою красочку, отзываются.

Наверное, и эта стена отозвалась. Или другая?

120

ГАЛКИН. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Летом 1967 года в альплагере «Ала-Арча» появился невысокий,

подвижный, с захлебывающейся от азарта речью человек с синим значком

спортивного общества «Буревестник» на лацкане пиджака. Это был Виктор

Тимофеевич Галкин. В цивильном костюме, с большим эдаким «бю-
рократическим» портфелем, всегда в движении, в спешке, всегда рвущийся к
телефону, к междугородным разговорам с Москвой и Алма-Атой, Ташкентом
и Душанбе, Ошем и Пржевальском, всегда озабоченный то какими-то маши-
нами, то вертолетами и самолетами, человек этот меньше всего был похож на
альпиниста, а тем более на тренера или мастера спорта, каковым он на самом
деле и являлся. И уж совсем ничего общего он не имел с теми ортодоксами,
очень размеренными, очень соблюдающими во всем дистанцию товарищами,
для которых альпинизм давно превратился в обычную, строго
регламентированную службу, с точными указаниями насчет того, что
положено, а что нет.

С тех пор как в 1961 году выдающийся мастер сверхсложных
восхождений Лев Мышляев открыл для альпинистов страны северную стену
пика Свободной Кореи, район мало кому известного прежде киргизского
альплагеря стал быстро догонять в популярности самые именитые районы
Кавказа, увенчанные Ушбой и Шхельдой. Одна за другой потянулись в Ала-
Арчу классные команды из самых разных городов, не было ничего
удивительного и в появлении здесь памирской экспедиции москвичей.. Зани-
мало другое — состав экспедиции. И ее планы. И, уж конечно, ее
руководитель.

Прежде Виктор Галкин особой известностью в альпинистском мире не
пользовался. Неприметен он был и в масштабах московского
«Буревестника», при упоминании о котором в разговорах прежде всего
возникали имена таких горовосходителей международного класса, как
Кирилл Кузьмин, Анатолий Овчинников, Валентин Божуков.

Овчинников руководил экспедицией «Буревестника» на Памир, он-то и пригласил в команду Галкина. Им удалось не только проложить три новых маршрута на пик Евгении Корженевской, но и разведать верховья ледника Фортамбек. Они нашли отличное место для базового лагеря, а главное, обнаружили вполне реальный маршрут подъема на знаменитое Памирское фирновое плато, не без оснований считавшееся местным «полюсом недоступности». И не только обнаружили, но и «потрогали», убедившись в том, что маршрут «идется». Он получил странноватое для непосвященных название «ребра «Буревестника», появился в планах на будущий год. И когда этот год наступил, новую экспедицию буревестниковцев на Памир возглавил Виктор Тимофеевич Галкин — Тимофеич, как называли его альпинисты между собой.

Галкин был одержим идеями. Он обладал способностью обрастать людьми, как обрастает снегом крепкий ком, ловко пущенный по талому склону. Примчавшись из Москвы в «Ала-Арчу», он тут же со всеми перезнакомился, тут же рассказал о том, какую необычную экспедицию на Памир они замышляют, принялся приглашать в эту экспедицию, приглашать с тем жаром, с тем радушием, с каким хлебосольный хозяин зовет на удавшийся плов. Что может быть печальней щедрого застолья, если за этим столом нет гостей? Что может быть бессмысленней самых прекрасных вершин Памира и Тянь-Шаня, если не окажется людей, способных подняться

на эти вершины? Человека нужно звать в горы, и Галкин делает это так, буд-
то до него никто и знать ничего не знал об альпинизме, да и не узнает, если
немедля не воспользуется его советами и не отправится куда-нибудь на
Фортамбек или на Хан-Тенгри. Была б его, Галкина, воля, он не разрешал бы
жениться парням, которые не испытали себя в горах. Да и только ли в таком
самоутверждении дело? Нельзя замыкаться в фокусе личных результатов,
нельзя все сводить к арифметическим выкладкам баллов и категорий. Горы и
люди — вот душа альпинизма. Надо работать с молодыми солдатами, с
геологами и геодезистами. Альпинисты могут устанавливать на вершинах

всевозможную аппаратуру, оказывать помощь в проведении самых
различных научных экспериментов. Горы — это почти космос, это
прекрасная лаборатория для изучения возможностей человеческого
организма, человеческой психики, дееспособности человека в критических
условиях. Казалось бы, что общего между альпинизмом и парашютизмом? А
вот ведь нашли общее!

КАК ЯВЛЯЮТСЯ ШАЛЫЕ МЫСЛИ

Когда родилась эта идея, вернее, самая первая, предваряющая ее мысль,
Александр
Александрович
Петриченко,
мастер
спорта
СССР
международного класса, не сразу подобрал нужное слово для характеристики

этой своей мысли, хотя, как и всякий человек, он, конечно же, имел некото-

рый опыт в подборе таких определений. Потом в статье, написанной для

журнала «Вокруг света», он назвал свою мысль «в общем-то довольно

шалой». Деликатно, надо сказать, назвал. С парашютом на «крышу мира»?

Не пешком, не снизу вверх, а именно сверху вниз, без всяких подходов и

штурмов, без всех этих веревок и крючьев, не имея которых так просто

сорваться и улететь вниз?.. Именно сорваться! Именно улететь вниз!

Как являются шалые мысли? На этот раз они возникли не без помощи

эдаких «бедных родственников», повадившихся к нему, к Петриченко, с явно

корыстной целью — что-либо выклянчить. Что ж, Валентин Божуков и

инженер — испытатель вертолетов Валентин Сулоев знали, куда стучаться. И

что просить, они тоже знали. Отнюдь не заочное знакомство с парашютами

имел и Виктор Галкин, в прошлом воин-авиадесантник с двадцатью тремя

прыжками на счету. . Сначала просили ну хоть какой-нибудь завалящий фал.

Ну хоть какие-нибудь старые стропы — сшить страховочные пояса, лямки

для облегченных высотных рюкзаков. . Затем дошла очередь до парашютов.

Списанных, разумеется. Лишь бы грузы можно было сбрасывать, чтоб не на

себе таскать. На самолете прямо на нужную высоту.

— А если в сторону снесет?

— Ничего, достанем.

— А чего ж сами-то пешком ползаете? Электронный век, такая техника,

а вы все как при царе Горохе...

Шалая мысль. Более того, бредовая. Впрочем, почему, собственно,

бредовая? Да потому, что едва человек приземлится, он тотчас превращается

в пешехода, а в горах — в альпиниста, он тотчас же должен задержаться и

на снежном и на ледовом склоне, он должен в строгом взаимодействии с

товарищами спуститься по залитому натечным льдом скальному желобу, не

свалив при этом камня на головы идущих внизу...

Но это в лучшем случае. А если получится иначе? Если парашютист не

сможет приземлиться в нужную точку, что тогда? На Тушинском аэродроме

неточность приземления отразится разве что в протоколах соревнования, не

более. Здесь же отклонение в десяток метров может отшвырнуть человека по

другую сторону хребта, и, значит, спасательные отряды смогут подойти к

нему лишь через несколько дней. Но ведь эти несколько дней как-то надо

выдержать?

Да и в этом ли вся проблема? Высота точки приземления, если прыгать

на Памирское фирновое плато, 6100 метров над уровнем моря. Совсем

недавно прыжок с такой высоты называли высотным, таким прыжком гор-

дились. А тут человек собирается прыгнуть на эту высоту! Он, рожденный и

осуществляющий право на жизнь при своем «родном» давлении в семьсот

шестьдесят миллиметров ртутного столба, в считанные мгновения лишается

естественной среды обитания и оказывается на кислородном пайке, вдвое

меньше необходимого. Рыба, выброшенная на берег! Ее ощущения можно

испытать, покинув самолет на большой высоте без кислородной маски. Но

такай прыжок длится какие-то минуты. Здесь же прыжок как бы прервется,

замрет на шести тысячах, и эти шесть тысяч метров человек может покинуть

лишь с той скоростью, с какой будет переставлять конечности.

Да, но для всего этого нужно еще и благополучно приземлиться! А как

это сделать, если при столь малой плотности воздуха посадочная скорость

обычного парашюта увеличится почти наполовину? Верный способ остаться

без ног. А если откажет основной парашют? Раскрыть запасной? Но у

запасного скорость встречи с землей еще больше, в условиях высокогорья

это все равно, что вообще прыгать без парашюта. Нет, нет, и думать нечего,

мысль совершенно бредовая, это абсолютно ясно.. Невозможно? Ну что ж!

Есть над чем пошевелить мозгами!

Взялись за работу, и к лету 1967 года опытный вариант альпинистского

парашюта был готов.

На первой пробе новая модель отказала, и Петриченко, который сам

испытывал детище своего отдела, пришлось в воздухе резать стропы. Потом

он вынужден был и вовсе отсоединиться от перехлестнутого купола и спу-

скаться на запасном. Но недостаток был выявлен, и хорошо, что это

произошло в Тушине, а не на Памире. В конструкцию внесли необходимые

изменения, так что все последующие прыжки прошли нормально. Точно в

круг. Но это опять-таки в Тушине, а как получится в горах? Да и вообще,

какие они на самом деле, горы?

Альпинисты «Буревестника», эти повивальные бабки идеи прыжка на

Памир, планировали восхождение на пик Коммунизма. Они хотели пройти

маршрут с Памирского фирнового плато, со стороны ледника Фортамбек,

откуда на высочайшую вершину Советского Союза еще никто

не ходил.

Загадкой представлялось и само плато. Снежная равнина, вознесенная на

высоту шести тысяч метров над уровнем моря, протянулась почти на

двенадцать километров. Правда, в ширину она была значительно уже, от

километра до трехсот метров, но так ли это мало для парашютистов,

умеющих приземляться в центр двадцатипятиметрового круга?

Странная это была пара — подвижный как ртуть Виктор Галкин и

невозмутимый, немногословный, даже неподступный на вид Саша

Петриченко, лет тридцати, могучего телосложения человек с курчавой

шевелюрой и суровым боксерским лицом. Галкину было сорок. Художник по

профессии, он целиком переключился на тренерскую работу с альпинистами,

а в свободные часы — на чтение экономической литературы. У Саши

Петриченко был другой «пунктик». Ему, конструктору и испытателю

парашютов, словно не хватало своих приключений, он охотился за теми, что

изготовлялись для читателя за письменным столом Агаты Кристи и Жоржа

Сименона. Дома, в Москве, этой продукцией у Саши забит громадный, во

всю стену, стеллаж, но разве можно остановиться? Он и во Фрунзе пытался

что-либо раздобыть для своей коллекции, проявляя к поискам столько

интереса, что, кажется, только затем и приехал.

Странное это было сообщество опытнейших мастеров-высотников,

посвятивших альпинизму многие годы, но все еще дискутирующих на тему

«Зачем человеку горы», и испытателей-парашютистов, вдруг вырядившихся

в альпинистские штормкостюмы, людей, которым все стало ясно после
первого же знакомства с окрестностями альплагеря «Ала-Арча».
Первого? А разве будут еще? Разве одного недостаточно, да его хватит
на всю жизнь! Неужели альпинисты вот так и ходят? Неужели этим можно
заниматься добровольно, даже мечтать об этом? Как тяжело дается каждая
сотня метров набора высоты, в самолете никогда не думалось об этом!
Каждый шаг — это усилие. Усилие не только для того, чтобы перешагнуть
через камень или ледниковую трещину, но и через свое «я устал», через свое
«я не хочу», через все чаще и чаще наведывающуюся мысль насчет того, «а
чего ради?». Нет-нет. Ничего общего, они явно противоположны по знаку,
альпинизм и парашютизм. И если парашютиста все же удалось уговорить
взвалить на спину двадцатикилограммовый рюкзак и с ледорубом в руке, в
мокрой штормовке тащиться сквозь дождь и снег к бог знает где
затерявшемуся в тумане Аксайскому ледопаду, то опять-таки это стало
возможным только во имя парашютизма, во имя будущего прыжка.

126

ПЕРВАЯ ПАМИРСКАЯ. . ДАЕШЬ ФИРНОВОЕ ПЛАТО!

Свою Памирскую экспедицию альпинисты «Буревестника» называли
комплексной. Но не только из-за участия в ней парашютистов, намечались и
другие, не менее важные эксперименты, связанные с установкой на больших
высотах научной аппаратуры. Так, было задумано смонтировать на вершине
пика Ленина автоматическую радиометеостанцию. Была проделана большая

работа, но, к сожалению, выброшенная на трех парашютах станция опусти-

лась в стороне от заданной точки. Видимо, штурманы еще не имели

достаточного опыта расчетов в горах, а вытащить груз наверх альпинистам

оказалось не под силу.

Успешно была осуществлена лишь вторая часть программы — альпинистская. Команда взошла на этот популярнейший в стране

семитысячник по пяти маршрутам, причем три из них были пройдены

впервые. Познакомились с пиком Ленина и парашютисты. В свой акклимати-

зационный выход они поднялись до высоты 5500, еще раз продемонстрировав свою, так сказать, веротерпимость, свою готовность

вынести любые альпинистские «штучки» ради единственного стоящего дела

— прыжка на Памир, который состоится не в какие-то отдаленные, туманные

времена, а буквально через несколько дней, даже дата известна: 12 августа

1967 года. Они летят на Памир!

Первыми на Памир улетели альпинисты. 9 августа передовая группа под

руководством Юрия Бородкина и тренера Валентина Божукова погрузилась в

вертолет Алексея Панферова, чтобы через полчаса тряской болтанки, оставив

под облупленным дюралем днища и грозный вал Заалая и мертвенно-серую

пойму Мук-Су, очутиться под самой стеной фирнового плато, на леднике

Фортамбек.

В прошлом, 1966 году фрунзенский пилот Панферов и его экипаж

освоили, казалось бы, недоступную для вертолетов площадку на леднике

Москвина. Теперь же им предстояло обжить еще более отдаленный

альпинистский «аэродром» — поляну «Буревестника».

Первооткрыватели
всячески расхваливали свою находку. Но согласится ли сесть там Панферов?
Панферов сел. Поляна и в самом деле оказалась на редкость удобной,
гостеприимной, что ли, тем более неожиданной для столь сурового
памирского угла. Было странно глядеть на ласковый оазис зелени, выше и
ниже, справа и слева которого были только снег и лед. Здесь была даже не
одна поляна, а целый каскад полян, живописно разобщенных моренными
холмами и уютно прикрытых ими со стороны ледника. То там, то здесь
поблескивали плоские корытца эдаких декоративных озер, в густой упругой
шубе желто-зеленой альпийской травки посверкивали извилистые прожилки
ручьев, весело пересвистывались у своих нор непуганые сурки, а за
моренным валом, за осязаемо глубоким пространством невидимого с поляны
ледника высился циклопический крепостной фронт скальных башен и стен,
увенчанных, как куличи, высокими папахами слоеного фирна. Прямо
напротив поляны этот фронт был пробит ступенчатой брешью Трамплинного
ледника, заваленной вдребезги разбитыми пластами фирна, рушащимися с
верхних сбросов, то зеленоватых, то бледно-матовых и просвечивающих
насквозь. Эти верхние сбросы означали кромку фирнового плато. Она
сверкала на солнце, и от всего этого трудно было отвести взгляд.
Впечатление усиливалось еще и потому, что гигантский амфитеатр
протянувшейся на несколько километров стены открывался взгляду с высоты
нависшей над Фортамбеком террасы, открывался сразу, как с
наблюдательной вышки, расчетливо выдвинутой в середину дуги. Воистину

ни с чем не сравнимое зрелище! Оно вызывало восторг, а гулкие перекаты

эха, рождаемого обвалами с Трамплинного ледника, лишь подчеркивали

масштабы и первозданность окружающего мира.

Площадка, облюбованная под «аэродром», особой работы не требовала.

Надо было убрать лишь несколько крупных валунов, а пока предстояло

сделать самое первоочередное, вот и все. Ребята разбили базовый лагерь,

переночевали, а на следующий день, 10 августа, пересекли ледник

128

Фортамбек и начали подъем по ребру «Буревестника». Прошли осыпной

контрфорс. Его снежно-ледовый участок. Вышли на лед. Затем на скалы. И

снова на снег, и снова на скалы, пока снежный контрфорс не вывел их на пла-

то, а вернее, на небольшой «пичок», названный впоследствии пиком

Парашютистов. Они вышли к нему с двумя ночевками 12 августа. В то самое

утро, на которое была назначена выброска десанта, перед людьми наконец

открылись белые пространства фирнового плато, всхолмленные, иссеченные

трещинами настолько внушительными, что вглядываться в их сумрачные

глубины ни у кого особенного желания не было.

ВНИМАНИЕ, ВНИЗУ ПЛОЩАДКА!

Как все же бесцеремонно расправляется авиация со временем и

пространством! Еще несколько лет назад для того, чтобы достичь подножия

хребта Петра Первого, экспедициям требовался месяц тяжелейшей работы с

караваном и вьюками, с переправами через бешеные потоки Мук-Су, с

утомительным блужданием среди сераков и трещин ледовых полей! Эти так

называемые «подходы» требовали таких сил, что, когда люди оказывались у

цели путешествия, им эта цель подчас оказывалась уже не по плечу... Теперь

же у парашютистов еще и пот не высох на лбу, а впереди над пестрой,

сиренево-белой зыбью Памира замаячил голубоватый остренький парус,

похожий еще то ли на язычок газового пламени, то ли на острие синеватой

стали, — пик Коммунизма. Полчаса на дорогу! За это время в Москве в

лучшем случае можно добраться от станции метро «Щелковская» до станции

«Площадь Революции». Надо же было догадаться влезть в пуховые костюмы

там, в Фергане, где раскалившийся на солнце самолет был похож на

муфельную печь, а высотная одежда на нечто из арсенала святой инквизиции

для изощренных пыток теплом!

Но вот похолодало. Двинулись в стороны створки грузового люка.

Ударило в глаза яростное великолепие полыхающих на солнце снега и льда,

жгучей синевы неба и оледенелого камня, спиртовой чистоты воздуха,

горных далей, морозной крепости высоты. Приехали. Вот он, Памир.

Внимание, внизу площадка!

Они познакомились с ней еще накануне, во время рекогносцировочного

облета. Было странно смотреть, как в раме разверзшегося люка, среди

устрашающих сбросов, среди хаоса сумеречных скальных и ледовых стен,

остро заструганных черно-белых гребней, всех этих бездн и крутизн вдруг

выплыла неправильно-удлиненная плоскость, похожая на тихую заводь,

такую неожиданную среди этого вертикально издробленного мира. С севера

плато срезалось полуторакилометровой пропастью в сторону ледника

Вальтера. С запада столь же внушительным сбросом в сторону ледника

Фортамбек. На востоке плато замыкалось склонами пика Коммунизма.

Гигантская пирамида, для которой плато служило как бы пьедесталом,

напоминала отсюда крутой скат заснеженной черепичной крыши. И эта

крыша, конечно же, встала бы на пути самолета, если делать заход для

десантирования вдоль плато. Значит, надо идти поперек. В таком случае

вершина останется в стороне. Но тогда узкая полоска плато промелькнет

внизу еще быстрее, за какие-нибудь три-четыре секунды. Как попасть

на нее с высоты 7200 метров, покинув борт самолета, крейсерская скорость

которого 600-700 километров в час?

Впрочем, решение этой задачи больше зависело от экипажа корабля,

нежели от парашютистов. И командир Владимир Казанков со штурманом

Борисом Самутенко провели настоящую исследовательскую работу,

тщательно отсняв все плато и проведя множество «пристрелок». И вот

площадка. Но почему нет никаких знаков? Где альпинисты? Какой

прекрасный, редкостный для высокогорья день! Неужели придется его

упустить.

Сеанс радиосвязи. На борту самолета Галкин, где-то внизу, на плато,

Божуков. Да, альпинисты вышли на плато. Но вышла только передовая

группа, и, значит, вся работа по подготовке к встрече парашютистов еще

впереди. Ведь мало подняться самим, нужно освоить маршрут для спуска

людей, которые еще неизвестно как будут себя чувствовать. Разумеется, их

готовили. Был альплагерь, были выходы «на снег», «на лед», «на скалы»,

однако всего этого достаточно разве что для учебного восхождения.

Парашютистов же предстояло спускать по ребру «Буревестника», а этот

наилегчайший путь с плато с учетом высоты вполне соответствовал

маршруту высшей категории трудности. И еще одно обстоятельство — на

высоте 6000 предстоит пройти около 10 километров, только потом начнется

спуск к Фортамбеку. Значит, помощь может понадобиться уже на плато. Не

менее двадцати человек должна насчитывать группа встречи, а этим людям

нужно еще подняться. Словом, Божуков просит перенести прыжок на

четырнадцатое. Парашютисты разочарованы, но Галкин соглашается с Бо-

жуковым. Итак, на четырнадцатое.

Гаснет сигнальный плафон, медленно закрываются створки. И все-таки

работа продолжается; еще один заход на плато, еще сеанс радиосвязи.

Начинается выброска грузов. Вниз летят контейнеры с продуктами,

двухслойная палатка, бочка с бензином, кислородный баллон. Теперь на

плато хоть зимуй, столько всего набросано, на все случаи жизни.

«Бомбометание» прошло довольно точно, только один груз отклонился в

сторону, угодив в склон пика Куйбышева. Но и этот контейнер, покатившись

вниз, в конце концов очутился на площадке. Во время этой вынужденной

«транспортировки» упаковка лопнула, и памирский фирн оказался изрядно

нашпигованным московским печеньем. В ход пошли старые анекдоты:

—У вас есть изюм?

—Есть батоны с изюмом.

—Выковырните, пожалуйста, два килограмма...

Самолет улетел. Ребята поставили палатку, подняли флаг, а из обломков

контейнеров и прочей тары выложили посреди площадки пристрелочный

круг. В центре круга расстелили оранжевый крест. К шести вечера 13

августа, набрав за день более тысячи метров высоты, группы Вячеслава

Глухова и Валентина Иванова вышли к площадке у пика Парашютистов.

131

«МЫ СОВЕРШИЛИ ПРЫЖОК НА ПАМИР!»

Вечером накануне прыжка парашютисты сходили в кино. Как и было

обещано, им показали художественный фильм про альпинистов «Вертикаль».

Песни понравились, альпинистско-киношные страсти не очень. Но два часа

за этим занятием все же прошло. Ну а что делать дальше? Куда себя деть,

если все мысли только о прыжке, а думать о нем уже невмоготу?

Вечером приказали себе спать. Ведь неизвестно, когда теперь вернутся

они к нормальному человеческому бытию и как пройдет первая в их жизни

ночь на «Крыше мира».

Утром заставили себя плотно позавтракать. Опять-таки про запас, ведь

неизвестно, когда снова придется сесть за стол, а через час вылет. А еще

через полчаса они окажутся над плато, О, теперь у них есть опыт. Весь

костюм — плавки и. . подтриконенные ботинки. Все остальное будет надето

по мере набора высоты. Вид, конечно, дикий, тем более в кабине громадного

транспортного самолета. Бортмеханик ворчит. Трикони, вот с чего он не

сводит глаз. Имей он право, он запретил бы принимать на

борт пассажиров в
такой обуви, эдак и от машины ничего не останется!
Одеваться начали на пяти тысячах, поостыв от свирепого аэродромного
пекла. И только облачились в свои комплексные альпинистско-парашютные
туалеты, как вспыхнул сигнальный плафон, поползли в стороны створки
люка, и в лица, слепя глаза, полыхнул неистовый свет сверкающих на солнце
поднебесных снегов. Но вот глаза привыкли, вот узнали заснеженную
черепицу пика Коммунизма, вот закачалось на гребнях гор белое блюдце
плато, помеченное оранжевой искоркой креста. Крест! Все в порядке, крест!
И рядом искорки поменьше, оранжевые, синие, желтые — это палатки,
альпинисты в пуховых костюмах, можно прыгать.
Первый пристрелочный улетел в пропасть к югу от площадки.
Второй, брошенный с поправкой, приземлился метрах в трехстах от
центра круга.

132

Третий заход. К пристрелочному парашюту цепляется аккуратный
тючок с фруктами. Точно в цель! Теперь очередь за испытателями.
Решающий заход!
«Площадки не видно, — вспоминал потом в своих записках Саша
Петриченко, — она далеко впереди, до нее еще девять километров. Из-под
обреза люка выплывают все новые пропасти...
—Пошел!
—Бессонов... Прокопов... Севостьянов... Чижик... Томарович... Я...
Удар!»
Этот контраст всегда ошеломлял: рев двигателей, раскрытая, гулко
резонирующая кабина, удар о встречный поток воздуха и... безмолвие.
Особое безмолвие высокого неба, в котором мгновенно гаснет

гул только что
покинутого самолета. Но и эта особая тишина высотного прыжка была здесь
необычной. Внизу сияли горы. Высочайшие горы страны. Еще никто не
видел их вот так, у себя под ногами, покачиваясь над ними как на детских
качелях. Какая стеклянная и гулкая пустота! Какая чистота воздуха,
настоянного на фирновых полях и ультрафиолете совсем близкого солнца!
Какая белизна снегов, которую так ярко и весело подчеркивают шесть
шелковых сине-красных куполов, карнавальными фонариками опускающих-
ся навстречу спешащим к ним людям!
«Минута полета... Это глупо, но мне хочется крикнуть:
— Ну как там у вас, ребята? Взяла наша! — Жаль, что на лице
кислородная маска.
Но пора думать о земле, она приближается. Сбрасываю запасной
парашют, он больше не нужен. Отсоединяю контейнер... Земля!!!
Мы совершили прыжок на Памир!»
Это обилие в общем-то не свойственных для Петриченко
восклицательных знаков само по себе передает то состояние восторга,
которое нахлынуло на парашютистов, едва их ноги коснулись фирнового
плато. Строго говоря, приземление оказалось не из самых точных — метрах в

150 от центра круга. Для плато такая приблизительность сошла
благополучно, ну а если бы пришлось прыгать на вершину?. Впрочем, об
этом ли сейчас думать?
— Ого! Да здесь в футбол гонять можно!
— Давайте в футбол! — кричит Володя Бессонов, размахивая руками и
подпрыгивая.
Шум. Смех. Откуда-то появилось сухое вино.
—Мужики, это дело нужно вспрыснуть! Слушайте, а говорили

—

кислородное голодание, психика подавленная... Давайте в футбол!

Минута, другая, третья. . И на авансцене событий среди обнимающихся,

целующихся, шумно фотографирующихся на фоне «побежденного Памира»

появляется озабоченный «док».

«ДОК» ШИНДЯЙКИН

Врач экспедиции Алексей Павлович Шиндяйкин, он же «док», он же

Шиндя, он же научный работник, занимающийся проблемой «местного

охлаждения желудка при остром панкреатите», поднялся на плато только что

в группе Иванова. Чувствовал себя Шиндяйкин неважно. В горы он смог

выехать с опозданием и попал на Памир прямиком из Москвы. Что и

говорить, такая резкая смена «среды обитания» не могла пройти бесследно, и

младший научный сотрудник Института скорой помощи имени

Склифосовского мог теперь получать фактический материал о горной

болезни из самых что ни на есть первых рук.

Правда, под пиком Ленина Шиндяйкин побывать успел. Даже была

попытка «сбегать» на вершину. Однако появились больные, их надо было

сопровождать вниз, так что все последующие дни, вплоть до перебазировки

на Фортамбек, Шиндяйкин провел на Луковой поляне, в Ачик-Таше, с

завистью выслушивая рассказы тех, кому посчастливилось быть на самом

верху.

Памир Шиндяйкин видел и раньше. В 1966 году, в экспедиции

Овчинникова. Он был на склонах пика Евгении

Корженевской, установив
личный рекорд высоты — 6300 метров. Рекорд! Меньше всего он думал
тогда о рекорде. В двойке с альпинистом Димой Дубининым он «рванул»
туда за 17 часов прямо из лагеря на 4000, и иначе было нельзя. Они знали,
что где-то наверху, на сложном маршруте заболел и вот уже сутки лежал без
сознания товарищ по команде, кандидат в мастера спорта Юра Скурлатов.
Судя по всему, у него было воспаление легких. Он вышел на штурм с
легкой простудой и на 7000 почувствовал себя плохо. Пока была
возможность, команда спускала его своими силами, а с 6300 Кирилл Кузьмин
и Юра Бородкин вынуждены были отправиться за спасательным отрядом.
Успеет ли только этот спасательный отряд? Ведь высота расправляется с
больным человеком в считанные часы!
Едва ли кому из врачей приходилось спешить на такой вот вызов,
впервые в жизни оказавшись на пятисотметровой скальной стене. Тем не
менее врач Шиндяйкин марку своего знаменитого института не уронил. Он
оказал Скурлатову всю необходимую помощь и тут же слег сам, хотя,
собственно, лежать было негде, можно было только висеть. Резкие головные
боли, рвота, да и что иное можно было ожидать после столь стремительного
марш-броска на высоте свыше шести тысяч метров?
Но и тогда, год назад, Шиндяйкин отнюдь не был новичком в горах,
поскольку первое знакомство с ними состоялось еще в 1960 году. Будучи
студентом медицинского института, он увлекался лыжами и по совету
товарищей решил в качестве дополнительной тренировки съездить в
альпинистский лагерь «Домбай». Тут произошел небольшой

курьез. Врач
лагеря обнаружил у Шиндяйкина повышенное давление, учащенный пульс и
на восхождение не пустил. Более верный способ заинтриговать Шиндяйкина
альпинизмом, наверное, трудно было бы и придумать. . Не пускают? Так вот
он будет ходить в горы! И каждое лето. И не только в качестве врача, но и
как равноправный член экспедиции, год за годом прибавляя в свою книжку

альпиниста кавказские, тянь-шаньские, памирские вершины, ни в чем,
кажется, не собираясь уступать тем, кого он должен был «обеспечивать
медицинским обслуживанием».
В базовых лагерях сидеть не любил. Если что и примиряло его с таким
времяпрепровождением, так это либо больные, либо футбол, в котором
альпинисты увидели один из способов активной акклиматизации. В футбол
Шиндяйкин играл свирепо, в духе канадского профессионального хоккея.
Среднего роста, самой, казалось бы, обыкновенной комплекции, он
преображался, едва на импровизированном футбольном поле появлялся
кожаный мяч. К воротам противника, обозначенным красными газовыми
баллонами, Шиндяйкин устремлялся с агрессивностью носорога, и те, кто
знал за ним эту «слабость», предпочитали сами уступить ему и мяч и поле, не
без оснований полагая, что ноги для альпиниста все-таки дороже. Даже если
тебя «подкует» сам врач.
На фирновое плато Шиндяйкин поднимался с группой Валентина
Иванова. Даже после того, как накануне здесь прошли четверки Юрия
Бородкина и Валентина Божукова, ребро «Буревестника» не

стало простым

— очень сыпучие гребешки, где не вбить ни скального, ни ледового крюка,

очень крутые снежные и оледенелые взлеты, то и дело переходящие в

стенные участки. Расслабился Шиндяйкин уже на плато, когда все

технические трудности остались позади, а теперь надо было только топтать и

топтать снег. Да и не расслабился, просто развезло. Никогда не думал, что на

шести тысячах может быть такая жара, такая духота, это среди вечных-то

снегов! Ну и день! Ни ветерка. Ни облачка. Только темно-синее небо,

слепящий, жарко искрящийся снег и солнце, сфокусированное в вогнутых

зеркалах фирновых полей и оттого, кажется, прожигающее насквозь через

пуховку и все прочие одежды.

Но вот решающая минута. И все позабыто. Недомогание, жара — какое

это имеет значение! Самолет. Он подходит со стороны Гандо, из-за пика

Крошка. И шесть цветных куполов! Защелкали затворы фотоаппаратов. Еще

бы, разве можно упустить такую возможность — купола над Памиром!

Ребята спешат к парашютистам. Видно, как те избавляются от запасных

парашютов — это позволяло снизить скорость приземления. Объятия. Смех.

Но Шиндяйкин уже не просто один из встречающих, человек, которому

повезло стать свидетелем редкостного зрелища, теперь он прежде всего врач,

ему предстоит увидеть и проследить в чистом, классическом виде горную

болезнь от начала и до конца. Ему предстоит бороться с нею!

Типичная эйфория. Все возбуждены, у всех восторженно-приподнятое

настроение.

— Как себя чувствуете?

— Отлично!

Да и в самом деле давление у всех нормальное, только слегка частит

пульс. Особенно возбужден Володя Бессонов. Это подозрительно. Во время

акклиматизационных выходов он поднимался до 5500 и чувствовал себя

неважно... Хорошее самочувствие у самого старшего из шестерки,

тридцатичетырехлетнего Вячеслава Томаровича. Но ведь он вовсе не был на

акклиматизационных выходах, как это объяснить? Слава восхищен горами,

громадой пика Коммунизма, бесконечностью горных далей, открывающихся

взгляду с высоко вознесенного над миром трамплина фирнового плато. Мир

прекрасен! И непонятна та суровость, с которой Овчинников забросил

далеко в снег злополучную бутылку сухого вина: все так здорово!

Первым почувствовал недомогание Володя Прокопов. И очень скоро.

Ребята еще фотографировались, еще вертели во все стороны головами, а он

слег.

Сам собою отпал вопрос о футболе. Валяется в снегу забытая всеми

бутылка какого-то редкостного сухого вина. Альпинисты торопят. Так не

хочется уходить, совершенно непонятно, зачем надо куда-то спешить, когда

толком даже не успели сфотографироваться? Не хочется уходить? Да нет,

просто тяжело подняться. Откуда такая слабость, такая сонливость? Пока

идешь вниз, ноги еще несут, но чуть начинается очередной подъем, пусть са-

мый небольшой и пологий, ноги отказывают, воздуха нет, как их осилить,

бесконечные волны фирнового плато?

ПЛАТО В АЛЬПИНИСТСКОЙ ДОЗИРОВКЕ

Три альпиниста, один парашютист. Три альпиниста, один парашютист. .

Когда все поднялись и отправились в долгий путь через плато, поднялся и

Прокопов. И шел ничуть не хуже других, поскольку. . другие чувствовали

себя немногим лучше его. Полетели в стороны от тропы пустые кислородные

«книжки». «Книжка» — плоский футляр емкостью на десять минут дыхания.

Далеко ли уйдешь за десять минут? Много ли можно было взять с собой этих

кислородных «книжек»?

Нет, все-таки хорошо, что здесь, в горах, не бывает ни болельщиков, ни

зевак, ни просто прохожих. Уж больно непохожи сейчас ребята на

победителей, на тех счастливых, сильных и уверенных в себе людей,

которыми восхищаются, которым аплодируют и вручают награды. . То один,

то другой парашютист в изнеможении повисает на терпеливых

альпинистских плечах, набираясь сил для очередных пятнадцати шагов.

Всегда казалось, что они, парашютисты, накоротке с высотой, что это их

стихия, их родной дом и т. п. И вот оказывается, что одно дело — крылатое

мгновение прыжка, и совсем иначе выглядит высота, если хватить ее в такой

вот альпинистской дозировке. А ведь впереди еще спуск по стене к

Фортамбеку. Альпинисты обнадеживают, что потом будет легче. Потом —

это когда они начнут сбрасывать высоту. Жаль, что так второпях провели они

акклиматизационную подготовку в «Ала-Арче». Уж в следующий раз...

Неожиданно стало плохо Володе Бессонову. У него началась одышка,

нарушилась координация движений. Он шел какими-то странными
зигзагами, то и дело вылезая из тропы, пробитой альпинистами в глубоком
снегу. Ему мало помогал даже кислород. Бессонов начал терять сознание.
Первая ночевка была запланирована на самом краю плато, у спуска к

Фортамбеку. Там были приготовлены палатки, все необходимое для
парашютистов и групп сопровождения. До этой ночевки шли весь день.
Особенно тяжело дались склоны пика Парашютистов. Их преодолели уже в
сумерках, и в палатку Володю Бессонова втащили в бессознательном
состоянии. Диагноз был неутешительным. Двустороннее воспаление легких
плюс острая форма горной болезни. Легочная недостаточность! На высоте в
шесть тысяч метров опасность самая что ни на есть смертельная.
— Ну, док, все от тебя зависит, — сказал Шиндяйкину Валя Сулоев,
когда они стояли у палатки с Бессоновым и думали, что делать. . Сердечное?
Антибиотики? «Доц» взялся за шприц.

НЕУЖЕЛИ ВСЕ ЭТО БЫЛО!

Рано утром начали транспортировку Бессонова вниз. Конечно, в
альпинистской опеке нуждался каждый парашютист. Володю же надо было
спускать на руках. Это было нелегким делом даже на простых участках, где
бок о бок могли работать сразу несколько человек, на стенках же вся
нагрузка ложилась на плечи одного альпиниста.
Взяли рюкзак, вырезали боковины. В эти дыры просовывались ноги
больного, а сам больной сидел по шею в рюкзаке, который

водружался на
спину очередному носильщику. Так Бессонов и ехал. Со стороны эта висящая
на веревках пара напоминала диковинного паука. Еще и шутили. Как,
дескать, удачно получилось. Ведь заболеть мог и не Бессонов, а, скажем,
Саша Петриченко. Каково было бы носильщику с Сан Санычем на спине? Да
и где было бы взять соответствующий рюкзак?
Чаще других тащить приходилось Юре Бородкину, поскольку Борода
был чуть ли не вдвое больше Бессонова. Кроме того, Юра был всегда
невозмутим, философичен и имел тяготение к производственно-
интеллектуальному юмору. И когда Борода начинал что-то «излагать», от его
обстоятельного баска становилось уютно на самых неуютных скалах. В

данной ситуации это имело немаловажное значение.
Бессонов очнулся и открыл глаза в довольно неподходящий момент —
на стене. Наверное, он не понял, что с ним происходит, он только увидел под
собой пропасть, почувствовал, что куда-то движется вместе с опорой, на-
прягшейся в чрезмерном усилии и казавшейся оттого особенно ненадежной.
Бессонов вцепился в нависавший над головой отвес с такой неожиданной для
больного силой, что накрепко припечатал Бородкина к скале. Уговоры были
безрезультатны, и Юре понадобилась помощь товарищей, чтобы он смог
возобновить движение.
Вечер застал спускающихся все еще на ребре «Буревестника». Внизу
были видны палатки базового лагеря, но какими недосягаемо далекими они
казались! Эта ночь тоже была нелегкой для Шиндяйкина. Бессонов стал

вдруг агрессивен: он то пытался выброситься из палатки, то вдруг принимал

Шиндяйкина за спарринг-партнера, с которым надо было отработать технику

ближнего боя. Это вновь дало повод «злым» языкам поздравить «дока» с тем

обстоятельством, что заболел все-таки самый легкий из шестерки, а, скажем,

не Петриченко: каково было бы сражаться с девяностокилограммовым

капитаном парашютистов! Шутки шутками, а Шиндяйкин с Егором Кусо-

вым не отходили от Володи всю ночь.

В себя Бессонов пришел лишь на 5200. С 4600 встал на ноги. В самом

низу, уже у подножия, откуда-то сверху сошел камнепад, зацепив, как назло,

впять-таки именно Бессонова. К счастью, задело лишь слегка и вме-

шательства Шиндяйкина на этот раз не потребовалось.

Теперь оставались сущие пустяки: пересечь ледник Фортамбек и по

сыпучему откосу подняться на высокую террасу древней морены к палаткам.

Дорога знакомая, не было только сил. «Такелажные» работы на стене измота-

ли всех, и счастье еще, что вовремя спустились, так как с верховьев, от

перевала Шини-Бини, на Фортамбек надвигался грозовой фронт.

Снег шел всю ночь. Но его мало кто слышал. В тепле, в безопасности

базового лагеря можно было спать смело, тем более что «взяла наша!». Но

выспаться не дали. Ни свет ни заря, а впрочем, в девятом часу утра

безжалостный Овчинников всех разбудил, всех вытащил из палаток,

предложил вооружиться шанцевым инструментом и немедля отправиться на

расчистку лагеря от снега, и прежде всего на расчистку «аэродрома». И едва

разгребли, растащили по сторонам вязкие комья, как раздался родной

рокоток, и на поляну уверенно плюхнулся вертолет, глубоко вдавливая в

мокрый дерн одутловатые колесики. Первым рейсом улетел Бессонов. А

второго рейса в этот день не было, потому что вновь испортилась погода, и

Панферов смог пробиться лишь через сутки. Покидая лагерь, парашютисты

то и дело оглядывались на выбеленное свежим снежком пройденное два дня

назад ребро: прощай, фирновое плато! Прощай, Фортамбек! Через сорок

минут они будут в Дараут-Кургане, через час-другой в Фергане, в своих

гостиничных номерах с распахнутыми настежь окнами и горячими от жары

простынями. До встречи, Памир! Еще через день они будут дома, в Москве, и

все то, что произошло с ними, будет казаться таким давним и нереальным,

что даже представить будет трудно, поверить самому себе.

Неужели все это было?

. .В тот день, когда ребята покидали Памир, они уже знали, что будут

делать на будущий год, к чему готовиться.

КРЕЩЕНИЕ НЕБОМ

Прошел год, и в альплагере «Ала-Арча» вновь появился Галкин. Вслед

за ним накатила вся команда «Буревестника», команда парашютистов во

главе с Петриченко, что само по себе могло свидетельствовать о характере

той программы, которую наметили для себя участники этой новой

экспедиции на Памир. Экспедиция 1967 года казалась теперь разведкой, не

более. В заявке — восхождение с разных сторон на пик Ленина. Массовый

десант парашютистов на отметки «6100» и «7100». Затем перебазировка на

Фортамбек. Десант группы парашютистов-альпинистов на Памирское плато с

последующим восхождением на пик Коммунизма.

Ребята понесут наверх титановую капсулу с посланием к молодежи

будущего. Эта капсула будет оставлена в вершинном туре на высочайшей

точке советской земли, на отметке 7495 метров. Там сказано:

«ЦК ВЛКСМ. Молодежи XXI века. Вскрыть в 2018 году.

Дорогие друзья!

Мы не знаем, кто вы — студенты или ученые, рабочие или хлеборобы,

— нам ясно одно: вы — представители советской молодежи, представители

Ленинского комсомола, который всегда в пути, всегда творит, дерзает, созидая новое общество. Через время мы протягиваем вам руки.

Нас разделяют полвека. Наверное, вы сильнее нас, больше знаете,

обладаете более совершенной техникой. Но мы с вами из единой связки

поколений. Мы, альпинисты, любим горы, любим нашу великую Родину —

Союз Советских Социалистических Республик так же горячо, как вы. .

...Вам, поколению 100-летия комсомола, мы завещаем все свое духовное

и материальное богатство, вам передаем негасимую искорку революции,

несите ее дальше, в века...

Стоя здесь, на вершине, мы думаем о вас — о тех, кто продолжит наше

восхождение к вершинам коммунизма...»

Как и в прошлом, 1967 году, экспедицию проводит московский

«Буревестник» Но каждая горная республика может послать своих

полномочных представителей, лучших альпинистов-высотников. От

Киргизии приглашаются мастера спорта, лаборант политехнического ин-

ститута Анатолий Тустукбаев, столяр художественных

мастерских Владимир

Кочетов, кандидат в мастера спорта, слесарь-монтажник строительства

Токтогульской ГЭС Анатолий Балинский и перворазрядник, инженер-гидро-

геолог Евгений Стрельцов. Работа найдется каждому. Будет испытываться

прочность купола новых альпинистских парашютов. Изучаться возможность

приземления с разных высот. Будет проведен ряд медико-биологических

исследований, что наряду с чисто спортивными задачами сделает

экспедицию мероприятием еще более увлекательным и полезным. Кстати, в

той семерке, что будет сброшена на Памирское плато, есть вакансия. Так что,

если кто...

Намека было достаточно. Еще бы, прыгать-то на Памирское плато! Этот

район для Толи Балинского обладал не меньшей притягательной силой, чем

когда-то Антарктида, с той разницей, что Памирское плато просто-напросто

ближе и, значит, реальней. А теперь оно и вовсе реально, надо лишь

поработать в группе парашютистов вначале на сборах в «Ала-Арче» в

качестве наставника-инструктора, а затем, сменив роль, стать учеником тех

же парашютистов.

Никогда не имел дела с парашютистами. Что за народ? Да еще

испытатели, «люди редких профессий», «разведчики пятого океана»,

«романтики с планеты Земля»... Какие они?

Сходил с ними на Корону. По «двойке». Они и теперь, после прыжка на

Памир и знакомства с фирновым плато, не проявляли особой любви к

альпинизму, а скорее терпели его, как терпят противочумные прививки, без

которых запрещен въезд в пограничную зону. Нужны уколы? Что ж, колите.

Нужен подъем на высоту? Что ж, пошли на Корону, раз уж без этого нельзя

на Памир. Терпеливо топтали глубокий снег, раскисший под полуденным

солнцем. Старательно ставили палатки для ночевки, запланированной

неподалеку от вершины с таким расчетом, чтобы утром по крепкому насту

спокойно выйти наверх, к туру с запиской.

Когда палатки были поставлены, Петриченко подошел к Балинскому.

— Слушай, Толя, раз уж так обязательно идти на самую макушку,

может, сегодня и сходим? Чего тянуть?

— Но ведь утром-то легче! По холодку, со свежими силами...

— С какими силами, откуда? Может, сейчас и сходим? Чего сидеть,

душу томить? Еще до темноты три часа, успеем!

Отпросились у руководителя сборов. Пошли. Странное дело, с этими

людьми, такими далекими от гор, Толе куда проще находить общий язык,

чем с иными товарищами-альпинистами, с кем, казалось бы, должны были

понимать друг друга с полуслова. Да и сам пришелся по душе

парашютистам, прижился у них, что опять-таки удавалось далеко не всем.

Особенно не терпели здесь людей суетливых, многословных, людей с

претензией, не привыкших к серьезной и будничной работе.

В Балинском парашютистам нравилось многое: его спокойная

обстоятельность, его стремление делать все основательно и наверняка, его

отзывчивость к любому, даже незнакомому ремеслу, суть которого он

схватывал с легкостью много повидавшего и поработавшего человека,

привыкшего во всем полагаться прежде всего на свои руки. Ребята шутили,

что Толя без ножа может вскрыть консервную банку, а что

касается пивных

бутылок, так это для него еще проще: подденет ногтем большого пальца, и

пробки нет.

Наверное, он и в самом деле мог проделывать такие фокусы. Однако, как

истинно рабочий человек, к инструменту привык относиться уважительно,

будь то штопор, охотничий нож, перфоратор или набор титановых скальных

крючьев по рублю штука, запас которых он пополнял чуть ли не с каждой

получки. К альпинистскому снаряжению Балинский был особенно
неравнодушен, и у него всегда все было свое, начиная от спального мешка и
кончая блоком для подъема рюкзаков на стенных маршрутах. Об альпинисте
можно судить даже по тем шерстяным носкам, с которыми человек
отправляется в горы. У Балинского носки всегда были на зависть крепкие,
высокие, как пайпаки. И если Балинский вытаскивал из рюкзака куртку-
анарак, она оказывалась у него особенной. Надевал пуховку, она была раза в
полтора больше обыкновенной.

А главное, не работа находила Балинского, а он работу. И это не могло
быть не оценено по достоинству. Попав в команду Петриченко, в общем-то,
не очень раскрывающуюся перед человеком «со стороны», он и дня не
чувствовал себя гостем, тотчас, не ожидая приглашений, включившись в
сложную хлопотливую работу по подготовке к прыжкам. Отличала его от

парашютистов разве что рыжеватая мужичья борода, которую он отпустил
для памирских холодов и которая так не вязалась с парашютом, шлемом,
всем аэродромным антуражем. А если учесть, что брюки, выданные в
каптерке, оказались для Толи, мягко говоря, коротковаты, что из-под куцых
казенных штанин выглядывали подвернутые по щиколотку синие
тренировочные бриджи, а на ногах красовались альпинистские, на
толстенной рубчатой подошве «вибрамы», то нетрудно представить
оживление, возникавшее всякий раз при его появлении у самолета.

—Да сними ты эти брюки, — не выдержал однажды

Петриченко, — ты

мне все дело сорвешь этим цирком. Людей отвлекаешь!

В свой первый прыжок Балинский так старался выполнить все то, чему

учили парашютисты, что, занятый этими мыслями, и волнения особенного не

испытал, а тем более такого, когда руководителю приходится повторять

команду или даже дружески помочь, если у новичка не хватает решимости

сделать этот единственный и такой невозможный шаг в пустоту. Он с трудом

дождался команды, а в люк ринулся с такой энергией, что многоопытнейший

Слава Томарович, наблюдавший за прыжком, сделал ему на земле

соответствующее внушение:

—Ты так на крыло запрыгнешь. Ты просто ложись на воздух. Ты ведь не

в речку прыгаешь, верно? С самолета!

Второе замечание Толя получил за выполнение затяжного прыжка. Да

еще и какое, ведь на земле о чем только не успели подумать! Прошли

положенные десять секунд задержки, а купол над Балинским все не

раскрывался. Парашют отказал? Тогда где же запасной? Или, может, парень

растерялся? Что удивительного? Всего лишь третий прыжок!

—Я что думал, — оправдывался Балинский после прыжка, — когда

человек волнуется, он хитрит, он будет считать быстрее. И я старался считать

медленно. А потом еще накинул для верности. До тринадцати...

Что такое настоящий прыжок, он понял в тот момент, когда вылетел из

громадного чрева Ан-12 и на скорости 400 километров в час шваркнулся о

воздух, плотный, как бетонная стена. Удар, рывок, отработанный газ турбин

— все это не очень способствовало сохранению нормального

самочувствия.

Он даже испытал нечто вроде головокружения и, смущенный таким

проявлением слабости, при случае осторожно проконсультировался на этот

счет с каким-то, незнакомым парашютистом, надеясь, что о его сомнениях не

станет известно Петриченко.

— Так у тебя сколько прыжков? — спросил парень.

— Четыре. Это пятый.

— Чудак. У людей по двести и то же самое. Ты чего хотел?

На шестом прыжке скоростная программа подготовки альпиниста-

парашютиста была выполнена. Итак, он готов к десантированию на фирновое

плато. Но прежде пик Ленина. Надо было встречать тех, кто прыгнет на

7100...

ПИК ЛЕНИНА, ГРУППА КУРОЧКИНА

Меньше всего Балинский ожидал того, что пик Ленина, куда он

сравнительно легко поднялся еще в 1960 году, будучи молодым и не очень

опытным альпинистом, теперь, спустя восемь лет, после множества самых

разных по сложности восхождений, дастся ему ценой предельного

напряжения всех сил. К великому своему смущению, он почувствовал себя

неважно уже на шести тысячах и два оставшихся до вершины дня пути почти

ничего не ел. Слабость, тошнота, чего с ним в общем-то никогда не бывало.

—Вы меня не кормите, все равно зря, — говорил Толя, когда ребята

усаживались за еду, и поспешно вылезал из палатки.

Мутил один вид пищи. Но когда приступ тошноты проходил и можно

было возвращаться в палатку, когда, оттаяв в душном тепле спальных

мешков, ребята начинали перебирать неистощимые запасы альпинистского

песенного фольклора, в общем хоре можно было различить и голос

Балинского. На сольные выступления он не решался и в лучшие свои дни, но

отставать от товарищей не привык даже в песне. По той же причине упорно

тянулся наверх, хотя в случае чего помощи от него при встрече парашю-

тистов было бы, наверное, мало.

26 июля в полдень над вершиной пика Ленина появился самолет. Он

показался с запада, со стороны Раздельной, и долго, часа три, кружил над

вершиной, словно примериваясь к завтрашнему дню. От этого деловитого

гула, от этой размеренной уверенности, с которой тяжелая машина

проплывала в чернильно-синем зените, прибывало сил. Нет, надо вытерпеть.

Надо дойти до вершины. Как это так, побывать на пике Ленина и не увидеть

прыжка? Балинский шел в группе Геннадия Курочкина. Они должны были

выйти к вершинному куполу со стороны «Запятой» — крутого оледенелого

склона, куда при неблагоприятном ветре могло снести парашютистов. И еще

группе Курочкина предстояло вытащить наверх походную радиостанцию.

Радиостанция была громоздкой, ее аккумуляторы для таких высот оказались

явно не приспособлены, но выбора уже не было.

Ночевали на 6800, под самой Запятой. Самочувствие не улучшалось, но

от предложений идти вниз Балинский и здесь отказался. Утром 27 июля

вышли рано, налегке, радуясь солнцу, чистому небу, простору во всю даль

простирающихся хребтов — словом, такой погоде, которая, конечно уж, не

явится помехой для парашютистов. Шли и прислушивались, и поглядывали

наверх. Самолет показался, когда начали одолевать крутой подъем Запятой.

Он сделал несколько обстоятельных заходов, бросил пристрелочные

парашюты. Ждать стало вовсе невмоготу. А самолет, как нарочно, надолго

пропадал, разворачиваясь невесть где для все новых и новых заходов, а

потом вдруг, как большая рыба, разрешился дюжиной темных икринок,

различимых в густой синеве разве что по вспышкам стабилизирующих

парашютов. Тут же ярко запестрели и цветные купола основных...

— Смотрите, высыпал!

Где-то там, на высоте восьми тысяч метров, сработало десантирующее

устройство. Так сравнительно мала площадка приземления, так велика

скорость турбовинтового корабля, что десант должен покинуть борт почти

одновременно, с интервалом в десятые доли секунды. Иначе разброса не

избежать. И вот транспортер сработал. Первые двенадцать куполов согласно

скользнули за гребень, к невидимой с Запятой площадке 6100, где их уже

поджидали группы взаимодействия. Теперь надо спешить. Ведь через

несколько заходов придет черед и основной команды во главе с Петриченко!

Новый заход самолета. Сначала пристрелочные, потом еще круг —

высыпал!

Еще заход. Еще пристрелочный. Еще двенадцать человек плывут над

ледовыми волнами Заалая, вызывая у всех наблюдавших за прыжком

восторг, зависть и не в меньшей мере чувство тревоги: как-то они

приземлятся, эти ребята, ведь, по отзывам самих парашютистов, площадка на

6100 куда меньше и неудобней, чем предвершинный гребень на 7100!

Самолет исчезает. Сейчас наконец-таки совершится самое главное. Но

пока ничего не происходит, а связи с самолетом нет. Группа Курочкина

выходит на вершину и чуть поодаль и ниже видит оранжевый посадочный

крест, у которого томится группа Валентина Божукова. Полная

неопределенность. Время к полудню, а самолета не слышно, неужели он

улетел в Фергану? Да и в самом деле, сколько же он может находиться в

воздухе?

Площадка выбрана большая — шестьсот метров в длину, триста в

поперечнике. Ближе к вершине ее ограничивает гряда заснеженных скалок,

но в общем места достаточно. Погода? Погода сносная, солнечно, хотя

первые облачка, столь обычные в горах во второй половине дня, уже

появились. Тем более надо бы поспешить!

А самолета нет. Посидели у вершинного тура, у скульптурных

изображений Ленина, занесенных сюда во время прошлых альпиниад,

обсудили создавшееся положение. Неужели прыжка на 7100 не будет? Но

если он не состоится сегодня, значит, его не будет вовсе, альпинисты тоже не

могут долго находиться на вершине, пора вниз! На исходе продукты,

кончается бензин, а без встречающих прыжок невозможен. Неужели вся

подготовка, все хлопоты и волнения впустую?

Часть группы Гены Курочкина пошла на соединение с основным

отрядом встречающих — группой Божукова. Остальные начали спуск в

сторону Запятой. Пошел вниз и Балинский. Когда вершина скрылась за

перегибом гребня, неожиданно возник гул самолета, промелькнули два
пристрелочных парашюта. Но за ними ничего не последовало, во всяком
случае, спускающимся по Запятой показалось именно так. Дошли до лагеря
6800, переночевали, утром возобновили спуск. Где-то между шестью и пятью
тысячами заметили показавшуюся в стороне фигурку слаломиста. Тут
вспомнили, что Валентин Сулоев брал с собой наверх лыжи, намереваясь
продемонстрировать эдакий сверхгигантский слалом прямо с пика Ленина.
Недоброе что-то было в той поспешности, с которой он промчался далеким
склоном. Но только в лагере 4200 Балинский узнал о том, с какой вестью
спешил в штаб экспедиции Валя Сулоев.

ГРУППА ЗАХАРОВА. ВЕРШИНА

В лыжных гонках на пятьдесят километров, в которых альпинисты
«Буревестника» оспаривали между собой право быть зачисленными в состав
Памирской экспедиции, Леша Шиндяйкин был третьим. И он надеялся, что
уж на этот раз будет выглядеть на пике Ленина не хуже других, а если
обстановка позволит, то побывает и на вершине. И поэтому, как только
экспедиция прибыла под пик Ленина, на поляну Ачик-Таш, как только
начались первые акклиматизационные выходы, «док» Шиндяйкин
отправился с одной из групп делать заброску. Далеко, однако, не ушли, их
догнал вертолет, из кабины сбросили вымпел. Даже без записки догадались
— это Галкин. Тимофеевич требовал немедленно вернуться в базовый
лагерь: в Ачик-Таш прибыли молодые армейские спортсмены-парашютисты,

и их надо было выводить на 6100.

149

Такого столпотворения в экспедициях «Буревестника», пожалуй, еще никогда не было. Парашютисты и шоферы, повара и радисты, а какими странными, «нетутошними» казались подтянутые по всем уставным статьям фигуры офицеров, мелькавшие среди бородатого воинства альпинистов, щеголявших кто в пуховках на голое тело, кто в шортах с войлочными заплатами на «пятой точке» — теплей сидеть. Впрочем, это была внешняя расхристанность. Над перенаселенной поляной Ачик-Таш дружно реяли вымпелы армейских спортсменов и «Буревестника», объединенное командование уточняло детали совместных акклиматизационных выходов, а в докторской палатке Леша Шиндяйкин и его коллега Олег Сорокин орудовали фонендоскопами, заглядывали в носоглотки, что по отношению к молодому, отборному, тренированному народу, казалось совершенно излишним и даже смешным делом. Но вот обнаружена у одного ангина, у другого катар, а с ангиной наверх нельзя. Ребятам не верилось, они умоляли со слезами на глазах. Так силен был общий порыв совершить прыжок на Памир, что угроза отстать от своих из-за какой-то презренной простуды казалась парашютистам непоправимым несчастьем. Конечно, едва ли кто до-подлинно представлял, что ожидало их на горе. Но усомниться в решительности этих людей было нельзя. Кстати, у доброй трети из них подошло время демобилизации, долгожданной поры возвращения по домам.

И что же? Ребята подали командованию рапорт с просьбой

продлить им для
участия в экспедиции срок службы. Это ли не стоит прыжка?
Шиндяйкин в восторге от знакомства с таким народом. Тем более что
приезд армейцев означал еще и появление мощного футбольного соперника.
Несколько вечеров поляна Ачик-Таш сотрясалась от жарких баталий на
первенство «Крыши мира», которые по своему темпераменту и
результативности вполне могли бы затмить иные матчи и команд класса «А».
Еще большей симпатией к парашютистам доктор Шиндяйкин проникается во
время происшествия на 5200, когда армеец Коля Матвеевич провалился в
трещину и простой тренировочный выход тотчас превратился в сложные

спасательные работы.
Ничего необычного в этих работах для альпинистов, конечно, не было,
но для людей, впервые оказавшихся в высоких горах, парашютисты
действовали совсем неплохо. Это-то и настраивало Шиндяйкина на
торжественный лад: отличный народ!
Прошло несколько дней, и «док» Шиндяйкин вновь шел наверх, в
третий раз за эту экспедицию. Он поднимался с группой Жени Захарова,
чтобы на плато 7100 присоединиться к отряду встречи парашютистов. Они
благополучно поднялись на Раздельную и ночь с 26 на 27 июля провели на
7000. Утром встали рано. Вершина казалась совсем близкой, но побывать на
ней хотелось прежде, чем начнется выброска. Как бы удачно ни прошел
прыжок, а хлопот прибавится, станет не до восхождений. Тем более врачу.
Это уж «док» Шиндяйкин знал точно.
Собственно, идти на вершину ему необязательно. Более того,

он должен

быть на площадке, ибо самолет мог пожаловать в любое время. Но как

лишить себя возможности побывать на пике Ленина, если от вершины отде-

ляют буквально считанные метры! Очень близко! Как хочется испытать себя

на семи тысячах, знать не понаслышке, а самому преодолеть этот

психологический барьер, о котором так много говорят альпинисты, — рубеж

семи тысяч! Это важно для него как для врача. Но ведь он еще и альпинист.

И он прекрасно себя чувствует!

Шиндяйкин выходит вперед. Наст хорошо держит, ноги почти не

проваливаются, «док» сразу отрывается от группы и так резво, что Захаров

забеспокоился. Он кричит, требуя, чтобы Шиндяйкин немедленно вернулся.

Это приказ.

«Док» согласно машет рукой и. . усиливает темп. Потом он скажет, что

не понял Захарова, подумав, что тот просит поспешить с возвращением уже

после вершины. Но, конечно, он отлично понял Захарова. Наверное, со

стороны его рывок и в самом деле выглядел эдаким психозом, приступом

эйфории. Но у него нет никакого приступа. Все четко. Надо успеть побывать

на пике до выброски, успеть вернуться к площадке.

Буква Т выложена из ярких полотнищ парашютного шелка. Шелк

пламенеет на снегу, как праздничное украшение, и все немного возбуждены,

поглядывают наверх. Самолет уже здесь, он появляется и исчезает, но пока

занят выброской на 6100, так что время сходить к туру у Шиндяйкина еще

есть.

По высоте остается сделать не более трех десятков метров. Но

как

обманчива эта близость, этот бесконечный гребень, каждый взлет которого

невольно принимаешь за вершину. А это не вершина. До нее еще целый деся-

ток таких же взлетов, и это может вывести из себя кого угодно. На вершину

Шиндяйкин врывается, как на вратарскую площадку, и, не отдышавшись,

тотчас принимается щелкать фотоаппаратом. Он спешит. Он снимает вер-

шинный тур. Ребята у тура. Снимает барельефы Ленина, снимает панорамы

на юг и север, запад и восток, сует аппарат ребятам, чтобы они сняли и его на

первом в жизни семитысячнике. Он счастлив! И эту радость не может

омрачить даже предстоящее объяснение с Захаровым. А ведь наверняка

попадет. И крепко!

Теперь вниз. Но это просто. На площадке Божуков, Путрин, Петрук,

другие ребята — весь спасотряд. По-прежнему солнечно, лишь кое-где на

фирновых полях стынут тени невидимых на фоне белизны облаков. С шур-

шанием ожил на снегу шелк креста. Он казался очень безобидным, этот

ветерок, но, когда появился самолет и бросил пристрелочные, их снесло за

площадку, за перевал, куда-то на южные склоны. Связи с Петриченко не

было, и о том, что намерены были делать там, на самолете, можно было

только гадать.

Самолет появился вновь над площадкой в 13.30 местного времени, когда

его уже почти не ждали. Как-то буднично, разом он высыпал в небо десять

цветных точек, и чем ниже они спускались, тем отчетливей становилось

видно, что десант уходит за крест. Парашютисты быстро скользили за

перевал, за гребень южного склона. Казалось, что они просто

не видят ни

креста, ни встречающих и что, если окликнуть их, докричаться до них, они

тотчас повернут, исправят ошибку, и все будет хорошо и здорово, как тогда,

год назад, на фирновом плато. Но изменить, предпринять что-либо было уже

нельзя.

Доктор Шиндяйкин находился чуть поодаль от креста, у палаток

ночевки. Здесь лежал рюкзак с медикаментами, и это было первое, о чем он

подумал в ту минуту. С верхней кромки скал по склону катился человек чуть

ли не кубарем. Это был Прокопов.

— Кто-то разбился! — прокричал сверху Егор Кусов.

Шиндяйкин выволок из палатки свой рюкзак и двинулся вслед за

ребятами.

ГРУППА ЗЫКОВА — БОБРОВА. ПОЛКА 6100

Едва ли когда руководителю альпинистской экспедиции приходилось

решать столь сложные по организации задачи, нежели те, что взвалил на свои

плечи Виктор Галкин. Высотная экспедиция — дело само по себе чрезвы-

чайно хлопотное, здесь же действия альпинистов надо было тщательнейшим

образом увязать с выброской десанта на 7100, с десантом на 6100, с

действиями армейских альпинистов Рацека и Артюхина, которые должны

были встретить парашютистов на 6100, с экипажами самолетов и вертолетов,

с военным командованием, чьи подопечные принимали участие в памирском

эксперименте. Наверное, это было самым трудным — добиться полной

слаженности действий. Чего-то вовремя недовезли парашютистам — от-

срочка. Непогода сломала график альпинистских выходов — еще отсрочка.

А тут буквально за несколько дней до выброски где-то в горах пропал

самолет местной авиалинии, и все вертолеты были брошены на поиски.

Галкина ждали в базовом лагере, а он все эти дни «выбивал» вертолет и в

конце концов вынужден был добираться машиной вкруговую, через Ош,

потеряв еще целые сутки. Ему бы отлежаться денька два, отоспаться, но где

они, эти два дня? Сразу наверх!

С тех пор как число побывавших на пике Ленина стало выражаться

трехзначными цифрами, восхождения на эту гору стали восприниматься как

нечто обыденное и простое. И к самой вершине появилось несколько снисхо-

дительное отношение, тем более что о неудачах как-то не принято особенно

вспоминать. Да и не так уж было много этих неудач. На счету любого

городского перекрестка куда больше жертв, чем у этого семитысячника. И

все-таки главная вершина Заалая оставалась и остается достаточно трудным

испытанием для любой группы, а каждое восхождение может дать на этот

счет убедительные примеры.

Кандидат

в

мастера

спорта,

инженер-механик

научно-

исследовательского института Володя Бобров должен был вместе с Юрием

Зыковым, Виктором Горячем и Александром Александровичем Поздеевым,

проректором Пермского политехнического института, подняться на «полку»,

как называли альпинисты выбранный для приземления десанта пологий

уступ склона на 6100. Надо было затащить туда полотнища парашютного

шелка, выложить из них посадочный крест, затем идти на вершину. А

Галкина не было. Они ждали день, другой, третий, потому что выходили

первыми и надо было уточнить кое-какие вопросы. Понятно, что отсутствие

руководителя в канун решающих событий отнюдь не способствовало

хорошему настроению. А тут еще погода! На редкость капризная,

неустойчивая, то дождь, то снег, и так изо дня в день. И холод! Даже в

базовом лагере, на Луковой поляне!

А идти надо. Не без труда, медленно поднялись на полку, переночевали,

выложили крест. К вечеру 25-го числа были на 6800, встали на ночевку. В

сумерках неожиданно появился Борис Соустин. Его трудно было узнать. Он

ввалился в палатку, чуть не перевернув примус. На его лице белела корка

льда.

— Там... Виктор. Помогите ему.

Полнейшая неожиданность! Галкин? Здесь? Откуда? Бобров надел

кошки, взял еды, спустился к Галкину. Виктор не дошел до палаток метров

сто. Он сидел на рюкзаке, вымотанный до предела, но крепкий чай, горячая

еда помогли собраться с силами. Потихоньку уже в полной темноте

добрались до палатки. Но ведь палатка, даже высотная, это все-таки только

палатка. А отдых на 6800 — это относительный отдых, подчас он забирает

ˆил больше, чем, казалось бы, дает. Утром не смог продолжать подъем

Виктор Горяч. У него странное сомнамбулическое состояние.

Отказался от
подъема на вершину и Галкин. Что удивительного! За один день они с
Борисом Соустиным поднялись из базового лагеря сразу на 6100. Еще за день
— на 6800. И это после ферганской и ошской жары, после изнурительной
беготни, нервотрепки последних дней! Все имеет свой предел. Возможности
человеческого организма тоже. Тимофеич, однако, говорит, что вполне мог
бы продолжать восхождение, но на пике Ленина он бывал и прежде, а теперь
его больше волнует десант на полку 6100 и что он должен быть там.

Остальные пошли на вершину. В полдень сидели у тура и к вечеру
спустились к палатке. Намерзлись, да так, что временами ног не чувствовали,
особенно на Запятой, где был сильный ветер. У Володи Боброва шекльтоны
промокли, пришлось поднажать, хотя спешить было особенно некуда:
спускаться ниже 6800 в этот день не имело смысла.

В палатке было тихо. Горяч так и не просыпался. Галкин, вернувшись
после попытки все же подняться на вершину, тоже спал. Борис Соустин
занимался стряпней. Странное состояние у Вити Горяча. Аппетит, пульс,
температура — все в норме. И. . полное безразличие, апатия, нежелание
двигаться. . Утром 27 июля не знали, что и делать. Человек спит. В любом
положении. Пробовали вести, не получается. Потом упаковали в спальный
мешок, стали спускать. А Горяч спит.

Спустились на 6100. Там догорали дымовые шашки, стлался дым, на
жестком снегу ярко выделялись сине-красные купола парашютов. Армейцы
обнимались, размахивали шлемами: парни праздновали свою победу. Кто-то
из офицеров группы встречи приказал заняться укладкой

парашютов, и

Галкину пришлось вмешаться, отменить под свою ответственность этот

приказ:

— Всем вниз. Немедленно. Не теряя ни минуты.

Да, поздравлять друг друга с победой можно только внизу. Хотя и было

с чем поздравить. Особенно Леонида Асаенка и Бориса Михеева. Во время

прыжка Леонид попал в стропы парашюта товарища, и оба купола стали гас-

нуть. Казалось, молодых десантников уже ничто не спасет. И вот тут в

отведенные ему судьбой доли секунды Асаенок проявляет редкое

самообладание. Он отцепляется от своего парашюта, камнем летит вниз,

обгоняет в воздухе Бориса Михеева и только тогда, уже у самого склона, рвет

кольцо запасного парашюта. Спасены!

Все-таки и на 6100 ветер был не из слабых, парашютистов разбросало.

Кого-то на склон, а кого и к самому краю полки, обрывающейся в пропасть.

Но все обошлось, если не считать того, что в момент приземления сержант

Виктор Датченко ушиб колено. Словом, капитан Георгий Таинас,

руководивший прыжком тридцати шести, мог быть доволен своими

питомцами. А теперь вступали в силу законы альпинизма. И им следовало

безоговорочно подчиняться.

—Вам что, жить надоело? Почему сели? Подъем! Вниз! Вниз!

Подтянись! Кто там ест снег?

ФЕРГАНА. НАКАНУНЕ

26 июля группа Петриченко должна была сбросить на вершину

грузовую платформу. С одной стороны, репетиция. С другой, баллоны с

кислородом и ферганские фрукты лишними на семи тысячах не будут.

Самолет круто полез вверх, вдавливая людей в ребристые, расположенные

вдоль бортов скамейки. Земля запрокинулась, словно кто-то переворачивал

пластинку, в мгновение ока меняя дымную мозаику Ферганы на студеную

дикость Памира, головокружительную до звона в ушах. Натянули кисло-

родные маски. Теперь о высоте напоминал разве что иней на стеклах

иллюминаторов. Парни переходят с места на место, насколько хватает

шланга, стараясь увидеть как можно больше. Вот он, Заалайский хребет!

Створки люка медленно поползли в стороны, обожгло холодом, ворвавшимся

в громадный, во все самолетное брюхо, проем, зрелищем подрагивающей,

испещренной облачными пятнами бездны, ослепительно ярким и резким, как

автогенное пламя. Парашютисты подтянулись к проему. Они расположились

над самым обрезом, чуть ли не свесив ноги. Самолет покачивает, рамка

проема скользит то вверх, то вниз, а в этой сумрачной раме с темными

силуэтами людских фигурок морскими волнами взлетает и опадает без-

молвный шквал фирновых волн, ледовых сбросов, черных скальных круч,

расчерченных вдоль и поперек мертвенно-белыми полосами снегов.

Немыслимо, что кто-то может по своей воле встать и шагнуть с

восьмикилометровой высоты в этот замерший в предельном напряжении

мир, в котором нет и не может быть места ничему живому.

—Где площадка? — спрашивает кто-то у Томаровича.

Кричать приходится изо всех сил, но Томарович понимает. Он утвердительно тычет пальцем куда-то вниз, но там ничего

нет, кроме
головоломных всплесков льда и скал, начисто исключающих саму мысль о
каких-либо экспериментах с парашютом.
—Нормально. Хорошая площадка!
Вот теперь ее видно. Белое плечо предвершинного гребня, помеченное
оранжевой точкой альпинистской палатки. Рядом два крошечных красных
восклицательных знака — это фигурки альпинистов. Они то ли стоят,
наблюдая за полетом, то ли идут — сверху не разглядеть.
Круг. Еще круг. Еще и еще круг. Гора Раздельная, пик Ленина, перевал
Крыленко. Гора Раздельная, пик Ленина, перевал Крыленко. . Еще заход.
Выпорхнул и унесся вдаль первый пристрелочный парашют. Ну что же,
пора?
Еще пристрелка. Дрогнула и пошла вниз тяжелая платформа. Она

удалялась по направлению к вершине с такой скоростью, словно ею
выстрелили из огромного орудия. Вот мелькнул вытяжной купол. Вот
вспыхнул основной. Но он тотчас опал, стал неразличим на фоне гор, а
темный прямоугольничек платформы с лета ударил в крутой склон ниже
вершинного карниза и словно взорвался, взбив к небу столб снежной пыли.
Что-то случилось. Да, это неудача. Петриченко у переговорного
устройства, о чем-то советуется с экипажем. Разворот, машина снова идет к
вершине.
Хорошо различимо место падения, след небольшой лавинки, вызванной
ударом платформы. Видны даже воронки от разлетевшихся в разные стороны
кислородных баллонов. Груз пропал. Альпинистам туда не подобраться.

Створки люка закрываются, самолет ложится на обратный курс. Все молчат.

Вечером ребята выбираются в город, неподалеку от гостиницы

встречают Томаровича.

—В аптеку ходил, — коротко пояснил Слава, показывая облатку с

анальгином, — вдруг на семи тысячах голова заболит...

«ДЕРЖАТЬ НЕРВИШКИ В РУКАХ»

27 июля 1968 года. Поднялись рано, еще затемно, даже дежурную

пришлось будить, чтобы она выпустила из гостиницы. У знакомой стоянки, у

готового к отлету Ан-12 людно и шумно. То и дело подкатывают машины.

Чуть поодаль в длинную шеренгу строятся участники прыжка на 6100 —

молодые армейские парашютисты.

Встает солнце. Руководитель парашютной части Памирской

комплексной экспедиции А.А. Петриченко вызывает на построение свою

команду. Мастера, заслуженные и почетные мастера международного класса,

неоднократные чемпионы и рекордсмены, воспитанники ДОСААФ, сборной

Союза, они стояли перед Сашей Петриченко и, щурясь от бившего прямо в

глаза солнца, слушали его минутную речь по поводу того, что им предстояло

осуществить.

— Что может быть? При подходе к земле резкий ветер. Ну держать

нервишки в руках. Одеваемся в самолете. Все, кажется?

Щелкают затворы фотоаппаратов, верещат кинокамеры. По трапу

поднимается Томарович, исчезает в проеме люка. В самолете тесно — одних

парашютистов сорок шесть человек. А еще вспомогательная группа, еще

журналисты и кинооператоры со своей техникой — под

завязку! Последние
минуты перед отлетом. Кто сдержанно спокоен, кто весел и оживлен, кто
заметно взволнован предстоящим испытанием. Не находит себе места самый
младший из десятки — Валя Глагольев. По-прежнему улыбчив и невозмутим
Саша Сидоренко. Очень озабочен Слава Томарович. Да и вся пятерка
испытателей очень занята, ведь это их техника будет работать! Они цепляют
карабины вытяжных фалов парашютной системы, присоединяют
кислородное оборудование к бортовой сети, вновь и вновь проверяют
крепления контейнеров, с которыми совершат прыжок молодые
парашютисты, они переживают за каждого куда больше, чем те сами
переживают за себя. Нервничает экипаж. Кто-то рассказывает, что в
окнах квартиры командира корабля Владимира Денисова всю ночь горел
свет. Что ж, может, так и было. Ведь от того, с какой точностью нажмет на
кнопку штурман Дмитрий Розенко, во многом будет зависеть жизнь людей. .
Самолет ушел в небо, а те, кто провожал, поехали в опустевшую
гостиницу. Чем-то занимались. Куда-то ходили. На улицах Ферганы
плавился асфальт, и трудно было представить, что совсем рядом, в тридцати
минутах лету, под ногами альпинистов скрипит снег. Зашли на какой-то
кинофильм. Умышленно долго, не глядя на часы, сидели в чайхане.
Смотрели, как люди пьют чай. Безмятежно смеются. Вокруг ничем не
омраченное, мирное бытие, с которым так трудно увязывается волнение тех,
кто только что проводил в небо товарищей. Потом они возвращаются в
гостиницу. Там все без перемен, о самолете ничего не

известно. Только к

вечеру, когда никто не знал, что и думать, в гостинице появились усталые

кинооператоры и все те, кто находился с парашютистами до самых

последних минут. Итак, выброска десанта на пик Ленина произведена. На

6100 все в порядке, с ними связались, но с самой вершиной связь наладить не

удалось. 7100 молчит. На вершине видны люди, но что там происходит, не

понять. Летали, пока не сожгли горючее, так что вернулись на нуле. Надо

ждать.

Так прошел день, второй, третий. Самые непонятные радиограммы.

Передали, что базовый лагерь просит семь пар чистого мужского белья —

вот и думай.

Но все верили, что все нормально, так надеялись на это!

Неожиданно в гостинице появились Саша Петриченко и Эрик

Севостьянов. Все бросились к ним в номер и видят их, почерневших от

солнечных ожогов, а больше от тяжести, которую они принесли в себе.

— Ребята погибли, — только и сказал Петриченко, — вот...

ПРЫЖОК НА 7100. ПЕТРИЧЕНКО

С 6100 была связь. Там сидел Галкин. Он подтвердил, что выброска

завершилась полным успехом и что теперь его беспокоит только скорейшая

эвакуация в базовый лагерь и, конечно, прыжок на 7100. Тут Галкин предло-

жил отказаться от прыжка. Он сказал, что был на 6800 и там, наверху,

сильный ветер. Петриченко опасений Галкина не поддержал. Возможно, на

6800 и есть сильный ветер, а вот на 7100 появился крест, его хорошо видно, и

у команды нет веских оснований так просто отказаться от

задуманного. Он

подозвал к себе Томаровича, они перекинулись несколькими ˆсловами, и

Томарович утвердительно махнул рукой.

Самолет ушел вниз, в Алайскую долину. Здесь, на пяти тысячах,

парашютисты перешли в гермокабину и переоделись. Настал их черед.

Самолет вновь забрался на восемь тысяч, все заняли свои места. Вспыхнул

сигнальный плафон, раздвинулись створки люка, и они пошли. Бочком один

за другим, как и сидели на ленте десантирующего устройства, с интервалом в

ноль две десятые секунды. Кто обернулся, кто сделал жест, чтобы вот так, с

приветственно поднятой рукой, и остаться в тех немногих кинокадрах,

которые находящимся на борту кинооператорам удалось снять. Прокопов. .

Севостьянов... Юматов... Мекаев... Томарович... Глагольев... Морозов...

Чижик... Сидоренко... Петриченко...

Такая была спокойная уверенность в своих силах, в благополучном

исходе, что Эрик Севостьянов, оказавшись в воздухе, прежде всего вытащил

фотоаппарат и принялся фотографировать Прокопова, который шел чуть

впереди и ниже. Потом этот снимок обошел многие газеты и журналы —

темно-синее небо и желтый купол с темной человеческой фигуркой,

погружающейся в белую кипень рваных облаков и снежных вершин. . Где-то

там, впереди, должна быть площадка. Эрик глянул вниз и неожиданно увидел

площадку прямо под ногами, так что попасть на нее было уже невозможно.

Сильный боковой ветер, раскачивая купол, нес на скалы. . Прямо на скалы.

Теперь вся надежда была на белевшие кое-где снежные

пятачки, но как на
них попасть?
«Уже приготовился к приземлению, — рассказывал в своих заметках
Эрнест Севостьянов, — но вдруг ветер, упираясь в гребень, бросил мой
купол почти под 90 градусов. Едва успел среагировать и вынести ноги
вперед, как налетела земля. Удар. Тут же перевернуло через голову, и я
покатился по склону, а надутый ветром купол тащил поперек гребня.
Пытался отцепить замки и отсоединить купол, но руки бились о камни, снег
залеплял глаза. . Трудно было что-то сообразить. Перед глазами мелькнула
пропасть. В какую-то долю секунды все же удалось отцепить замки. В этот
момент остановился, упершись о последний выступ склона...
Где мои товарищи? Что с ними?»
. .Капитан был тяжелей всех и потому прыгал последним. И едва
вылетел, едва «раскрылся», едва появилась возможность оглядеться вокруг,
сразу понял, что на площадку он не попадет. Первым шел Прокопов, но и тот

мог угадать лишь на самый краешек, впритирку, а всех остальных сносило
еще дальше, за гребень южного склона, на предвершинные скалы. Ребята
пытались тормозить, сбить скорость, еще не видя, что все эти попытки беспо-
лезны. Еще более безнадежным казалось положение у него самого, у
Петриченко.
— Ну, Сан Саныч, на этот раз тебе не выкрутиться, — сказал себе
капитан. Он привык вот так разговаривать с самим собой, когда больше не с
кем разговаривать и когда приходилось туго. А сейчас было именно так.
Было жутковато. Гора надвигалась с такой скоростью, будто

он мчался на

мотоцикле, чтобы столкнуться с ней лоб в лоб.

Петриченко не тормозил. Осталось попытаться превратить ветер из

врага в союзника и перемахнуть через вершину. Правда, по ту сторону нет

альпинистов и, чтобы выйти к ним, придется тащиться через гору, но об этом

ли сейчас думать?

Теперь он ребят не видел, потому что шел к ним спиной. Боковым

зрением заметил, что неподалеку пристроился Сидоренко, еще ближе

оказался Морозов. Скалы проносились так близко, что хотелось поджать

ноги. Еще бы! Ветер до двадцати метров в секунду, откуда он взялся? Нет,

все это ничуть не походило на то прошлогоднее парение над Памирским

фирновым плато, когда впору было петь, дурачиться, до того они были

счастливы, до того были прекрасны, щедры и горы, и солнце, и весь мир, —

все не то!

Едва заметил, что пронесся над пиком. А ведь возвращаться пешком!

Внизу круто обрывающиеся волны снежных карнизов, снежных подушек –

надо приземляться. Лучшего может и не быть. Развернул купол, чтобы

встретить склон ногами, с лета пробил наст. В то же мгновение отстегнул

парашют, тот зашелестел, заструился в пропасть, исчез. Все. Живой!

162

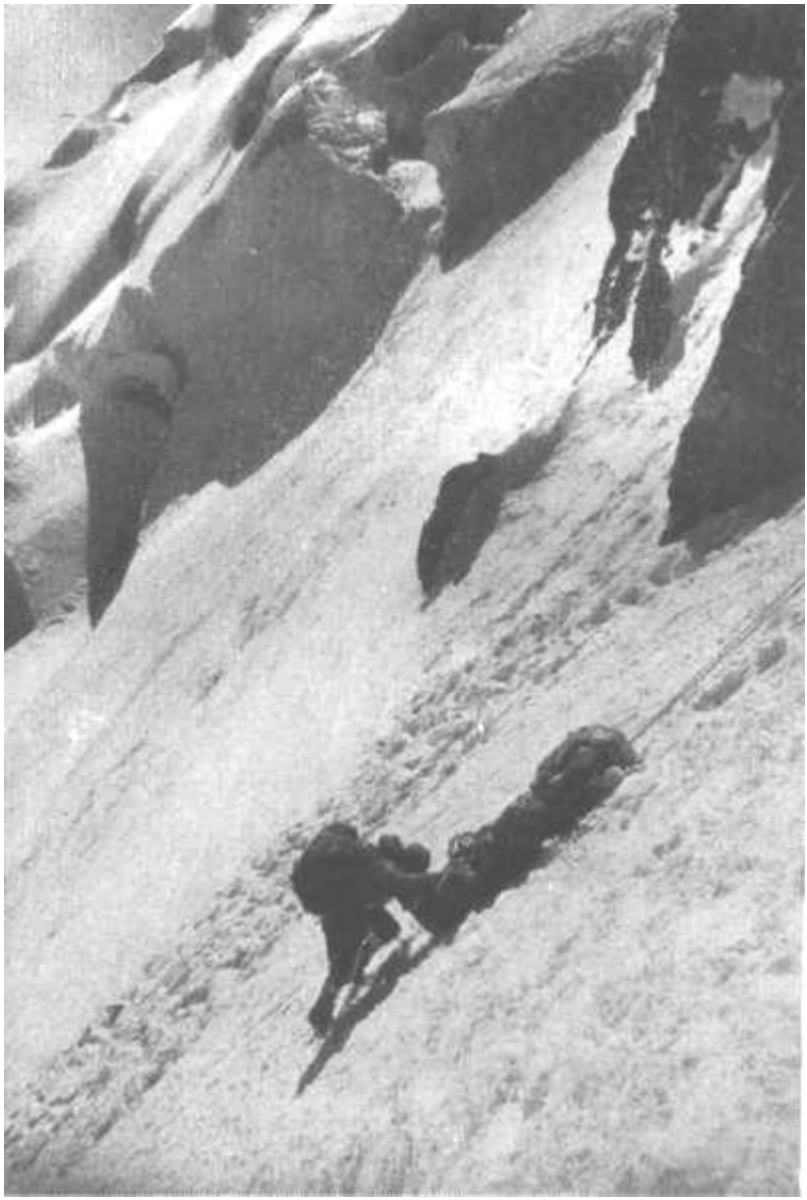
Лагерь на Фортамбеке. Лавина с Трамплинного ледника

Сан Саныч

163

«Мы совершили прыжок на Памир!»

Памирское плато… Однако, можно и одеться!



164

Начальник экспедиции Галкин.
Командир корабля Казанков

Ребро «Буревестника». Спускают Бессонова

165

«Док» Шиндяйкин

166

Прыжок.

167

Большая Саук-Дара. «Спасаловка».

Заалай. На подходах к пику Ленина

168

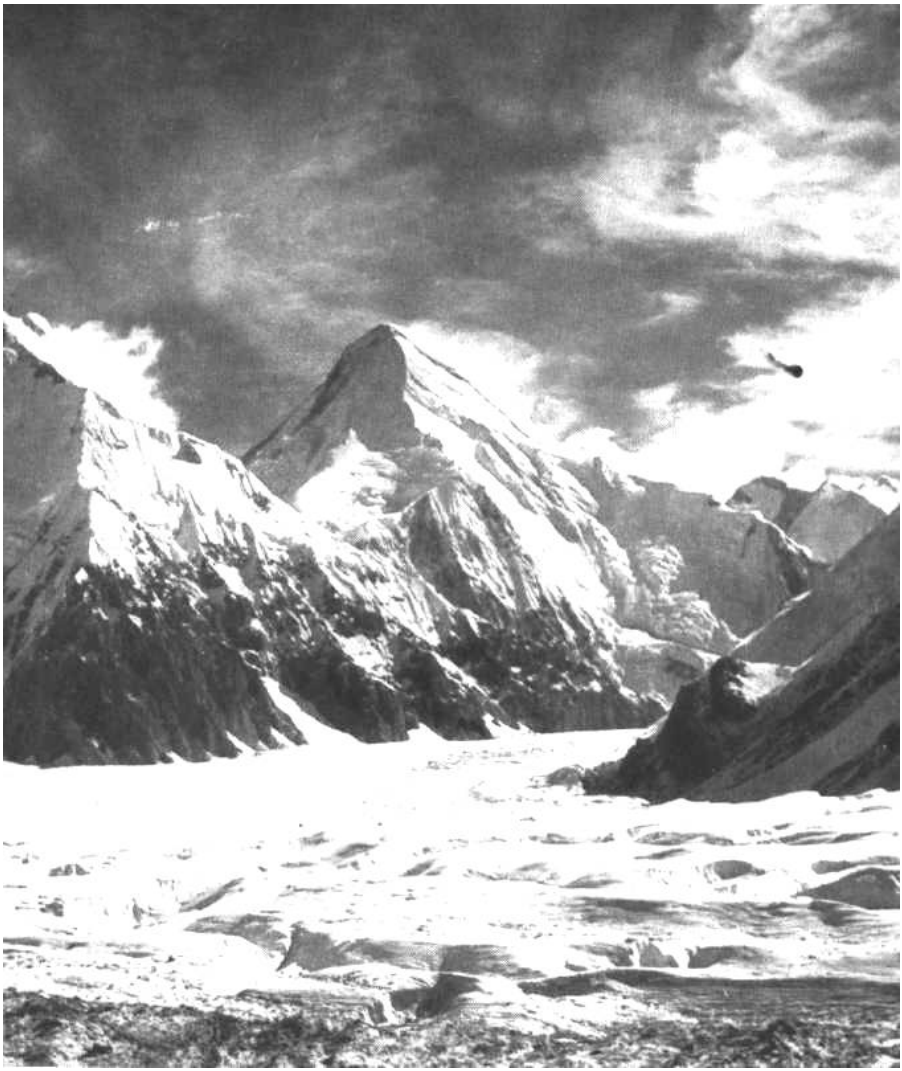
Вот они, все вместе, и Саша Сидоренко с ними!..

169

Снежный купол на 6900. Впереди пик Коммунизма.

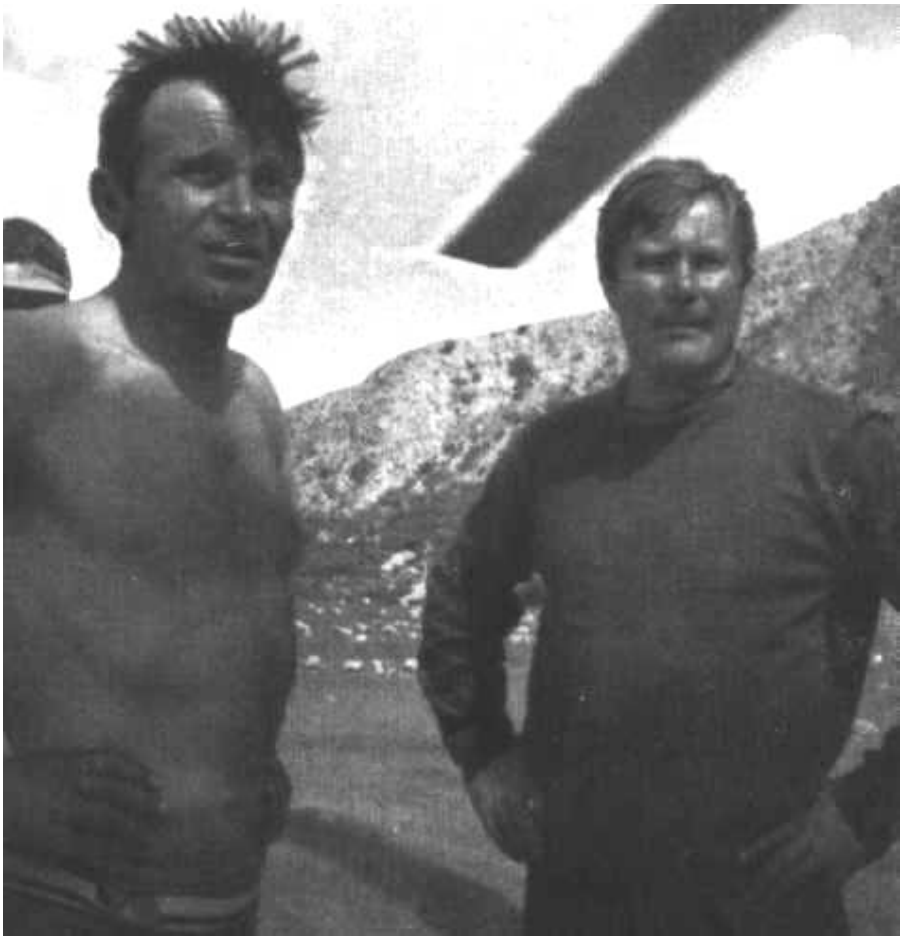
170

Лев Евгеньевич Опуховский.



171

Южный Иныльчек. Пик Хан-Тенгри.



172

Ак-Сай. Пик Свободной Кореи.

Анатолий Овчинников. Игорь цельман

173

Сквозь ледопад.

174

Победа. Северное ребро.

175

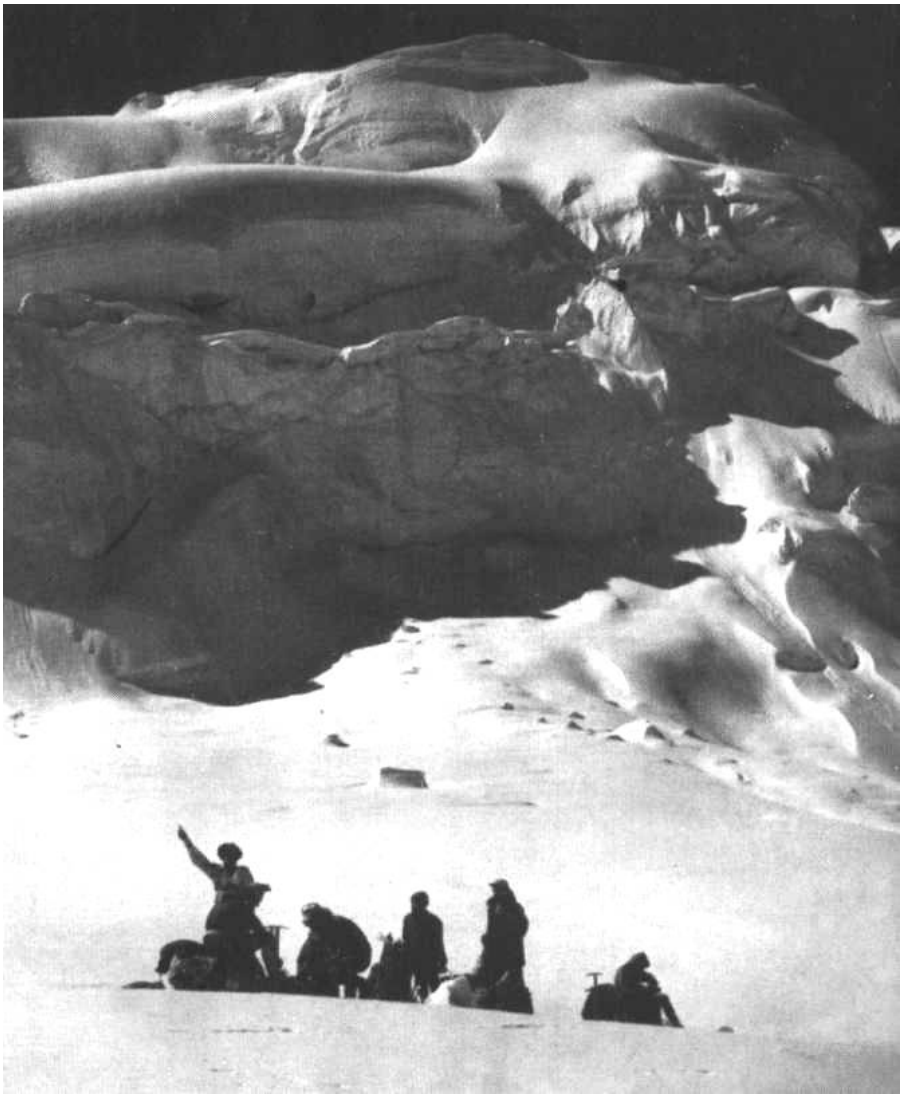
Женя Стрельцов. Володя Кочетов.

Лагерь на 7200. Завтра штурм

176

Последние метры.

Вершина! Содрать лед с ресниц да оглядеться!



177

До будущей горы!

178

Снял запасной парашют. Рассчитанный только на продолжительность прыжка запас кислорода подходил к концу, и надо было попробовать спуститься к контейнеру. Контейнер врубился в склон метрах в тридцати-сорока, не больше. В контейнере жизнь. Там ледоруб, рюкзак

и, главное,

двадцатикилограммовый баллон с кислородом, которого хватит на восемь

часов. Но как они тяжелы, эти тридцать метров! Он одолел их лишь с

несколькими привалами. А когда дополз до фала и подтянул контейнер к

себе, обнаружил, что без ножа открыть его не сможет. А нож в запасном

парашюте. Пришлось идти за ножом. И снова к контейнеру, превозмогая и

слабость, и шум в ушах, и апатию — ни о чем не думалось. Только и отпе-

чаталось в сознании — ракета! Кто-то садил в небо ракеты. Одну за другой.

Потом догадался — Сидоренко. Значит, судя по всему, тезка цел. Что с

другими?

Добравшись до кислорода, Петриченко почувствовал себя готовым к

действию. Пристроил баллон в рюкзак, Двинулся к вершине. Еще раз

подумал об альпинистах. Как они тут ходят? Без кислорода? Чем живы?

Казалось, он и двухсот метров не пролетел за гребень, все длилось считанные

секунды, а вот теперь, чтобы выбраться наверх, ему понадобится несколько

часов. Разболелась нога. Наверное, он все-таки повредил ее при

приземлении. Хорошо еще, что есть ледоруб, можно опираться.. Как у

Сидоренко? Все ли ладно? Где Морозов? Он ведь летел совсем рядом? Где

альпинисты? Почему его никто не встречает? Его же видят, вон они, ребята!

Они ходят чуть ниже вершины среди присыпанных снежком скалистых

гряд... Что они там делают?

Наконец кто-то направился к нему. Это Божуков и Петрук. Саша сказал,

что там, откуда он пришел, на юго-восточном склоне были видны ракеты. Не

Сидоренко ли? Божуков и Петрук тотчас же начали

спускаться на юго-
восток. Но теперь Петриченко был не один. Его сопровождали Сулоев и
Захаров.
Пошли к вершине. Через нее надо было перевалить. Как ликовали год

назад, почувствовав под ногами хрустящую твердь фирнового плато, с каким
упоением переживали свою победу! Теперь только подумал: «Вот это и есть
вершина?» И пошел дальше. Ветер бил в лицо, маска обмерзла, и дышать
было трудно. Еще трудней было сжиться с тем, что произошло.
В час ночи спустились к палаткам на 6800. Саше ночной отдых сил не
прибавил, наоборот, с каждым часом он чувствовал все большую слабость.
Поэтому утром вышли рано, стараясь как можно быстрей сбросить высоту.
Сулоев на лыжах унесся вниз — известить о случившемся, и теперь, помимо
Жени Захарова, Сашу сопровождали Леша Вододохов и Миша Ахметшин.
Петриченко шел сам. Как в забытьи, но сам. Лишь внизу, когда до
вертолетной площадки осталось всего лишь несколько часов обычной
ходьбы, лишь тогда он дал волю своей слабости, повис на плечах
спасателей. . Это была разрядка.

МУЖЕСТВО И ОТВАГА

Нет, такого исхода никто из них не ожидал. В мыслях не было. Для
испытателей парашютов риск одно из непременных, естественных, что ли,
условий работы, и каждый из них так или иначе «ломался», отлежал свое в
госпитале. В больничной палате принимал Саша Петриченко поздравления

по случаю установления им абсолютного мирового рекорда — ночного

прыжка с высоты полутора десятка километров. Он прыгнул и попал в грозу.

И его нашли только утром. . Да, конечно, они всегда знают, на что идут. И

все же при всей опытности никак не представляли, что цена может оказаться

такой высокой.

Как же все-таки это произошло? Как ответить на этот вопрос самому

себе, родным погибших, всем тем, кто неизбежно вновь и вновь будет

возвращаться мыслью к событиям на отметке «7100»? «Приземление вне

площадки произошло в результате резкого и непредвиденного усиления

ветра и перемены его направления», — гласило официальное сообщение. В

тот час, в одно и то же время на разных высотах, на разных участках

предвершинного гребня альпинисты отмечали и мирное затишье и

сильнейшие ветры. Наверное, с опытом пришло бы умение действовать

наверняка и в таких сложных условиях. Но в том-то и дело, что на 7100 еще

никто никогда не прыгал, они первые!

Наверное, проще было бы производить выброску с вертолета. Но тогда

альпинисты еще не осмеливались работать с ними на больших высотах, этот

опыт придет в последующих экспедициях. А кто, например, мог

предполагать, что рация, нормально работавшая в базовом лагере, замолчит

наверху, лишив в самый важный момент надежной связи! Аккумуляторы

рации отказались работать на 7100. Люди отказаться не захотели. Самое

спокойное время в горах — первая половина дня. Но она была отдана

молодым парашютистам, а перенести прыжок еще на день — значило
отказаться от него совсем! Все десять были единодушны — прыгать. Тем
более что их незримо, но все-таки, наверное, подстегивал и успех
прошлогоднего прыжка, и победа 36. Как же они могли вернуться после
этого с «пустыми руками»?
Да и все ли решают шквальные ветры и скалы? Так ли беспомощен
человек перед лицом стихии, даже очутившись в таком отчаянно-
безнадежном положении? Прыжок дал свой ответ на этот извечный для
человека вопрос. И ответ при всей трагичности случившегося не оставляет
без надежды того, кто окажется когда-либо в сходной ситуации. Десять
человек покинули самолет на высоте восьми тысяч метров. Полторы минуты
отвела им судьба на единоборство с ветром, и шансы у каждого были в
общем-то равны. Но один приземлился почти в пределах площадки. Трое
смогли перетянуть за вершину. Шестеро попали прямо на скалы. Три
армейских спортсмена. Три испытателя. Армейцы были очень сильными
парашютистами. И все же, наверное, у них не хватило умения действовать в
аварийной обстановке, каким владели испытатели: опытнейший Эрнест
Севостьянов и невозмутимый, умеющий сохранять спокойствие в самых

сложных переплетах Владимир Чижик. Профессия! Ведь в чем главное
отличие испытателя от спортсмена? Да прежде всего в том, что всяческие не-
предвиденные обстоятельства для испытателя — это прежде всего обычная
рабочая обстановка! И для него важно не просто найти выход

в сложнейшей

ситуации, ему нужно выяснить, что именно произошло, а потом уж думать о

себе. Но и это последнее тоже нужно успеть сделать. Иначе кто же расскажет

на земле, что случилось в воздухе?

— Держать нервишки в руках, — предупреждал перед вылетом Саша

Петриченко. В небе над Памиром помочь товарищам каким-либо советом он

уже не мог.

Трое армейцев, опустившиеся на скалы, погибли. Их опрокинул

парашют, от которого они не успели освободиться и который превратился в

смертельного врага. Кто сумел избавиться от парашютов в самое первое

мгновение или даже еще до встречи с землей, еще в воздухе, за несколько

метров, до склона, тот остался жив. Вот как точно приходилось

контролировать всю обстановку, самого себя.

Из испытателей судьбу армейцев разделил только Вячеслав Томарович.

Он был прекрасным испытателем, но в прыжках своим товарищам уступал,

поскольку главным для него все же была конструкторская работа. И еще он

был старше всех. И это тоже имело значение. А в этот день он был еще и

выпускающим для прыгавших на 6100. И той нервной энергии, которую он

отдал для успеха молодых спортсменов, возможно, на какую-то долю

секунды не хватило ему самому.

Наверное, в организации эксперимента на 7100 можно обнаружить и

невольные просчеты, и какие-то преждевременные решения. Быть может,

такие же, как преждевременным было решение Икара взлететь к солнцу.

Самое разумное, что мог бы сделать Икар, это отказаться от полета. Но тогда

бы не было Икара.

Ровно через год, 7 июля 1969 года, в газетах был опубликован Указ

Президиума Верховного Совета СССР, который и подвел окончательную

черту под всеми теми разговорами, в которых подвиг парашютистов

изображался подчас никому не нужной затеей. «За мужество и отвагу,

проявленные при проведении экспериментальных прыжков с парашютом в

сложных условиях, наградить. .» Почетнейшей солдатской наградой —

медалью «За отвагу» были награждены все тридцать шесть участников

прыжка на 6100, в том числе и капитан Георгий Таинас. Были награждены

парашютисты-испытатели Александр Петриченко, Владимир Прокопов,

Эрнест Севостьянов, Владимир Чижик, лейтенант Александр Сидоренко.

Посмертно награждены старший сержант Валерий Глагольев, старшина

Владимир Мекаев, рядовой Юрий Юматов, парашютист-испытатель

Вячеслав Томарович. Награждены медалью и альпинисты: руководитель

экспедиции Виктор Галкин, начальник спасательного отряда Валентин

Божуков, участники спасательных работ Лев Добровольский, Юрий

Колокольников, Аркадий Маликов, Валерий Путрин, Николай Черный, врач

Алексей Шиндяйкин, командир вертолета Алексей Иванович Панферов и. .

посмертно альпинист Валентин Сулоев. Но о нем особый рассказ. Работа же

спасательного отряда Валентина Божукова явилась прямым продолжением

подвига на 7100, и теперь остается лишь вернуться к тем минутам, когда

десять куполов с пугающей быстротой скользнули за гребень южного склона.

ПЛОЩАДКА 7100. СИДОРЕНКО

Лев Добровольский стоял в центре площадки с кинокамерой в руках.

Еще во Фрунзе его уговорили снять для «Киргизфильма» приземление на

7100, и Леве стоило немалого труда затащить увесистую «каэску» на главную

вершину Заалайского хребта. Он было изготовился к съемке, глянул в

видоискатель, но десант ушел за пределы видимости, и сразу стало не до

кино. Возвращаться к палаткам было некогда, и Лева положил камеру прямо

в снег. Но и при такой спешке они подошли к месту приземления лишь через

сорок минут.

183

Коля Черный в момент выброски сидел на кресте. Иначе легкую ткань

снесло бы поднявшимся к полудню ветром. Как ни готовились альпинисты к

возможным сюрпризам, однако такой поворот дела застал их в какой-то

степени врасплох.

Конечно, все были уверены в том, что вскоре вернутся к палаткам, и

потому спешили к месту приземления почти налегке, взяв только самое

необходимое. Да и как в ту минуту было думать о каких-то спальных мешках

или о запасе бензина для примуса?

Коля Черный нашел Эрика Севостьянова на самой кромке скального

обрыва; его контейнер свисал в пропасть. Коля закрепил фал, спустился по

фалу к контейнеру, но извлечь из контейнера смог только пуховые брюки,

кислородный баллон вытащить не удалось. Эрик страшно мерз. Пуховка

продралась о скалы, весь пух выпотрошило ветром. Совсем окоченели руки.

Коля отдал Эрику пуховые рукавицы, повел к площадке. Тут подошли Егор
Кусов, Гена Курочкин, у площадки встретили Прокопова и Чижика. Ребята
приземлились благополучно, разве что Чижика немного «попотрошило» о
скалы, и теперь он тоже страдал от холода. С кислородом у них было все в
порядке, и они по очереди стали давать Эрику загубник маски. Черный
«нанизал» парашютистов на одну веревку, передал Кусову и Курочкину.
Ребята тотчас начали спуск к палаткам. Сам задержался. Надо было идти за
гребень южного склона, на восток. Оттуда взлетали сигнальные ракеты, и
там мог быть только терпящий бедствие парашютист.
Им оказался Саша Сидоренко. Собственно, беды с ним особенной не
случилось, если не считать того, что его унесло дальше всех, и, очутившись
наедине с горой, он просто не знал, как себя вести. Впрочем, инструкция на
этот счет была предельно ясной: «Не рыпаться», сидеть на месте, пускать
ракеты. Этим Саша и занялся, тем более что карнизный гребень, к которому
ему удалось прилепиться, к прогулкам в одиночестве не располагал. При
ударе о снег контейнер вырыл довольно вместительную яму, и Саша,
немного расширив ее, смог надежно укрыться от ветра. Тут он залез в

спальный мешок, закутался в пуховку. Теперь можно было ждать. Альпини-
сты найдут его, Саша не сомневался.
Они набрели на него уже в сумерках. Это были Божуков и Петрук. На
фирновых полях только что отгорел закатный румянец. Мороз начал хватать
сквозь пуховку. Но деваться некуда, все выходило таким образом, что «хо-

лодной ночевки» никак не избежать. «Схватить холодную» не очень приятно

и на четырех тысячах. На пяти делать этого не рекомендуется вовсе, не

говоря уже о шести тысячах, а тем более о семи, как получалось у них.

Расширили пещерку, закопались в снег. Счастье, что хоть у Сидоренко есть

мешок, хотя и в мешке, по всей видимости, жарко не будет. Какое сегодня

число? Неужели все еще 27-е?

КАК БЫТЬ С МОРОЗОВЫМ!

Первым, кого увидел Леша Шиндяйкин, перевалив за гребень южного

склона, был Слава Томарович. Он лежал лицом вверх, на снегу чернели

пятна крови. Ребята уже ушли дальше, надежд не было, но «док» опустился

на колени перед телом товарища. Егор Кусов, добравшийся к Томаровичу

раньше всех, пытался делать искусственное дыхание, непрямой массаж

сердца, давал кислород — все тщетно. Но как в это поверить?

«Док» поднялся, окинул взглядом площадку. Погасший купол

парашюта. Разбитый контейнер. Леша подобрал шоколад, колбасу, сунул их

в клапан анарак. Взвалил рюкзак, пошел на голоса. . Следы приводят к

Юматову, Мекаеву, Глагольеву. Но... никаких признаков жизни.

Беда нарастала как обвал. Теперь кричали откуда-то снизу. Стоять было

некогда. «Док» натянул капюшон, пошел на крик. Звали к Морозову.

Симптомы сотрясения мозга, боль в голени, вероятно, перелом. Пока

подполковник лежал без сознания, обморозил лицо, руки. Но главное, жив.

Теперь ему нужно только помочь. Быстро холодало, новокаин в ампулах

замерз, но это дело привычное, отогрел во рту. Противошоковые

мероприятия. Шина. Бинты. Тепло. Потеплей укутать пострадавшую ногу,

ведь она неподвижна. Но чем? Во что еще можно одеть Морозова?

Ребята поставили палатку. Палатка одна на весь спас-отряд..

Возвращаться к лагерю на 7100? Нет ни сил, ни времени, да и как быть с

Морозовым? Они находятся метрах в двухстах ниже вершины, они просто

физически не смогут вытащить его через верх, значит, вниз? Но этот путь

выведет в верховья Большой Саук-Дары, где еще не было ни одного

альпиниста. Как решиться на неизведанный маршрут с беспомощным

человеком на руках?

БОЛЬШАЯ САУК-ДАРА

Ночь вытерпели с трудом. Поначалу, сломленные усталостью и

пережитым, все уснули, но под утро, когда пуховки начали примерзать к

днищу палатки, спать стало невмоготу. Двое провели ночь и вовсе за

палаткой, завернувшись в парашют. Словом, все ждали рассвета с таким

нетерпением, перед которым меркли все возможные трудности неизвестного

спуска. Только бы за работу!

Утром к палатке подошли Божуков, Петрук, Саша Сидоренко. Еще раз

обсудили положение. Одна палатка, спальные мешки не у всех. Один примус.

Очень ограниченное количество бензина и продуктов. И еще одно обстоя-

тельство — никто внизу не знает, куда они делись. Конечно, будут искать,

разыщут, но и на это нужно время! Трудно решиться на спуск в Большую

Саук-Дару. Ведь любая задержка отразится на состоянии транспортируемых.

Но склон как будто просматривается вплоть до ледника. Да и нет другого
выхода.

Используя кусок поролона, спальные мешки, упаковали Морозова в
«кокон». Теперь вниз. Сразу же убедились в том, что маршрут «не подарок».

Обширные снежные поля. Лавиноопасное состояние снега. А под этим
снегом трещины. Надо идти след в след, а как это сделать, если все впряглись

в «кокон», да и Саше Сидоренко тоже нужна помощь?

С работой пришла жажда. Это может показаться нелепицей, парадоксом,
ведь вокруг снег и лед, не пустыня же! Пустыня. Хуже пустыни, оттого что
есть искушение набить снегом рот, отломить сосульку. Но кусок льда за
щекой — это верная ангина. А им только этого и не хватает, чтобы кто-
нибудь заболел. Страшно хочется пить. Человек нигде так не высыхает, как
на высоте. А бензина в примусе столько, что снег можно топить только для
больного. Ну и, конечно, для Саши Сидоренко.

Над вершиной появился самолет. Он долго летал над пиком, над
склонами, потом улетел.

Увидели их? Не увидели? Трудно надеяться; что можно разглядеть
среди скал и трещин с такой высоты? Да и кто знает, где следует их искать?

К вечеру спустились почти к леднику, заночевали на 6000.

Беспрестанные мысли о воде доводили чуть ли не до галлюцинаций.

Мерещился ферганский киоск «Соки — воды», и «док» Шиндяйкин дал себе
слово, что если они выберутся отсюда, с Большой Саук-Дары, то он обяза-
тельно приедет в Фергану, придет в этот киоск и будет пить, пить, пить, пока
не зальет жажду, если это вообще выполнимо... И снова будет

пить!

Божуков в том, что они выберутся с Большой Саук-Дары, ничуть не

сомневался. Дело времени, вот и все. И. . труда. Он вел группу с обычной для

него твердостью, уверенностью в своих силах, не давал раскисать. А когда

утром 29 июля появился вертолет и сбросил контейнер, тут повеселел даже

Морозов, которому было трудно от одного только сознания своей

беспомощности, не говоря уж ни о чем другом.

К контейнеру пошли Добровольский и Путрин. Груз приземлился чуть

поодаль, и на эти 200 метров ушло три часа. Какое разочарование! Ни одной

банки сока. Ни единого литра бензина. Сухари! В том состоянии, в котором

находились люди, сухари были так же несъедобны, как камни морен. Был

хлеб, сахар, тушенка, была крупа, была соль, но все это не имело почти

никакой цены. Не было воды!

Решили воспользоваться остатками контейнера, собрали все, что могло

гореть. Раздули огонь. Поставили кастрюльку. Это дало по глотку горькой,

пахнущей паленым тряпьем снеговой жижи. К немалому изумлению, в

посылке обнаружили семь пар новенького мужского белья, надобность в

котором как будто еще не наступила. Тем не менее решили воспользоваться.

Натянули прямо поверх одежды, оказалось, удобно. Днем не так жарко, все-

таки белый цвет. Ночью — не так холодно, белье-то теплое. Но вид, вид!

Впрочем, было не до острот.

Они уткнулись в ледопад. Это была та ловушка, которой Божуков так

опасался с самого начала спуска. Вернуться назад, пересечь ледник,

попробовать пройти вдоль другого борта — на это нет сил. Перейти с
ледника на склон? Но дорогу преграждала семидесятиметровая стена, а им
только сейчас и заниматься преодолением стен! Ситуация была «аховой».

Сидели, молчали, и тут показалось, что неподалеку журчит вода.

Прислушались — точно, вода! Где-то внизу, в лабиринте ледовых сбросов и
трещин, шумел ручей. Двое связались, собрали всю имевшуюся посуду,
пошли вниз. Остальные во главе с Божуковым начали обработку стены.

Настырность, воля Божукова делали свое дело. Уступила стена. Появилась
вода. Много принести было не в чем, но все же попили, даже одну фляжку на
утро оставили, на завтрак. На «завтрак» оставили и транспортировку
Морозова по стене. Все-таки это лучше делать со свежими силами, какими
бы они ни были.

Утро 30 июля началось с огорчения. Фляжка с водой лежала в палатке, в
головах и все же за ночь замерзла. Так, без завтрака начали поднимать
Морозова. Когда «кокон» оторвался ото льда и медленно поплыл вверх, удер-
живаемый над пропастью всего лишь паутинкой веревки, «док» Шиндяйкин
отвернулся, так жутковато было глядеть на этот отнюдь не цирковой трюк.

Выбрались. Обошли ледопад. Ледник стал положе, но сил от этого не
прибавилось — ребята выдохлись вконец. Десять шагов, и остановка. Десять
шагов, и они валятся в снег. Морозов был даже рад этим все учащающимся

привалам, потому что ему тоже нужно было перевести дух. Он плохо себя
чувствовал. И он устал. От бесконечной тряски и толчков. От

боли в ноге. От

напряженного ожидания того, что кто-то оступится, упадет, а он, Морозов,

ничего не сможет предпринять. Его тащат волоком. Несут на руках. Там, где

может пройти лишь один альпинист, один альпинист и тащит,

подстрахованный со всех сторон веревочными оттяжками. Сидеть на плечах

своего товарища, которого качает из стороны в сторону над хрупкими

снежными мостиками, над скользкими ледовыми гребнями, над черными

провалами трещин, в которые долго, со звоном летят осыпающиеся сосульки,

Морозов уже не может. Он предлагает оставить его на леднике, чтобы затем

вернуться с подмогой. Оставить — значит бросить, отвечают ребята.

Вновь появился вертолет. Конечно, этого ждали, но, когда послышалось

знакомое, самое-самое желанное тарахтенье Ми-4, это было похоже на чудо.

Все ожили, замахали руками. Если б он смог сесть! Если б он смог забрать

хотя бы Морозова! Хотя бы сбросили бензин! Ребята принялись вытаптывать

в снегу большущие буквы — БЕНЗИН! Прочтут сверху? Догадаются?

Из кабины выпорхнул вымпел. В нем записка. Сесть не могут, группе

придется идти до вертолетной площадки, расположенной ниже по Саук-Даре.

Но помощь близка, держитесь! И главное: если Сидоренко погиб и оставлен

на вершине, разойдитесь и ложитесь на снег. Если Сидоренко не обнаружен,

встаньте в круг. Если Сидоренко с вами, встаньте в одну линейку...

Никто из них никогда в жизни не выполнял с таким волнением и

готовностью эту простую команду. Вот они в одной шеренге. Все в порядке,

и Саша Сидоренко с ними. Вертолет улетел, перед ними был все тот же

ледник Большая Саук-Дара, все та же упряжь с больным товарищем, в

которую вновь надо впрягаться. Но теперь о них знали.

На четвертый день они вышли к воде. Это был полноводный ручей, он с

плеском катил прямо у самых ног. Воду можно было зачерпнуть ладонью.

Кружкой. Кастрюлей. Можно было лечь прямо на лед и с матовой полу-

прозрачной кромки пить и пить эту воду, от которой ломило зубы. Так нельзя

пить. И уж конечно, врач экспедиции должен был бы не допустить это

варварство, в конце концов запретить даже! Как они пили!

Как он пил сам!

До бульканья в животе. До умопомрачения. Оторвутся от воды, отойдут от

ручья, и снова назад, к воде, как будто она вновь может исчезнуть, и теперь

уж навсегда.

В лагерь Ачик-Таш их доставили вертолетом. Когда Шиндяйкин вылез

из кабины, ребята-армейцы долго не могли признать в нем того доктора,

который сносил их на вратарской площадке в борьбе за мяч. Что

удивительного, если человек потерял в весе 10 килограммов? А ведь его не

мучила проблема избыточного веса, ни грамма лишнего. .

Не это главное. Главное в том, что сил хватило на все и что никто не

разочаровался ни в себе, ни в своем товарище. Хорошо, что они снова в

Ачик-Таше. Хорошо, что здесь есть зеленая травка и ее можно потрогать

рукой. Хорошо, что они улетят на отдых в Фергану, где обязательно навестят

киоск «Соки — воды» и уж там-то душу отведут, можно не сомневаться!

С лица сходят бурые клочья обожженной кожи. Медленно подживают

полопавшиеся губы, говорить и улыбаться теперь не так больно.

Экспедиция продолжается.

ПИК КОММУНИЗМА

Улетая, Чижик подарил Балинскому свои пуховые брюки: на память.

Сдружились они за прожитые вместе дни, а теперь неизвестно, когда

увидятся: у одного в небо тропинка протоптана, у другого — в горы...

Высотные костюмы шились для парашютистов по специальному заказу, и

шелк был для них покрепче, и пух погуще, так что подарок Балинский

получил царский. После трагедии на 7100 мечтать о прыжках

на Памирское
плато не приходилось, но альпинистская часть программы, включая сюда и
отдых в Фергане, осталась без изменения. Надо было только дождаться
Галкина, вылетевшего в Москву в связи с событиями на пике Ленина.

190

В первый же день отдыха неприятный разговор с Валей Сулоевым.
Валентин сказал, что весь «пух» является экспедиционным имуществом, и
он, Сулоев, будучи ответственным за снаряжение, не позволит разбазаривать
его направо-налево, кому попало. Слова эти Толю задели, он вспылил.
— Ну что ж, — стараясь быть спокойным, сказал Сулоев, — можешь не
ехать в Дараут-Курган. В вертолет ты не сядешь. Во всяком случае, до
возвращения Галкина...
Толя уехал в Дараут-Курган. И несколько дней промаялся у взлетной
площадки, глядя, как садится и взлетает вертолет, как группа за группой
покидает пыльную, плоскую, чертовски надоевшую долину Чон-Алая.
Улетел Кочетов. Улетел Стрельцов. Они всячески выражали свое сочувствие,
свою надежду, что там, на Фортамбеке, все-таки встретятся и будут вместе.
Надежд на такой исход у самого Толи было мало. Слабовато сходил на
пик Ленина. Не смог принять участия в спасательных работах. Вдобавок
получил несколько сердитых замечаний от Галкина по поводу «выражений»,
а это было и вовсе ни к чему. Словом, встречи с Тимофеичем он и ждал и
опасался, тем более что неприятностей Галкину хватало и без какого-то там
Балинского, своих забот по горло!
Прилетел Галкин. Слушал нетерпеливо, хотя Толя и не

собирался
пускаться в длительные объяснения.
— Лезь в вертолет. «Пух» вернешь. Бог с ним, Толя, с «пухом», чтоб
разговоров не было...
За три дня поднялся на плато. По всему ребру «Буревестника» были
навешены перила — память о прошлогоднем десанте. Перила, казалось, были
оставлены только вчера, и ими можно было пользоваться, хотя и с оглядкой.
Толя шел хорошо, чувствуя силу, испытывая спокойную уверенность в том,
что давняя мечта выкурить с товарищами по сигарете на высочайшей
вершине страны наконец-таки близка к осуществлению. На плато обнялись с
Кочетовым и Стрельцовым, с Толей Тустукбаевым. Ребята провели на 6100
уже два дня, встречали грузы, сброшенные с вертолета Панферова, и теперь

рвались на восхождение — сколько можно сидеть! Договорились с
Галкиным, что пойдут вместе. Лишь Толе Тустукбаеву было приказано идти
в связке с «доком» Шиндяйкиным, что само по себе было чревато самыми
неожиданными ситуациями.
18 августа двинулись к вершине. Вверх вел могучий снежный гребень с
удобными для ночевок увалами, и только предупреждающее потрескивание
наста напоминало о том, что надо быть настороже, что каждый шаг должен
быть и обдуман и точен. Ночь на двадцатое переспали на заметном и снизу
предплечье вершины — снежном куполе 6900. Так надежно все себя
чувствовали, так уверенно набирали высоту, что двадцатого рюкзаки и
палатку решили с собой не брать. Пятьсот метров по вертикали! Нет,

маршрут был не настолько сложен, чтобы не успеть сделать эту работу за
день. Они успеют.
Успели. Острое лезвие вершинного гребня тускло отливало льдом,
отполированным вьюгами до глянца. Видимость была неважной, на веревку,
не больше, и оттого казалось, что этот ледовый нож вонзен прямо в небо. По
самому лезвию идти не рискнули, шли чуть правее и ниже, где лед сменялся
фирном и где торчала гряда скал. Передние связки скрылись в тумане, тем
неожиданней было наткнуться на них, вдруг обнаружив, что дальше идти
некуда — вершина! Кошки заскрежетали по вытаявшей из льда каменной
дресве. Стрельцов, едва переведя дух, застучал айсбайлем, отбивая плитки
темно-зеленого сланца с золотистыми кубиками пирита. Да, это тот самый
сланец с пиритом, самый обыкновенный, самый знаменитый и дорогой; в тех
домах, где он есть, его не отдадут за самые настоящие драгоценности, да
никто и не осмелится попросить. . За этим камнем нужно идти самому.
Только тогда появится в нем смысл...
Оставлены на вершине записки и вымпелы. Оставлена титановая
капсула с посланием молодежи будущего. На спуске осторожничали, очень
уж не хотелось, чтобы столь радостный день, один, можно сказать, из
счастливейших дней жизни, был бы омрачен какой-нибудь нелепицей. Надо

просто внимательно все делать, очень внимательно! Сумерки сгущались,
вскоре стало темно, но скалы кончились, вершинная стена и острый гребень
остались позади, они ступили на перемычку, на снежный купол, а тут и вовсе

можно свободно ходить, лишь бы не проскочить мимо палатки. Вот и
палатка. Приехали! Они шумно полезли в палатку, а там лежал Валентин
Сулоев. Больной.

«ДОК», ИМЕЙ СОВЕСТЬ!

В те дни над Памирским плато работало сразу несколько групп. Одна
из них должна была взойти на безымянную вершину 6700, которую
намечалось назвать пиком 50-летия ВЛКСМ, группы Виктора Максимова
и Виктора Галкина шли на пик Коммунизма, и, наконец, основная команда
экспедиции, куда входили и Кирилл Кузьмин, и Валентин Божуков, и
Валентин Сулоев, должна была совершить заявленный на первенство СССР
траверс пиков Коммунизма и Корженевской — маршрут громадный,
длительный и заведомо «золотой». Словом, народу было наверху много, и
«док» Шиндяйкин думал об этом не без тревоги вообще и по причине личной
заинтересованности в особенности.

«Док» Шиндяйкин шел на пик Коммунизма. Шел как участник, как
счастливчик, которому была подарена возможность побывать на втором
семитысячнике за лето. Он выпросил-таки для себя это разрешение и теперь
мечтал только об одном — лишь бы никто нигде не заболел. Он боялся этого
больше самой вершины, ее высоты и снегов, ее стен и непогоды — лишь бы
только он никому не понадобился, ну хотя бы в эти два-три дня!

Они приближались к 6300, когда со склонов пика 50-летия ВЛКСМ
донеслись приглушенные расстоянием настойчивые крики. Остановились.
Прислушались. Шиндяйкин чертыхнулся и от огорчения сел в

снег. Врача!

Звали врача! Нет, он так и знал, что ему не дадут дойти до вершины! Так и

знал!

193

«Док» был еще больше раздосадован и угнетен, когда выяснилось, что

если он и может кого-то упрекнуть за прерванное восхождение, то прежде

всего самого себя. Ведь это он, Шиндяйкин, выпустил Шалатуркина на

маршрут, именно он сам! А ведь знал, что парень весной перенес воспаление

легких. И все-таки выпустил. Почему?

Ребята вынудили. Очень им не хватало в группе одного человека,

Шалатуркин упросил. . Подумаешь, когда это было, сейчас-то он здоров! И

потом, это ведь не семиты-сячник, это всего лишь 6700, «док», имей совесть!

Сопровождать врача пришлось Толе Тустукбаеву. И перед ним тоже

Шиндяйкин был повинен — такой вершины человека лишил ни за что ни про

что. . Спустились на плато, Пересекли его из края в край. Пошли на гребень

пика 50-летия ВЛКСМ.

— Док, Шалый закипает, — сказали ребята, когда Шиндяйкин и

Тустукбаев подошли к бедствующей группе. Что и говорить, подошли

вовремя. Отек легких. Сердечно-легочная недостаточность. Нет, надо

зарубить себе раз и навсегда: человек, перенесший воспаление легких, на

высотное восхождение не идет, его кандидатура отметается безжалостно, без

всяких разговоров!

Очень сложная «спасаловка». Иногда состояние Шалатуркина казалось

почти безнадежным. Особенно ночью. Такие больные тяжело переносят

горизонтальное положение, и «док» на ночь усаживался с ним

рядом спина к
спине. Неудержимо клонило в сон, Шиндяйкин то и дело валился на бок и
тотчас просыпался от хрипа — это «закипал Шалый». А ребята и вовсе не
могли дежурить, настолько выматывались за день — тащить-то больного
приходилось на себе! Нет, хватит, теперь Шиндяйкин учен, никаких
поблажек, никаких «будь человеком»! Нельзя быть добреньким,
покладистым, своим в доску, теперь он будет педантом и сухарем, буквоедом
и «железобетоном», будет, он обещает, пусть только в этот раз все обойдется,
пусть Шалый вернется домой живым!
21 августа они доставили Шалатуркина в базовый лагерь. Для него все

кончилось благополучно, но, если б не этот случай, 20 августа Шиндяйкин
был бы на вершине пика Коммунизма. Он оказался бы там очень кстати,
врач Шиндяйкин, и кто знает, как тогда бы все повернулось..

БЛЕСК ВЕРШИНЫ В ГЛАЗАХ..

Восьмерка траверсантов поднялась на 6900 19 августа. На следующий
день они должны были выйти на вершину пика Коммунизма, но тут Сулоев
пожаловался на легкое недомогание. Вряд ли его слова были приняты
всерьез, иначе команда тотчас бы прервала восхождение и поспешила
спустить товарища вниз; кто-кто, а многоопытнейшие Кузьмин и Божуков
прекрасно знают, чем кончаются на высоте «легкие недомогания». .
Не вспомнили. Стали думать, что делать. Очень уж не верилось: Сулоев
— и вдруг... недомогание! Самый здоровый. Самый подготовленный.

Человек с прекрасной, редкой приспособляемостью к самым нелегким

условиям! Еще полдня работы, и вершина. А там траверс, самое интересное,

как отказаться? Да и нужно ли отказываться? Вот палатка группы Виктора

Максимова. Ребята ушли на вершину, спустятся к вечеру. Сулоев с ними

переночует, а утром все вместе пойдут вниз — отличный вариант! Правда,

Валентин лишние сутки пробудет на высоте, но он отдохнет, наберется сил

перед спуском. .

Сулоев и сам не верит в свое недомогание. Ему непривычно, неловко

признаваться в такой унизительной для него слабости, хотя он и сюда, к

6900, шел, как принято говорить, «на одних зубах». Очень сильная волевая

подготовка. Даже превратившаяся в свою противоположность. Другой бы

отказался от восхождения еще на плато, но он, Сулоев, не позволил себе

«раскисать», «поддаваться минутным настроениям». И потом, он один из

главных инициаторов траверса!

Блеск вершины в глазах. . Как часто мешает он спокойно оценить

реальную обстановку, найти решение, о котором не придется жалеть. Сулоев

и здесь, на 6900, не намерен сойти с траверса, и товарищам по команде стоит

немалого труда уговорить его прекратить восхождение.

— Никуда от тебя вершина не уйдет, успеешь еще, смотри, надорвешь

сердце, что тогда?..

Сулоева они уговорили.

Себя уговорить не смогли.

Блеск вершины в глазах. . Еще одна горькая крупичка опыта в извечном

поединке человека и гор, человека с самим собой. .

ДО ПОБЕДЫ!

Ночь на 6900 прошла трудно. Очень уж тесно было в одной палатке, не

рассчитывал никто на такой поворот дела, никак не предвидели. Правда, с

траверсантами ушел Володя Кочетов, но вместо него появился Гена

Курочкин, который сошел с траверса тоже из-за легкого недомогания, даже

из-за одного лишь подозрения в нем.

Итак, в палатке руководитель группы Виктор Максимов, Геннадий

Курочкин, Евгений Стрельцов, Алексей Вододохов, Георгий Петров,

Анатолий Балинский и Валентин Сулоев. Позавтракали.

— Ты куда, Валя?

— Я сейчас. .

— Только не очень... Скоро выходим...

Начали собираться. Вернулся Сулоев, пролез в глубину палатки, лег

вниз лицом.

—Простите, ребята, если вам придется меня транспортировать.

И смолк.

Парни стали выбираться из палатки, тронули его за плечо:

—Подъем, Валя, пора!

Сулоев не отозвался. Его перевернули на спину. Он был без сознания.

Пытались что-то делать, даже искусственное дыхание рот в рот — тщетно.

Сидели ошеломленные. Невозможно привыкнуть, когда люди срываются со

скал, падают в трещины, когда их сносит лавиной. Еще трудней смириться с

тем, когда товарищ умолкает на полуслове, вот так, без всяких видимых

причин, сидя, лежа рядом с тобой, а ты ничем, ну совершенно ничем не

можешь ему помочь...

— Простите, ребята, если вам придется меня транспортировать...

Двое топчут снег, четверо тащат. Очень рыхлый, очень глубокий снег, а

тут еще несколько веревок нужно пройти вверх, на самый купол, палатка-то

стояла в седловине! Десять шагов, и падали пластом. Вставали, опять впря-

гались в оттяжки, чувствуя, как ползет по склону под их тяжестью,

жутковато плывет снег, в любое мгновение готовый сорваться неудержимой

лавиной. Но что делать, Валя умер, и его надо тащить. Десять шагов по

гребню, и лицом в снег. Двое топчут. Четверо тащат. А там будет видно.

Хотели бросить палатку. Все полегче. Успеют ли только они засветло

спуститься до другой своей палатки — до 6500? Оставили часть продуктов. И

вскоре пожалели об этом. Но кто же знал, что пятнадцать километров гребня

и плато, совсем недавно и так быстро пройденного вверх, они будут

одолевать шесть дней! Приболел Виктор Максимов. Неважно чувствует себя

Вододохов. Да и как себя хорошо чувствовать, если вся еда — кружка теплой

воды с дольками сублимированной картошки утром и чаек вечером?

Теперь, с началом транспортировки, руководство группой пришлось

взять на себя Балинскому. Так с ним обычно и бывало: когда очень все

плохо, неприметно брать дело в свои руки, впрягаясь за двоих, а то и за

троих. Конечно, ребята и сами пуд соли в горах съели, и все же горы для них

— это отпуск, отдушина, увлечение, а для него каждодневный труд. С него и

спрос. Он все должен уметь, все предвидеть, это по его части

транспортировка, ведь он не только альпинист, он ведь еще и верхолаз-

монтажник. .

Палатка на 6500 сбита ветром, завалена снегом. Измученные вконец

ребята полезли в нее как в мешок, и Балинскому пришлось проявить всю

суровость, чтобы люди нашли в себе силы привести ночевку в божеский вид.

Наутро непогода, пурга, пришлось тянуть упряжь по грудь в снегу, но и

теперь никто из них не запросил отступного, не посетовал на это скорбное, а

физически и вовсе непосильное дело, которое так случайно выпало на их

долю.

На следующий день подошла группа Галкина.

—Тимофеич, беда опять.

Галкин опустился на рюкзак, закрыл голову руками и долго сидел, не

двигаясь, не произнося ни слова. Для него это была полнейшая

неожиданность. Все молчали. Всем тяжело. А тяжелей всех Виктору, ему

идти вниз с этой вестью, лететь в Москву, принести ее в дом Сулоева, Римме

Сулоевой...

—Что делать дальше, Тимофеич? Ребята на пределе.

Галкин отнял руки от лица.

—Не могу приказывать, Толя. Но сколько сможете, еще спустите.

С Галкиным ушли вниз все больные. Оставшиеся тщательно разболтали

в снеговой воде предпоследний брикет сублимированного супа,

подкрепились таким образом и вновь впряглись в работу. Так добрались до

пика Парашютистов и отсюда, с края плато, попытались связаться с лагерем.

Лагерь не отвечал. Оставалась еще одна надежда — заброска на 5800. Но она

оказалась пустой, теперь и вовсе на плато нельзя было задерживаться, теперь

надо было думать о живых.

Тело Сулоева оставили под пиком Парашютистов. В том самом месте,

где год назад Валя и «док» Шиндяйкин стояли у палатки с

больным

Бессоновым и думали, как быть. . Попрощались, обложили ледяную нишу

плитами камня, начали спуск. Очень помогли прошлогодние перила, а на

5300 их встретил «док» Шиндяйкин. «Док» тащил целый рюкзак продуктов.

Они тут же этот рюкзак опустошили, но сил за эти дни было отдано столько,

что и после еды они спустились с ребра и пересекли ледник Фортамбек лишь

с несколькими привалами, а на высокую морену, к палаткам базового лагеря

шли так бесконечно долго, как, пожалуй, никто из них еще никогда и нигде

не ходил.

...Кончился август. Пора было улетать по домам. На исходе и отпуска и

действия всяческих продлений и освобождений, а они все еще сидели на

поляне «Буревестника» и ждали Галкина. Ждали Римму Сулоеву. Ждали ее

решения — снимать с плато тело Валентина или все же отложить эти работы

на будущий год.

Прилетел вертолет, из него вышли Галкин и Римма Сулоева. Первый

удар женщина уже пережила и теперь старалась держаться так, как того

невольно требовали и эти суровые горы, и эти черные от ожогов памирского

солнца лица мужчин, последних, кто слышал, кто видел ее мужа. Врач по

профессии, мастер по туризму, она много ходила по горам и все понимала.

Ей не нужно было говорить о состоянии этих людей, а стена была перед

глазами. Она медленно обошла поляну «Буревестника», остановилась у

громадного валуна, глянцевого от пустынного загара, сказала, что, если на

будущий год Валю все-таки снимут с плато, она хотела бы

похоронить его
здесь, над Фортамбеком.
Собрали рюкзаки. Пошли к вертолету.

Галкин долго жал руку, благодарил за все то, что было сделано на плато,
просил не забывать, заезжать в Москву, словом, не пропадать. Конечно,
будущим летом экспедиция фактически не состоится, надо будет отдать
последний долг тем, кто остался на пике Ленина и здесь, на плато, но уж
через год готовьтесь! И Галкин поднял вверх два растопыренных пальца —
шутливый мальчишеский вызов судьбе, задиристый жест полузабытых сту-
денческих времен — виктория! Победа!

199

ВЫСТОЯТЬ!

Кара-Куль встретил Балинского своими сюрпризами. Тотчас отправился
к Бушманам — повидаться, выразить сочувствие, спросить, вдруг он может
что-нибудь сделать, хоть чем-нибудь помочь. Всего, кажется, насмотрелся на
Памире, да и жив Бушман, могло быть хуже, чудом ведь отходили! А увидел
Диму и расстроился донельзя, будто снова пережил и десант и фирновое
плато, таким близким, таким похожим все показалось.
Другая новость была повеселей. Ну наконец-то! Наконец-то положили
первый бетон! Всегда казалось, что вот уж где не будет большой проблемы
— скальное основание под плотину подготовить, стоит только на левый
берег посмотреть! Отшлифованный монолит, все готово! А провозились два
года. Целых два года! Да и этот первый бетон положили, можно сказать,
нахрапом, опережая готовность всего основания, с трудом выкроив для

почина более-менее сносный блок. Лишь бы сдвинуться с места! Подбодрить

себя, стройку этой очередной ступенькой к далекой цели. Был, конечно, и

расчет. Так сказать, маленькая хитрость. Ведь чем скорей заявят они о себе

официальным началом укладки плотины, тем скорее их стройку начнут

принимать всерьез. Вот ведь еще о чем приходится думать — они постоянно

сидят без цемента!

Играл оркестр, пестрели транспаранты, люди бросали «на счастье» часы,

монеты, вмуровали памятную плиту. Любители сувениров подчас сражаются

за автографы и обломки клюшек, за улетевшие в публику шайбы и мячи.

Здесь рвали «на память» ремешки от брошенных под бадью часов, а

накладная на первый куб исчезла бесследно, так что пришлось выписывать

дубликат. И не один. Аппетит приходит во время еды, а Беник Майлян, в

чьем личном архиве всплыла через несколько лет эта реликвия, не был по

натуре своей единственным болельщиком, тем более болельщиком

Токтогульской ГЭС.

Мастером смены в тот памятный для стройки час заступил Леша

Каренкин. Это не ошибка, мастером был именно он, бывший бригадир

верхолазов-монтажников, успев до начала «бетона» проработать в новой для

себя должности лишь несколько дней. Опять к самому началу поспел. Как и с

оборкой склонов. Сплошное везенье, дикое счастье или что там еще, вполне

подкрепленное «корочками» — дипломом об окончании строительного

техникума. Да, он окончил строительный техникум. Написал диплом по

девятиэтажному жилому дому, защитил, и вот, пожалуйста, молодой

специалист. Хоть начинай все сначала.

Бушман надоумил за учебу взяться. Прямо-таки заставил Дмитрий

Владимирович, чуть ли не силком приводил. Да и не только Бушман, сама

стройка взяла за шиворот, куда деваться. Оборка склонов шла на убыль,

половина людей в бригаде — классные монтажники, как командовать такими

людьми, если сам как был оборщиком, так оборщиком и остался?

И еще одно обстоятельство помогло — учиться-то нравилось, вот в чем

дело! Группа нравилась. Заниматься всем вместе нравилось, над курсовыми

коллективом за полночь корпеть. «Пацанов» мало было, все больше «ста-

рички», бригадиры, мастера, люди семейные, работяги со стажем, так что и

понимали друг друга и помогали, сдружились все-таки! Преподаватели

нравились. Это были свои же инженеры, со стройки, днем по работе то и

дело виделись, вечером в аудиториях сходились. Трудно было, они

понимали. Не в том дело, что поблажками задабривали, жалели по-свойски,

нет! Они не отгораживались, дистанцию не соблюдали, не говорили, что

обязаны давать и требовать знания, а все прочее их не касается; их и прочее

касалось. Наверное, поэтому и терпеливей были, и по пять раз одно и то же

объяснить за труд не считали, и на часы при всяком случае не смотрели, хотя

им тоже ох как надо было постоянно оглядываться на часы! Потому и

окончил. Но как был в бригаде, так в бригаде и остался, о какой-то

инженерной должности и в мыслях не было. Потом Хуриев — опять-таки

Хуриев — разыскал его, Привез в котлован.

— Ну вот что. . Учился? Деньги на тебя государство тратило? Мастером

на бетоне будешь. Согласен?

— На каком бетоне? Бетона-то нет!

—Ты дела принимай. Будет тебе бетон!

Обещание Хуриева сбылось через три дня. Первый в жизни, за который он отвечал как мастер, и первый, самый первый бетон, уложенный в основание плотины Токтогульской ГЭС. Так сказать, двойной праздник. А праздники быстро кончаются. Только начали, как вновь пришлось останавливаться, приниматься за расчистку. Рядом с первым блоком в скале основания оказался глубоченный, высверленный рекой колодец, заполненный валунником и песком. Бульдозер не загонишь, экскаватором не залезешь. Значит, вручную, кайлом да лопатой, пока не выскоблили до глянца. А ведь этот колодец был не один...

Да и там, где скала рекой отшлифована, такой монолитной казалась, тоже свои прелести обнаружились, и, разумеется, в самый последний момент.

Выскребут рабочие плиту, продрают, промоют гидромониторами так, что в грязной обуви и ступить нельзя, а приемочная комиссия начнет проверять, подцепит за край какой-нибудь трещины, а плита — р-раз и отвалится. А под плитой все то же: дресва, песок, галька, неизвестно как попавшие на глубину.

Снова драют, снова моют, докапываются до следующей, на этот раз по всем признакам безусловно прочной плиты, созывают комиссию. А комиссия бракует и ее. Люди нервничают, сдача под бетон каждого блока превращается в яростную дискуссию, и работе этой не видно конца.

А тут зима. А к весне, к паводку скальное основание плотины надо было

закрыть бетоном во что бы то ни стало. Строили тепляки. Укутывали скалу
тряпьем. Таскали ведрами горячую воду. И драили, драили, драили,
похлестче, чем моряки свою посудину перед визитом самого высокого,
самого привередливого начальства. .
Словом, настрадались в ту зиму. Суровой она была, холодной и
многоснежной. Пошли лавины, одна из них накрыла Беника Майляна. Он
только в блок зашел, слышит, словно воздух дрогнул. Глаза поднял, ах, черт,

красиво! Красиво, когда не на тебя, когда в стороне идет, а тут вот она, и
разминуться нет никакой возможности! Только и успел за экскаватор
заскочить, свитером рот закрыть. Хорошая машина экскаватор! Тяжелая, не
очень-то сдвинешь. Осела белая мгла, перевел Беник дыхание, сунул руку в
куртку — как не закурить после такого, а карманы снегом запрессованы. Да
что карманы, ноздри снегом забиты!
Зима снежная, жди паводка. Его и ждали. Не такого, конечно, как в 1966
году, такой, по всем выкладкам, только раз в столетие возможен, но все же. .
Даже верховую перемычку нарастить решено было, вдруг вода опять в
тоннель не вместится, поднимется настолько, что снова через верх пойдет.
Тогда, два года назад, можно было излишки нарынские старым руслом
пустить — в котловане почти ничего не было. Но за эти два года влезли туда
с головой, всеми службами, а главное, бетон начался! Пусти Нарын — все
прахом, за неделю столько наворочает, в год не разгребешь. Нет, отступать
некуда. Такой труд вложен! Да и будет ли очень большая вода? Ведь, как

известно, тоннель рассчитан на катастрофический паводок, такой, который

случается раз в столетие, а он уже был. Неужели повторится?

Может, поэтому он и нагрянул, что так некстати был, что так его не

хотелось... Закон бутерброда. . Нарын пер в тоннель с такой устрашающей

мощью, будто хотел вывернуть его наизнанку, выдрать из недр горы эти

навязанные людьми бетонные оковы и тогда уж разгуляться по своему

усмотрению. Мимо выходного портала страшновато было проезжать и

проходить, воздух, скалы дрожали, река вырывалась из тоннеля разъяренной

Ниагарой, с громоподобным ревом пушечной канонады. Склоны сочились

водяной изморосью, над ущельем висло облако водяной пыли, и в нем день-

деньской не гасла радуга, которая никого не радовала.

А уровень в верхнем бьефе все поднимался, устье тоннеля угадывалось

лишь по бешено крутящейся воронке с жутковатым, утробным всхлипом

всасываемой воды. Теперь на верховой перемычке люди дневали и ночевали,

сюда были стянуты все силы, и кара-кульские домохозяйки, встретившись на

улице, прежде чем поздороваться, прежде чем начать обычный обмен

информацией о болезнях и внуках, о мясе и молоке, о бельгийском драпе или

подписке на Дюма, спрашивали друг друга об одном:

—Что там, на верховой перемычке, выстоят, нет?

Бросили на перемычку и смену Каренкина. Они готовили опалубку,

обтягивали щиты полиэтиленом, ставили их подчас прямо в воду, потому что

в иные моменты бетон возвышался над уровнем грозно вздувшегося Нары-

на всего лишь на две мужские ладони — на двадцать сантиметров.

—Не допустить перелива. Выстоять!

Такого Леше Каренкину видеть еще не приходилось. Люди не уходили

домой по тридцать часов. Сами брались разгружать то и дело подходившие

снизу машины с брусом и арматурой, с досками и щитами. Никому не надо

было ничего объяснять. Никого не надо было призывать и уговаривать.

Перекусывали тут же, на перемычке, здесь круглосуточно работал буфет.

Бригадир плотников Васянин чуть не падал от усталости, но даже начальник

Нарынгидроэнергостроя смог отправить его домой только в приказном

порядке, да и то лишь на два часа.

—Романтики провинциальные, — будет вспоминать годы спустя этот

паводок Зосим Львович, — задницами щиты подпирали!

Восхищение в этих словах. Восхищение и зависть. К этим людям. К

самому себе. Что довелось пережить эти минуты, разделить их, быть там, на

верховой перемычке, вместе с теми, кто удержал Нарын. Зрелище! По одну

сторону щита река, по другую — и вровень с рекой — люди. И уровень воды

на разделяющей их грани. И взгляды, прикованные к этому уровню,

остановился или нет, вверх полез или вниз? Им, Серым, был уже написан

приказ об эвакуации котлована. Кто бы упрекнул, если б он привел этот

приказ в действие? Были все основания для этого, объективные и

субъективные, что заставляло ждать и надеяться, рисковать, тянуть до

последнего? Как угадать, где оно, это последнее?

Так и остался в бумагах этот приказ. И значит, станция будет пущена

чуточку раньше, может, на целый год. Для них год никак не абстракция, не

отвлеченное понятие. Год — очень конкретная штука. А кроме всего
прочего, это еще и дочерна обожженные солнцем люди, которые приезжают
снизу, из Ферганской долины, с надеждой смотрят в глаза и спрашивают,
спрашивают все об одном и том же — когда строители смогут наконец
собрать, накопить хоть немного за своей плотиной воды, чтобы прийти на
помощь горящим от засухи полям, терпящим бедствие земледельцам?
Урожай гибнет. Труд гибнет. Может, все-таки можно что-то сделать? Ну хоть
немного!
Говорят, работа — это одно, а вот личная жизнь человека — это совсем
другое. Есть даже обязательная раскладка на этот счет, чеканная, как
постулат, на работе и дома. Есть суждения весьма категоричные, беспощадно
уничижительные ко всем «инакомыслящим», суждения, согласно которым
«внутренний мир человека» есть сфера сугубо интимная и вторгаться в нее с
какими-то «производственными вопросами» так же неприлично, как сказать
непристойность в обществе женщины; то, что именуется «работой», все это
суета сует, от лукавого, есть поверхностное, необязательное и скучное, даже
не заслуживающее того, чтобы о нем говорить.
Но сказать хочется. Тем более начальнику стройки. Ведь что там было,
на верховой перемычке? Работа? Исполнение служебных обязанностей? Да
нет же! Ни в коем случае! Они бы просто не выдержали, если б всего лишь
работали. Они давно бы разбежались, если б только исполняли служебный
долг. Для «исполнения» можно подыскать и более исполнимые варианты. Но
ведь не ищут! Не бегут! Год проходит за годом, люди стареют и седеют,

смотришь, то один, то другой в больницу на «отдых» попадает, то «с
сердцем», то с инфарктом или язвой, но никто не уходит, все на местах, как
опорные камни часового механизма, надежно, раз и навсегда впрессованные
в свои рабочие места. И Серый знает, что пройдет год, и два, и три, но на
створе он всегда обязательно встретит Диму Бушмана и Кайрата Умралина,
Анатолия Курашова и Сеяра Феттаева, встретит всех тех, кого принято

считать «старыми каракульцами» и назвать кого поименно просто нет
никакой возможности. И Хуриев никогда не уйдет со стройки. И он, Серый,
тоже не уйдет, что бы ни предлагали ему в Москве. Стройка кончится, другая
начнется, Курпсайская на очереди, Камбаратинская, не в этом дело. Люди?
Да, все дело в них. Главное, что они остаются. Главное, что к нему в кабинет,
минуя всех и вся, может запросто зайти тот же Толя Балинский и у него,
начальника Нарынгидроэнергостроя, хмуро потребовать автобус для своих
альпинистов. А то и пригласить с собой. Скажем, тренировку посмотреть.
Соревнование по скалолазанию. И он, Серый, вконец заезженный всяческими
просьбами, чрезвычайными и нечрезвычайными происшествиями,
проблемами и обязанностями, гостями и комиссиями, сочтет этот визит
Балинского как лично оказанную ему честь.
Все это так. Тем не менее между стройкой и каждым подданным ее
существовали и свои, персональные взаимоотношения, не всегда простые и
безоблачные. Пример тому — судьба альпинистов-скалолазов. Профессия,
рожденная нуждами створа, стала со временем ненужной,

едва в 1968 году
программа работ на склонах была в основном решена. И тогда те, о ком так
много и заслуженно писали, чьи мужественные портреты украшали газетные
полосы и обложки журналов, вдруг оказались не у дел. Не они значились
теперь «главной фигурой стройки», теперь это был бетонщик, теперь о нем
говорили, теперь все подчинялось «большому бетону», а прочее являлось
делом второстепенным или вовсе несущественным. Ну где-то подлатать
поврежденную ловушку. Поправить обветшалый и вдруг понадобившийся
трап. Стоит ли об этом много разговаривать?
Что ж, для того скалолазы и работали, чтобы подготовить место другим.
Но уйти со сцены, кануть в тень — для многих это оказалось делом
мучительным и непростым. Подчас проще было уехать, и кто-то уехал. Кто-
то увидел отдушину в долгих застольях с бесконечными воспоминаниями о
том, что было, и упреками по поводу того, что стало. Третьи, такие, как Леша
Каренкин, братья Еланские и Володя Аксенов, и их было большинство,

учились, переучивались, шли на монтаж, на «бетон», да и кто сказал, что
«бетон» — это скучная, однообразная работа, видел ли этот человек
настоящий «бетон»?
Не было драмы и у Балинского. Во-первых, у него были горы. А во-
вторых, он никогда не страдал профессиональной спесью, он и в лучшую для
скалолазов пору при виде любой работы не морщился, а теперь что ж, все
понятно, надо насосы ставить, будет ставить насосы, трубы в потерны
тянуть, полезет в потерны, у шатра дежурить, будет дежурить

у шатра. Хуже
всего, пожалуй, работать в потернах — в смотровых галереях в теле плотины.
Темно, водичка сочится за шиворот. Воздух и тот цементом пропах, ни с
каким другим не спутаешь. А тебе нужно трубы варить. В полном
одиночестве. Всю смену. А если насосы ставить, так и вовсе от зари до зари,
пока они не начнут откачивать воду.
А на шатре свои прелести. Он целым должен быть, шатер, чтоб свежий
бетон от мороза, от жары уберечь. А его ветром срывает, ущелье-то плотиной
перегорожено; а шатер над плотиной как парус. Начнет бригада брезент
растягивать, кажется, так с этим брезентом и сдует всех куда-нибудь в
нижний бьеф.
А хуже всего не водичка за шиворот с цементом пополам, не ветер
декабрьский на кровле шатра, не камешек, щелкнувший по плите в метре над
головой, хуже всего оказывается, человеку тогда, когда ничего этого нет. Ни-
когда не думал, что будет так скучать по створу, по свистящему гуду
компрессоров, по звонкому постаныванию крановых тросов, по мимолетным
взглядам и приветам товарищей. Никогда не замечал, какими глазами
смотрят старики, больные, инвалиды на тех, кто спешит на работу,
вскакивает на ходу в автобус, бежит вверх по лестнице с букетом цветов.
Теперь заметил. Понял. Трудная участь — сидеть дома. Трудней не бывает...

207

НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ ЕЩЕ БОГАТЫРИ..

Толя достал рюкзак, вышел на балкон, осторожно встряхнул давно уж не
бывавшую в употреблении вещь. Под майкой поскрипывал

корсет, тугая
шнуровка придавала необходимую уверенность. Черт, об этом корсете уже
все знают. И всех это почему-то ужасно веселит. Балинский в корсете?! А
ему все равно, он бы и кринолин нацепил, лишь бы это помогло вернуться в
горы.
Вышел из дому, потихонечку выбрался из поселка. Сияло солнце.
Зеленели горы. И все было прекрасно, как и должно быть прекрасно в горах
ранней весной. Оглянулся — вокруг никого не было. Не сгибая спины,
присел, нашарил два булыжника поувесистей, положил в рюкзак. Потом
пошел. Надо с булыжниками ходить. Под нагрузкой. Только тогда толк есть
и от ходьбы, и от жизни. А уж кто такой груз себе на горб взвалит, дело
вкуса, от каждого по способностям. А может, не так, может, от каждого по
потребностям? Вот ему, например, очень потребна Победа. Смешно,
конечно, говорить об этом, имея в наличии весьма сомнительных качеств
двенадцатый позвонок, но что делать, если предметом первой жизненной
необходимости стала именно Победа и именно теперь; как не взвалить ее на
плечи?
Вот Бушман. Легка разве упряжка главного технолога стройки? Ан нет,
в диссертацию впрягся, статьи пишет. Никак не может смириться с тем, что
их кара-кульский опыт освоения склонов так кара-кульским опытом и оста-
нется, умрет, забудется, и тем, кто примется строить новые станции в новых
горах, придется придумывать велосипед заново.
Плохо ли жилось Леше Каренкину? Всю жизнь был рабочим, именитым
бригадиром, героем очерков и интервью, получал дай бог каждому... Взвалил

на плечи должность мастера, съехал на оклад в 162 рубля, канул в без-
вестность; теперь только и спрашивают, куда Каренкин делся, что это о нем
ничего не слышно? А он никуда не делся, там же, на створе, разве что

трудней стало, сложней.

Экскаваторщику Ткаличеву Александру Агеичу положено уходить на
пенсию. Не уходит. Положено отработать смену, сдать машину напарнику и
отправляться домой — машину сдает, но домой не спешит, потому что из
всяческого железного лома, из арматуры, из подобранных по стройке труб,
анкеров, обрезков железа делает для кара-кульских ребятишек карусель, и не
может ее не делать. Ему за Кара-Куль обидно. За малышню. Почему город-
ские могут кататься на карусели, а кара-кульские нет? Что у него, руки
отсохнут карусель сделать? Не отсохнут. Взвалил Агеич камешек на плечи.

Понес.

Теперь все знают о «послойке», о токтогульском методе укладки бетона
в плотину. Но ведь не было такого метода, не предусматривалось. Как это
так, без блоков, слоями, укладывая их с помощью специально сконструи-
рованных электробульдозеров? Не рисковал ли главный инженер Леонид
Азарьевич Толкачев, пробивая эту идею, связывая с нею судьбу всей
стройки, труд сотен и тысяч людей? Взвалил на себя камешек. Увлек других.

И сегодня электробульдозеристы Сеяра Феттаева трамбуют бетон там, где
каждый метр высоты давался лишь ценой предельного напряжения сил даже
ему, Балинскому.

Толя присел, опять таким же образом, не сгибаясь, добавил в

рюкзак

еще один булыжник. Ну вот, теперь, кажется, в самый раз. Миновал

гравзавод, карьеры; сытый рык дизелей стал постепенно стихать. Он не

старался слишком усердствовать в первые дни. Но не хотел и того, чтобы

кто-то видел его за этим занятием. Пришлось для прогулок выбрать место

поглуше, и Первомай провел в ущелье Каинды, на Березовой поляне. Тут еще

пахло снегом, из влажной земли торчали подснежники, а «единички» были

вовсе в снегах и издали вполне могли сойти за «пятерки». Попил березового

соку, позагорал, полазил по скалам. Тут сделал открытие, что главное для

него — это избегать «нагрузок на изгиб» и что «вертикальные нагрузки» —

это не так и страшно. Тем и стал руководствоваться. Уже через две недели

отправился километров за сорок и шел почти без отдыха, чтобы знать, на что

годен. Ночевал в горах, вернулся к вечеру следующего дня, а в Кара-Куле

уже переполох, и Эля собирала ребят на поиски. Конечно, влетело. А он

только отшучивался, дескать, чего пристали к инвалиду! Где это видано,

чтобы инвалид контрольный срок оставлял, когда, дескать, придет. Да и

попробуй оставь. Разве выпустите?

14 мая в Дагестане ударило сильное землетрясение. Пострадало

строительство Чиркейской ГЭС. Чиркей в Кара-Куле знали. Там тоже каньон,

только в несколько раз поменьше, а подступы к стенам легки отовсюду: и с

нижних отметок и с верхних. Тотчас собрали отряд скалолазов. На помощь

чиркейцам должны были вылететь Леша Каренкин, Энеш Токторбаев,

Джеенбек Алахунов, Юра Горлач. Насонова. . Балинского не приглашали. Да

и как приглашать? Тогда он пришел сам и сказал, что Насонову не отпустит,

что, если так уж надо, чтобы она ехала, пусть в таком случае пошлют и его.

Маневр удался. Так нашел себе дело. Конечно, на склонах работать не

мог и теперь только смотрел, как работают другие. Скалы были

потревожены, много вывалов, заколов, очень ненадежных камней.

Понадобились еще люди, и его попросили подготовить группу скалолазов.

Начал вести занятия. По своей, «токтогульской» программе. Говорят, в

краеведческом музее Махачкалы потом экспонировалась фотовыставка

«Киргизские скалолазы на строительстве Чиркейской ГЭС». Действительно,

ребята многое там сделали. Но сам он особого удовлетворения не испытал,

разве что отвлекся немного от мыслей о позвоночнике, посмотрел новые

места. . Конечно, какая-то польза от занятий была, его благодарили, жали

руки, но ведь он видел. . Как пользовались вместо грудной обвязки какой-то

самодельной, похожей на уздечку петлей, так продолжали пользоваться и

потом. Тут сложились свои, доморощенные приемы, которых, впрочем, на

скалах Чиркея вполне хватало.

Да и то сказать, зачем человеку дифференциальные исчисления, если

нужно всего лишь рассчитаться за булку хлеба. . Нет, это не Токтогульский

створ.

На обратном пути заехали в Крым. Погостили у родных Эли, несколько

дней провели на алуштинском пляже. Вот что ему сейчас нужно — море! Эта

горячая галечка под спиной. Эти волны, теплым языком лижущие босые

пятки. Эти глухие вздохи прибоя с той сдержанной, затаенной до поры до

времени мощью стихии, которую можно ощутить разве еще только в горах.

— Откуда это хулиганье берется? Откуда понаехало! Толя поднял

голову. Рядом возвышалась монументальная дама в лиловом купальнике.

Она в упор бесцеремонно разглядывала его татуировку и громко делилась с

окружающими своими наблюдениями.

Эля предупреждающе тронула его рукой. Она видела, что Балинский

задет, а когда Балинский обижен, обычное добродушие и чувство юмора

подчас изменяют ему. Тогда может быть все. И обидчивая резкость, и

намеренная грубость, тогда уж он не оглядывается, сплеча рубит, что и

обеспечивает его в достаточном количестве теми неприятностями, которые у

него всегда были и есть. Но Балинский уже вставал. С трудом разогнулся, не

оглядываясь, пошел с пляжа. Настроение было испорчено. Нет, надо лечь на

операцию, убрать все эти художества. Но когда? Он только что со стола,

может, хватит с него медицинского обслуживания, обслужился! Ах ты, горе

луковое, золотая, так сказать, пора счастливого детства! Черт бы вас драл,

властители дум подзаборные, с иголочкой и пузырьком туши в руке! Сказать

бы вам пару слов, мастера графики из ошских дворов, да язык не повернется.

Многие ли из вас дожили до мирной поры?

Догнала Эля. Молча пошла рядом. Потом подтолкнула, тихо

прошептала:

— Гляди, Балинский! Собрат!

Балинский поднял голову. Впереди, с трудом переставляя

склеротические ножки, продвигался тщедушный, сморщенный старичок; на

его бледной спине синела какая-то длинная замысловатая татуировка. Текст

гласил: «Не перевелись еще богатыри на русской земле». Стараясь не

глядеть друг на друга, свернули в сторону, взбежали по лестнице, на ходу

вскочили в троллейбус, и только здесь отсмеялись, сколько хотелось.

Не перевелись еще богатыри на русской земле. .

БЕЗЗУБКИНСКИЙ МАРШРУТ

Едва вернулись в Кара-Куль, Эля засобиралась в горы. Шила, штопала,

гремела скальной кузней, распотрошила пуховки, перекроила их наново,

заменив перкаль цветным коллондрированным шелком. В такой пуховке

можно хоть на Победу.

Эля готовилась на пик Свободной Кореи. По северной стене. Это была

«шестерка», и, даже повторив этот пройденный красноярскими

альпинистами маршрут, можно рассчитывать на одно из призовых мест.

Пришло время тренировочных сборов, пора было выезжать. На стену

собирались фрунзенские альпинисты Анатолий Тустукбаев, Евгений

Слепухин, Валерий Денисов. В списке значился и Кочетов, но Володя,

получив приглашение москвичей, избрал Победу. Кстати, Тустукбаев тоже

приглашен на Победу. И тоже дал согласие. Но он верил, что поспеет и там и

здесь и даже сдать экзамены за очередной курс своего вечернего

политехнического. . Балинский?. Нет, ему и думать нечего о стене. Высотное

восхождение куда ни шло, там главное — опыт, физическая выносливость, а

стена. . Стене нужен целый позвоночник. Тем более на

«беззубкинском»

маршруте. Он, Балинский, и Элю не пустил бы, да и пытался не пустить, он

ведь переживает за нее!

—Балинский! Ты чего? Я ведь не мешаю тебе ходить в горы. Я тебе

даже на Победу идти не мешаю. И потом, кто ты мне?

Рассмеялись. И правда, кто он ей? Этот вопрос так тревожил товарищей

из жилищно-коммунального отдела, что действительно можно было бы их и

успокоить. И потом. . документы на «шестерки» не оформляются без гос-

страховских полисов; в полисе надо указать своего ближайшего

родственника. А кто для нее самый близкий родственник? Наверное,

Балинский...

— Ну что, Насонова, распишемся?

— Придется.

— Свадьбу сыграем...

— На черной «Волге» с лентами, с пузырями...

— С куклой, а я в фате...

— А все кричат «горько!». А потом свадебное путешествие...

— На Победу!

— Та-та-та. Галкин в экспедицию женщин не берет.

— Ну и не нужен мне ваш Галкин. Давай мне половину титана.

— Чай кипятить?

— Титановых крючьев. Очень остроумно.

— Ты что, половину! Это же с концом!

— Слушай, имей совесть! Что я, каждый день на «шестерки» хожу!

Так и уехала. И лишь когда она уехала, когда остался один на один с

опустевшей квартирой, осознал, насколько все это серьезно.

Пик Свободной Кореи. . По центру северной стены. . По ее «рыжим

пятнам». . Теперь, когда красноярцы промерили этот отвес своими

веревками, можно точно назвать протяженность маршрута —

тысяча
четыреста четырнадцать метров. Или тысяча сто метров по вертикали. День
за днем первовосходители видели под ногами одно и то же — место первой
стоянки. Несколько дней ни разу не могли собраться вместе даже на ночь, не
отстегиваясь и ночью от страхующей веревки. Спали, подвешиваясь к
крючьям или сидя на полочке, накинув на себя палатку. Ботинок снял,
привяжи. Иначе улетит. Примус надо разжечь, поставь на колени, а под
примус сеточку, а сеточку привяжи. Кастрюльку поставил на примус,
кастрюлька тоже в сеточке, а сеточку опять-таки привяжи — улетит.
Команда у красноярцев была схоженной, сложилась еще в 1962 году. Они

были дружны, но главное, терпимы друг к другу, а это очень важно, когда
надо выстоять на рантах ботинок целый день.
Валерий Беззубкин, капитан красноярцев, с тридцать четвертого,
погодок. Седой ежик коротко стриженных волос. Улыбчив и деликатен,
молчалив. Инженер. Да и все его ребята имеют отношение к технике,
неравнодушны к «железу». Юрий Андреев — инженер. Владислав Лях —
механик. Виктор Пономарев — электрик. Владимир Ушаков — инженер.
Шестым шел Виктор Суханов — начальник учебной части альплагеря «Ала-
Арча». Все кандидаты в мастера, все имели опыт стенных восхождений, все
могли выходить вперед, работать первыми. Трудно соперничать с такой
командой. Но еще труднее с самой горой.

ЗНАЧИТ, ЖАЛОБ НЕТ!

С отъездом Эли сидеть дома стало и вовсе невмоготу. Хорошо, ребята

заходили. Без них совсем бы скис. Сам по гостям пошел. К Леше Каренкину.

К Бенику Майляну. К Бушману. Слабое утешение — по гостям ходить, если

из колеи выбит. Тем более что все разговоры в гостях о створе, о работе, к

кому ни придешь. Засел за письмо Галкину, руководителю экспедиции

москвичей. Так, мол, и так, Виктор Тимофеевич, на что теперь он,

Балинский, может рассчитывать? Есть какая-то возможность, нет?

Ответ пришел от Олега Сорокина, врача экспедиции. Письмо было

лаконичным по форме и весьма выразительным по содержанию. В

общедоступном переводе текст означал, чтобы Толя не волновался, не

выдумывал лишнего, а спокойно укладывал бы вещички да отправлялся на

Тянь-Шань. В списках экспедиции он значится, если понадобится

освобождение от работы, оно будет. Да и зачем теперь освобождение от

работы, его и так освободят. По инвалидности. Так что все проще пареной

репы, остальное на месте. Привет.

Толя позвонил в Таш-Кумыр. И вовремя. Очередная комиссия ВТЭК

назначена на 6 июля, а следующая будет не раньше, чем через неделю. Тут

же выехал и, пока ехал, пока стоял в очереди, предполагал разное, а такого не

ожидал. Вторая группа инвалидности! Даже растерялся, спорить стал,

доказывать, третью группу просить, ведь со второй какая там экспедиция, на

работу не пустят!

—А вам и нельзя работать, молодой человек. Вы инвалид. Вы идите и

отдыхайте. Здоровья набирайтесь. Другие, наоборот, вторую вымаливают,

чтоб не работать, а вы недовольны...

Вышел в коридор, вновь и вновь разглядывая тусклую четвертушку

бумаги. «Трудовая характеристика — нетрудоспособен». Вот номер! Ждать

автобус было невмоготу, остановил попутную и в Кара-Куль успел задолго

до шести.

Зашел в постройком. Показал бумаги.

—Что ж мне теперь? На пенсию?

— Наверно. Вы где получили травму? На производстве?

— На тренировке...

— Как нехорошо... Вот если б вы вели занятия...

— Я и вел...

— Вы почасовик?

— Что ж я, за альпинизм деньги буду получать? На общественных...

— Это зря. . Вот если б вы были платным тренером, вам бы теперь

начислили пенсию по среднему заработку. . А так вы проиграете. Бытовой

травматизм.

— Что-то я не пойму. Что же Яувиноват, что отказался от денег?

— Выходит, так. Вот если б вы были платным тренером, то

производство обязано...

Хлопнул дверью, выскочил на улицу.

—Чтоб я еще раз!.. Чтоб я еще раз...

Что именно, не ответил бы и самому себе. Не будет вести секцию?

Помогать тем, кто только начинает? Не придет в школу, чтобы рассказать

ребятишкам о пике Ленина? О парашютистах? Не покажет диапозитивы с

пика Коммунизма? Не пойдет с рабочей комиссией по столовым и торговым

базам? Не выйдет с дружинниками на улицы вечернего Кара-Куля?

Или не пойдет в горы? Пока не будут платить? Забавно. Как-то сидели в

палатке с Ольгердом Ленгником, рассуждали. Без этого Ольгерда и не

представить, ему нужно докопаться до корней, до истоков, а тут почему-то

понадобилось установить, ходили бы люди в горы за деньги или нет.

—За «единичку» — десятку.

—Да ты что! Много. Там же делать нечего. Так все полезут в горы!

Десятку за день!

—Погоди. За «двойку» — двадцатку.

—С ума сошел! Все будут ходить на «двойки»!

—За «тройку» — тридцатку. Нет, больше, тридцать пять!

—А за «четверку» — сорок пять?

—Нет. Семьдесят пять! Восемьдесят!

—Ну знаешь...

—А за «пятерку» — сто пятьдесят.

—Месячный оклад? А я ее сделаю за три дня...

—Сколько же ты дашь за «шестерку»?

—Вдвое больше. Нет, триста пятьдесят! Нет, шестьсот! Как, пойдет кто-

нибудь на «шестерку»?

Посидели, подумали, решили, что нет. Ни на «шестерку», ни на

«тройку», ни на «единичку» за деньги невыгодно. За деньги — это тяжело. В

горы можно ходить только за «спасибо», только за «здорово живешь». Вот

горы, они могут заломить цену. И тут уж надо быть готовым, успевай

платить..

Забежал в больницу. Главврача, на счастье, не было, прием вел какой-то

молоденький незнакомый врач.

— Кто еще на профкомиссию, — высунулся он в дверь, — вы?

— Я, — подскочил Балинский, — а что будете проверять? Сердце?

Давление?

— Да вас можно и не проверять. Видно же. Только время тратить

— Так и я о том же... Справочку только...

— Собираетесь куда?

— Да так, в культпоход...

— Ну что ж, дело полезное. Значит, жалоб нет?

Сразу домой. Снаряжение давно собрано, только уложить в рюкзак.

Закрыл окно, обвел взглядом стены, присел на минутку, что ж, пора. С

трудом протиснул рюкзак в дверь, под взглядами сидящих на скамейках

старушек вышел со двора. Через минуту был на дороге Фрунзе — Ош. До

Фрунзе — четыреста. До Оша — двести. Может, сегодня добраться до Оша, а

утром на самолет и во Фрунзе? Пятьдесят минут лету! Наверное, так будет

надежней всего. . А если загадать? Куда будет первая попутная, той и

голосовать?

На машину в сторону Фрунзе надежд было мало. Кто ж едет в такую

даль на ночь через три перевала? И вдруг машина. На Фрунзе!

— Возьмете?

— Да залезай! Остановились же!

Десятки рук. Хор голосов. Еще не успел сесть, оглянуться, пристроить

рюкзак, а перед ним уже стакан вина и что-то такое на закуску.

— Держи, земляк, за знакомство, ну!

— Что вы, ребята. Мне нельзя.

— Ты как не родной. . Надо, знаешь, если жить, так на всю катушку.

Понял?

— Давно. Вот стараюсь.

— Плохо, брат, стараешься.

—Что поделать, как получается.

—Что, баптист? Или что? Никто же не видит!

Усмехнулся. Победа увидит все. И позвонок двенадцатый тоже

разглядит, хотя он, Балинский, и обзавелся такой роскошной, такой

оптимистической справкой.. Стоит ли ехать в экспедицию? Стоит ли

рисковать? Ведь случись что, не только он пострадает, кто-то с маршрута

сойдет, и только из-за него!..

Правда, ребята знают, да и сам не мальчик, чтоб на рожон лезть. . Видно

будет. Что об этом гадать. Сейчас главное — до Фрунзе добраться да

приступить к делу. Поручений всегда хватает, и он надеется, что окажется

полезен и на этот раз. В конце концов это тоже радость немалая — быть

кому-то необходимым.

—Альпинист, что ли? Сколько вам платят за это?

—Десятку за «единичку». Триста пятьдесят, нет, шестьсот за

«шестерку». .

—А-а-а. Понятно. А говорили, не платят. . А я ж знаю, не может такого

быть... Кто ж тогда полезет?..

МАЙДА-АДЫР. ВСЕЛЕНСКИЙ СЪЕЗД

В пять утра въехали во Фрунзе. Никак Балинский не ожидал, не

надеялся, что доберется всего лишь за ночь. Так опасался, что его случайные

попутчики вдруг вспомнят об усталости и надумают где-нибудь заночевать...

Нет, обошлось. Очень уж, видно, рвались эти таш-кумырские парни на

Иссык-Куль Под конец начали и его уговаривать; поехали, дескать, с нами,

отдохнешь, покупаешься, это Алитет может уйти в горы, а горы, они никуда

не уйдут...

Толя спрыгнул с подножки, сбил с ботинок на чистый столичный

асфальт белую каменную пыль великого киргизского тракта, помахал

тронувшейся попутке.

—Ну, для начала сойдет. Не сглазить бы!

И, взвалив рюкзак, направился вверх по улице Советской, совсем еще

безлюдной и пустынной. К Стрельцову.

...Геолог-альпинист — сочетание редкое. А тем более геолог-

полевик.

218

Таких в Киргизии только двое и есть: Паша Зайд в Оше да здесь, во Фрунзе,

Стрельцов. Что удивительного, гор геологам хватает и без альпинизма. И

человек, всеми правдами и неправдами выкраивающий из своего скудного

бюджета времени несколько недель для того, чтобы опять-таки забиться в

горы, разве что еще более высокие и нехоженые, может показаться и

странным, и чудаковатым, и уж в любом случае «не как все». А Стрельцов,

он и в Киргизии оказался ради гор. Учился в московском

геологоразведочном, однажды получил путевку в альпинистский лагерь

«Ала-Арча». Увидев Ала-Арчу, Тянь-Шань, ни о каком другом районе

страны для житья, для работы уже не думал. И хотя после защиты диплома

попал по распределению в Казахстан, решил там долго не задерживаться и

при первой же возможности перебрался в Киргизское геологоуправление.

Так стал фрунзенцем, познакомился с киргизскими альпинистами. Теперь

горы были под боком, но каждое восхождение, сборы, экспедиция — все это

оставалось для него проблемой, которую не так-то легко было всякий раз

решать. Ведь он геолог. Он съемщик. А для съемщика самая горячая пора —

лето, и если летом не успеть покрыть точками наблюдений свой лист —

значит, не составить карту, не написать отчета, и это за него никто не

сделает, какие бы авторитетные «освобождения» от работы ни выдавал ему

для участия в экспедициях Комитет по делам физкультуры и спорта.

И все-таки в экспедиции он ездил. А после восхождений, подчас даже не

заезжая домой, мчался в партию, чтобы без всякой передышки, даже не

подлечив прихваченных морозом пальцев, сбитых пяток и обожженных губ,

уйти в маршруты, просиживая ночи напролет над собранным материалом,

боясь запустить «камералку». Благо еще, что он гидрогеолог, что картирует

впадины, а здесь, в предгорьях, снег ложится поздней осенью. Так появляется

возможность наверстать то, на что не хватило лета. И в этом тоже была своя

прелесть, свое очарование — очутиться после снега и льда в прокаленных

солнцем пустынных предгорьях Прииссыккулья, среди багряных, малиновых

обрывов, на острых, сморщенных, как печеное яблоко, гребнях, в разрывах

которых ярко синеет драгоценная иссык-кульская лазурь. .

Застать Женю дома надежд было мало. Но он оказался-таки дома,

приехав из партии буквально накануне. Женя выскочил на стук как был, в

одних плавках, худой, нескладный, черный от загара, и его всклокоченная

борода жаждала ножниц. Приветственно сверкнул очками, захохотал.

—А кто это к нам пришел? А кто позвоночник свой ухайдокал?

Обнялись. Засели за чай. Начались вопросы и ответы, зиму не виделись,

а письма писать — нет, это занятие не для них. Как спина? Как это

случилось, чушь какая-то! Ладно об этом, как Эля, вышли они на маршрут,

что слышно?.

Стрельцов о Насоновой ничего не знал. Для него вообще новость, что

Тустукбаев ушел на «Корею», ведь Тук собирался на Победу вместе с ними!

Надеется успеть и там и здесь? Ну Тук!

В десять пошли звонить. Галкину: в это время, в семь по-

московски,

Тимофеевича мвжно еще поймать. Поймали. Они догадались об этом,

поскольку телефон был без конца занят, и им понадобилось терпение, чтобы

дозвониться до Москвы, чтобы услышать этот напористый, охрипший голос:

—Вас слушают! Галкин. Здравствуй, мой хороший, здравствуй, дорогой!

Ты во Фрунзе? Бери карандаш, записывай.

Виктор щедро выдал целый реестр указаний, и они несколько дней

провели в бегах, доставая газовые баллоны, недостающие продукты, кое-что

из снаряжения. Затем сели в такси и уехали в Пржевальск. Начали прибывать

люди, экспедиция была громоздкой, она трогалась с места рывками, как

перегруженный состав, и даже такой самозабвенный толкач, как Тимофеич,

нет-нет да и пробуксовывал на месте.

Из Пржевальска выехали не сразу. Зато над Сары-джазом катили со

свистом, и щебень из-под колес летел прямо в реку, не касаясь стен пропасти.

Иногда хотелось постучать в кабину и в самой доступной форме дать во-

дителю понять, что они не так уж и спешат. В самом деле, стоит ли мчать

сломя голову, чтобы затем на поляне Майда-Адыр целую неделю слоняться

из палатки в палатку в ожидании вертолета и переброски на ледник Дикий?

Впрочем, занятие, конечно, находится каждому. Штурмовые группы уже

определены, так что можно готовиться. Кто колет орехи и смешивает их с

медом, кто гильотинирует воблу и перекладывает содержимое стеклянных

банок в надежный полиэтилен, кто режет и маркирует веревку, кто подбивает

триконями шекльтоны, кто малюет на ящиках фамилии

руководителей групп

и места заброс ок: «Хан-Тенгри», «Базовый лагерь», «Перемычка пика 6744».

Не дает грустить и Николай Иванович Шалаев. Всех тоскующих он подводит

к высокому штабелю общественного груза, который тоже нужно привести в

более транспортабельный вид. Спорить с Шалаевым не осмеливается никто.

В лице этого человека, отнюдь не склонного так просто транжирить время,

слова и улыбки, экспедиция «Буревестника» имела не только одного из своих

ветеранов, не только начальника спасательной службы, но и главного

хозяйственника, а что еще более важно — кормильца. В свои сорок четыре

года этот суровый столяр Московского почтамта перевидал многое. В сорок

шестом демобилизовался из армии, в сорок восьмом местком выделил ему

месячную путевку на Кавказ, и он таким вот совершенно случайным образом

попал в альпинистский лагерь. С тех пор — и уже не случайно — каждое

лето проводил в горах. В пятьдесят четвертом, имея два призовых места за

траверс Домбая и траверс Коштан-Тау-Цурунгал, стал мастером спорта.

Ходил с Вано Галустовым, затем с группой Кузьмина — Овчинникова, с

Евгением Ивановым, с Евгением Таммом. В течение многих лет осваивал

районы пика Коммунизма, пика Ленина, пика Евгении Корженевской, Хан-

Тенгри. Работал в совместной советско-английской экспедиции, ходил на пик

Содружества с Джоном Хантом, ходил с чехословацкими альпинистами, был

заместителем начальника альпиниады на пик Ленина в 1967 году, где одних

иностранцев насчитывалось более семидесяти человек.. Шалаев в

выгоревшей рабочей спецовке, в таких же вытертых, с пузырями на коленях

штанах, он хмур; озабочен, тем неожиданней улыбка его краем солнышка из-

за туч,

— Николай Иванович, — кричат от палаток, — какие будут указания?

— Указания ледорубом, — отвечает Шалаев, — ну кто картошку

чистить?

Чуть ли не ежедневно на поляну Майда-Адыр, с давних пор

облюбованную альпинистами посреди пустынного раздолья Иныльчекской

долины, прибывают все новые и новые экспедиции. Казалось, все лучшие

команды страны решили засвидетельствовать свое почтение лагерю на

Иныльчеке, который тотчас же превратился в эдакую оживленную

привокзальную площадь. Вселенский съезд. Люди из Чимкента, из

Ленинграда и Петропавловска-на-Камчатке, из Днепропетровска и

Челябинска, из Москвы, из Кабардино-Балкарии, из Фрунзе... Да, такого в

районе грозной Победы еще никогда не было. Только на траверс претендуют

три команды, каждая заявив свой маршрут для участия в первенстве СССР.

Несколько групп поднимется на Победу со Звездочки. Несколько — с

ледника Дикий. Впервые пойдут на Победу женщины — Люся Аграновская

из Петропавловска-на-Камчатке и Галя Рожальская из

Челябинска. .

— Парни, на Победе будет давка... — Да нет, на Победе давки не будет. .

ИГОРЬ ЦЕЛЬМАН. РЕЙС НА ЛЕДНИК ДИКИЙ

Работать с экспедицией «Буревестника» должен был экипаж Игоря

Цельмана из Алма-Аты; Альпинисты знали вертолетчика Панферова,

особенно после эпопеи 1968 года; знали душанбинских вертолетчиков.

Цельмана не знал никто. Говорили только, что он отличился на спасательных

работах во время прорыва озера Иссык, даже награжден орденом. Ждали его

с опаской. Так много в судьбе экспедиции зависит от командира экипажа, что

иные вертолетчики стали напоминать избалованных вниманием кинозвезд.

Выйдет иной из вертолета и даже по сторонам не смотрит. Знает: подбегут,

будут упрашивать, заискивающе глядеть в глаза, ублажать. Да и то сказать,

клиентов много, а он один. А уж площадки, куда альпинистам надо, это и

вовсе разговор особый. Если официально, так он и права не имеет лететь, вот

так. Площадки эти нигде не значатся, никто их не принимал, высоты

большие. И если он сядет, то только в порядке одолжения и под свою

ответственность. А зачем ему это надо?

Игорь начал работу 15 июля. С группой разведки проутюжил ледник

Дикий, выбрал площадку, сел, высадил ребят, делая все с завидной

невозмутимостью и по первой просьбе. «Звезду» он явно не напоминал. Это

был светловолосый, довольно-таки плотный парень в мешковато сидящих на

нем брюках и в летней рубашке с засученными рукавами. Его

широкое лицо
выражало добродушие, лукавство, и если уж он кого-то напоминал, то скорей
всего деревенского задиру, деревенского балагура откуда-нибудь из
Прибалтики, который только и ждет, только и смотрит, что бы ему такое
вытворить. Работал, однако, просто. Без фокусов. Без всяких там «визитных
карточек». Он «таскал» буревестниковцев на ледник Дикий с прозаичностью
пригородной электрички, затрачивая тридцать три минуты на полет туда и
двадцать семь на полет обратно.
Балинский летел 19 июля. Был солнечный день, и все липли к иллюминаторам, с такой жадностью разглядывая проносящиеся внизу и
мимо пространства, будто и в горах ни разу не были, будто все это впервые.
И это суровое плетенье инымьчекских протоков и галечниковых кос, и
редкий ельничек у лавинных конусов пика Нансена, и светлый камешек
громадной гранитной глыбы на поляне Чон-Таш с невидимыми сверху, но
памятными каждому альпинисту именами тех, кто навсегда остался в снегах
Победы, и безжизненный, весь в буграх и воронках охристый язык
погребенного под моренным чехлом ледника, из-под которого так
неожиданно, полноводно и сразу берет начало река Инымьчек. Затем хаос
морен расслоился, пролегли в горную даль полосы камня и грязно-белого
льда, промелькнуло зеленое пятнышко поляны, а по другую сторону ледника
— крошево айсбергов озера Мерцбахера, надвинулся ржавым утюгом
скальный мыс хребта Тенгри-Таг; за ним завьюженный купол пика

Петровского, снеговые всплески пиков Советская Киргизия,

Максима
Горького и Чапаева, а там, дальше, чуть ли не в самых истоках полосатой
ледяной брони выступило мраморное ребро Хан-Тенгри и сам Хан-Тенгри,
торжественный аккорд горной стихии, выше и прекрасней которого, кажется,
уже ничего не может быть.
Но это слева и прямо по курсу, а сюда, правей, по южную сторону от
Иныльчека, в короткие раструбы боковых отрогов то открывалось, то
исчезало за кулисами ближних склонов ледовое тулово хребта Кок-Шаал-
Тоо, слепя своей мощью, своей грандиозностью, дразня близостью еще более
мощных и грандиозных видений. Вот проплыло устье ледника Пролетарский
Турист с вздымающимися над ним стенами еще не покоренного никем пика
6744, вот показалось широкое сопряжение Иныльчека и одной из главных его
ветвей — восемнадцатикилометрового ледника Звездочка, там, со Звездочки,
взгляду открылась бы вся Победа, от седловины Чон-Терен до пика Важа
Пшавела, но вертолет не долетает до Звездочки, он закладывает крутой
вираж вправо, сбрасывает высоту, потому что внизу ледник Дикий! Вон, под
склоном, площадка базового лагеря. Вон, впереди, размаркированная
группой разведки посадочная площадка. А прямо перед тобой, нос к носу,
главная вершина Победы, даже в ясный день овеваемая космами не то
поземки, не то рождающихся облаков.
Пошли на посадку. Цельман садился на ледник уверенно, но двигателя
не выключал — все-таки 4200! Невольно сгибаясь, бегали под звенящим
вихрем лопастей, громоздя на подтаявшем льду ящики, газовые баллоны,
палатки и рюкзаки. Хотелось обернуться, глянуть на Победу,

она сияла,

казалось бы, на расстоянии вытянутой руки, но Игорь торопил. Работы

много, а что приготовит погода на завтра — неизвестно. Он улетел, а они

принялись перетаскивать грузы на ровную галечниковую площадку с

озерцом, обжитую еще грузинскими альпинистами в шестьдесят первом году

и теперь застолбленную разведочной группой. . Да и нет на Диком другой

такой удобной во всех отношениях поляны. Правда, до площадки далекова-

то, с километр, а груза столько, что каждому пришлось сделать по пять

ходок. Они разбивали лагерь, ставили палатки, задыхаясь от резкости и

чистоты воздуха, от радости и остроты первых минут долгожданного

возвращения к большим вершинам. Сначала воздвигли кухню, затем

огромную армейскую палатку — кают-компанию, а когда расставили жилые

палатки, разбросали поролон, спальные мешки и все то, что нужно для

отдыха, к тому времени подоспел и ужин. Дежурные забренчали посудой, все

потянулись в кают-компанию, зазвучали под брезентовыми сводами

прибаутки оттаявшего к вечеру Николая Ивановича, явно довольного тем,

что так ладно добрались, устроились, что все наконец-таки собрались одной

семьей и теперь сидят за его столом.

— А вот кашка манная, что ночь туманная...

— А вот шанежки, ребята! Шанежек, а?

Над столом блеснула бутылка шампанского.

—Символически, ребятки! С прибытием! За удачу! За гору!

Стало тесно от гула голосов, шуток и смеха, дружеского расположения

друг к другу давно не видавшихся и наконец встретившихся людей. Где-то

остались семьи, жены и дети, отчества, должности, профессии, здесь они
вновь становились людьми одного дела, одного ранга, как это бывает только
в молодости, у солдат-погодков да студентов. Здесь все они Коли, Левы,
Жени, хотя у Жени вовсю просвечивает лысина, а Толина шевелюра
основательно подбелена сединой — в этом ли дело?
Встает Шалаев. Теперь он отнюдь не повар, он грозный начспаса, и
всякая такая лирика его не занимает.
—Теперь так. Кто не оформит документы, пусть не надеется, на
маршрут не выйдет. Вопросы есть?
Приступили к своему делу врачи. Леша Шиндяйкин приволок целый
мешок витаминов и теперь потчует всю братию. Какие-то особые таблетки
он скармливает контрольной группе. Контрольная группа задирает нос и
начинает злоупотреблять своим положением.

—Эй, вы там, — командует Курочкин, — дайте печенье контрольной
группе!
Все впереди! Бураны, снег по плечи, мороз и скальные стены на семи
тысячах, а пока можно млеть над Ножкой горячего чая, что-то говорить,
кого-то слушать, до слез смеяться над шутками, которым внизу едва ли и
улыбнулся бы.
— Николай Иванович! У тебя бутыль спирта была, нельзя ли ее. .
символически. .
— А ничего кашка, естся!
— Где сахар? Сахар не просматривается!
— Ого, палтус-то о двух концах!
Расходились поздно. Снизу шли тучи, затягивали вершины; над темным
фронтом непогоды в разрывах облаков одиноко, прекрасно и жутковато

светила какая-то звезда.

—Вон покатилась, и я загадал.

Выйти живым из боя…

Тут только пришла минута в молчании подумать о том, что сегодня

девятнадцатое июля. День рождения Эли! Как-то они там, на «Корее»? Что у

них?

ТРЕНЕРСКИЙ СОВЕТ. ПОБЕДА

Снег зарядил еще ночью, и к утру навалило с полметра. Но Овчинников

поднял всех на разминку, на расчистку лагеря, а снег все продолжал идти,

гор не было видно, и Балинский все думал о том, что же делается там, на

«Корее»? Но у них своя погода, наверное, а здесь своя. Пошли на завтрак, да

так чуть ли не весь день в кают-компании и просидели, благо Николай

Иванович по случаю ненастья был щедр и на чай и на кофе, и только когда

палатка вконец проседала под тяжестью снега, выгонял всех на авральные

работы.

Планы у буревестниковцев, как всегда, намечались большие. Уже одно

то, что для участия в первенстве СССР заявлено две группы,

свидетельствовало о серьезности их намерений. Группа Валентина Иванова

должна была совершить первовосхождение на пик 6744, а затем пройти

траверс всего массива пика Победы с запада на восток. Не менее сложную

задачу предстояло решить группе Валентина Божукова — еще никем не

хоженный траверс пиков Сланцевый — Хан-Тенгри. В случае успеха оба

маршрута могли принести экспедиции медали всесоюзного чемпионата, и не

было ничего удивительного в том, что этим группам и

уделялось основное

внимание.

Две другие группы принимали участие в первенстве «Буревестника».

Группа Юрия Скурлатова готовилась к восхождению на Хан-Тенгри с

ледника Семеновского по классическому маршруту, группа Володи Боброва

— на Победу через пик Важа Пшавела. О каждом из этих восхождений

можно было только мечтать, и, когда появилась возможность выбора, Толя

не знал, на что и решиться. Все-таки он побаивался за себя, за спину, боялся

подвести других. Кочетов был только за Победу. Стрельцов только за

Победу. Но ведь и группы, отправлявшиеся на Хан-Тенгри, тоже

рассчитывают подняться потом на Победу; заманчивый вариант — испытать

себя сначала на «Хане»!

И Балинский сказал:

— Методически правильней было бы сначала сходить на Хан-Тенгри.

— Видишь ли, видишь ли, видишь ли, — взволнованно зачастил Володя

Кочетов, — а ты уверен, а ты уверен, что Победа тебя будет ждать, ты

уверен?

Но слово было сказано, и на тренерском совете Овчинников включил

Балинского в группу идущих на Хан-Тенгри.

—К ханыгам, значит, — ревниво сказал Володя, — ну что ж, счастливо!

Балинский хмурился. Он уже жалел о своем решении. При чем тут Хан-

Тенгри? Конечно, ему всегда хотелось побывать на этой красивейшей

вершине Тянь-Шаня, но что Хан-Тенгри, если он весь этот год, сразу же

после осеннего письма Гены Курочкина думал только о Победе! Черт дернул

его за язык! Ему нужна Победа! И именно в этом году!

. .О Победе Балинский знал все. Все то, что можно выудить из ежегодников и географической литературы. Так уж привык, если готовиться к чему-нибудь, то готовиться основательно, с минимальным допуском, как бы подчас ребята над такой старательностью ни посмеивались. Смотрел, конечно, и отчеты. Те, что хранятся в Федерации альпинизма.

. .Самый северный семитысячник на земном шаре. Вторая по высоте вершина советской земли. И. . наверное, первая по числу разыгравшихся на ее склонах трагедий К лету 1967 года на ее вершине побывало всего лишь двадцать пять человек, а рассчиталось жизнью за поединок с ней двадцать девять. И поэтому к тому грозному арсеналу оружия, которым Победа отстаивала свою неприкосновенность от посягательств человека, добавилось еще одно, самое, пожалуй, неприятное, — психологический шок.

Хан-Тенгри — это пик. А Победа — это даже не вершина, не гора, это целое горное поднятие, угрожающе-свирепое и могучее, как туша мамонта.

Вся в вихрях вздымаемых ветром снегов, в лавинных застругах, в изорванных трещинами и сбросами ледовых наплывах, в припудренных морозным инеем скальных поясах, Победа достойно венчала высочайший хребет Центрального Тянь-Шаня, самый суровый и отдаленный от человеческих поселений, — хребет Кок-Шаал-Тоо. Она вздымалась над ним, как исполинский горб, и восходителям, поднявшимся на этот горб, всегда стоило труда отыскать среди хаоса скал самую верхнюю точку, а вместе с ней и вершинный тур. И потому у вершины было несколько туров, а восходители не всегда снимали записки своих

предшественников, и люди не
всегда верили друг другу, что те и другие были на вершине и именно на
одной и той же.
К Победе ведут два пути. По леднику Дикий — к Западной вершине. По
леднику Звездочка — к Главной и Восточной. Высота Главной 7439 метров;

Западной, названной грузинскими альпинистами пиком Важа Пшавела, —
6918 метров, Восточной — 7079 метров. Восточную вершину называют еще
пиком Достук, что в переводе с киргизского означает «дружба». Еще одно
характерное возвышение массива, расположенное между пиком Достук и
Главной вершиной, получило название пика Советской Армии. Весь этот
массив обрывается к Звездочке и к Дикому трехкилометровой по высоте
стеной, и единственным путем подъема на Главную вершину отсюда
является северный гребень. Да и тот как гребень отчетливо выражен лишь в
средней части. Ниже 5900 расходящиеся в стороны ветви гребня охватывают
обширный треугольник ледовой мульды, мощной ступенью вздымающейся
над Звездочкой. Ступень служит Победе могучим пьедесталом, а ее крутые
склоны дают человеку очень немного возможностей для выбора мало-
мальски безопасного пути: все перегружено снегом, все дышит
предчувствием лавин.
Таков самый прямой, самый, казалось бы, логичный маршрут на
Главную вершину Победы. Ну а погода, она одинакова для всех маршрутов,
хотя, конечно, замкнутый характер Звездочки, ограниченной со всех сторон
высочайшими вершинами района и огромными массами льда,

создает свой,
особенный микроклимат. Самый теплый месяц — июль. Но именно в июле
выпадает максимальное количество снега, а морозы наверху доходят до
минус 40 градусов, подчас при сильных ветрах. С набором высоты
увеличивается и скорость ветра. С 5500 воздействие западного воздушного
течения сказывается постоянно, достигая ураганной силы. Можно идти в
самый солнечный день, а дня не видеть, так пуржит по склону сдуваемый
снег, не давая дышать, смотреть, покрывая лица ледовой маской. Конечно,
бывает и нормальная погода. Нормальная для Победы. С утра ясно. С обеда
снегопад, ветер, туман. Это в лучшем случае. В худшем многоступенчатые
циклы затяжной непогоды, что при отсутствии легких путей спуска делает
любое восхождение на Победу предприятием особым, а для большинства
отважившихся на него и единственным на всю жизнь.

229

Для тех, кто впервые, 19 сентября 1938 года, оказался на вершине
Победы, такой горы просто не существовало. Было твердо известно, что
высочайшая отметка Тянь-Шаня — это Хан-Тенгри, а все прочие вершины
должны быть и ниже и проще. А поскольку Хан-Тенгри и тот уступил людям,
должна была уступить и эта безымянная гора, облюбованная молодыми
альпинистами из экспедиции профессора Августа Андреевича Летавета в
верховьях ледника Звездочка. Правда, она оказалась довольно строптивой,
но, поскольку ее предполагалось назвать пиком XX лет ВЛКСМ, а
восходители были комсомольцы, не взойти они сочли для себя делом

совершенно немыслимым. В начале восхождения один альпинист провалился

в трещину и получил травмы, двое заболели и четверым пришлось

сопровождать их вниз. Но трое все-таки продолжали подъем, и, несмотря

на непривычно обильный снег и непогоду, одиннадцатый день штурма

оказался для них победным; Их старенький альтиметр показал высоту 6930

метров, и никто в этих показаниях не усомнился. Не могла же их вершина

быть выше Хан-Тенгри!

Погиб, сгорел в танке в боях под Ленинградом руководитель группы

Леонид Гутман. Воевал на Кавказе, снимал фашистский флаг с Эльбруса

Александр Сидоренко. Партизанил в тылу врага минер и разведчик, о храбро-

сти и мужестве которого писал стихи Маршак, мастер спорта по лыжам и

альпинизму Евгений Иванов. А в это время, в трудном 1943 году, на

Иныльчеке работала экспедиция военных топографов, которая в верховьях

Звездочки сделала выдающееся географическое открытие, отмеченное

впоследствии Большой золотой медалью Семенова-Тян-Шанского, —

топографы обнаружили вершину высотой в 7439,3 метра, то есть вторую

после пика Коммунизма вершину советской земли. Так появился на картах

Тянь-Шаня пик Победы. Однако понадобились годы, усилия многих

экспедиций, тщательные сопоставления данных инструментальных съемок,

фотографий, воспоминаний участников, чтобы наконец прийти к

единодушному Мнению, что пик XX лет ВЛКСМ и пик Победы — это одна и

та же вершина.

1955 год. На штурм Победы выходят две соперничающие команды.

Команда В. Рацека выбирает путь Гутмана. Команда В. Шипилова —

восточный гребень, от перевала Чон-Терен. Блеск вершины в глазах! Обе

команды спешат, они так боятся, что Победа достанется кому-то другому!

Всесоюзная секция альпинизма устанавливает очередность, узбекские

альпинисты имеют право выйти на маршрут только после спуска

алмаатинцев. Но ташкентцы это указание нарушают.

Теперь, когда альпинистами накоплен обширнейший опыт высотных

восхождений, обреченность обеих экспедиций на неуспех особенно очевидна

Ни одного акклиматизационного выхода. Не побывав на 6000, люди рискуют

идти сразу на 7000. 12 августа в базовый лагерь на 4200 поднялась последняя

группа казахских горовосходителей, а уже 14 числа команда выходит на

штурм вершины.

В ночь на 20 августа в районе Иныльчека резко ухудшилась погода.

Собственно, это был обычный для условий Победы буран, но из 12 человек

группы В. Шипилова, достигшей к этому времени высоты 6930, в живых

остался только один Урал Усенов, провалившийся в трещину при попытке

спуститься с гребня и совершенно случайно обнаруженный там

спасательным отрядом. Обычный победовский буран. Но у людей, не

прошедших акклиматизации и до предела вымотанных высотой, не было сил,

которые они могли бы этому бурану противопоставить. . Узбекские

альпинисты были отозваны с маршрута 25 августа, с 6400. Они должны были

принять участие в оказании помощи алмаатинцам. Но и они спустились в

таком состоянии, что за десять дней спасательных работ ни один человек из

экспедиции В. Рацека не смог подняться даже на Чон-Терен.

1956 год. Объединенная экспедиция московского «Спартака» и

казахских альпинистов под руководством Виталия Абалакова. В группе

восходителей и Урал Усенов, единственный свидетель трагедии на

Восточной Победе. Восхождение готовится с характерной для Абалакова

обстоятельностью, с забросками, с рытьем пещер на каждом биваке, с

челночными выходами на более высокие отметки и отдыхом в более низких

промежуточных лагерях. Упорная, кропотливая работа. В итоге успех. Путь

Гутмана пройден, все одиннадцать восходителей достигают высшей точки

Тянь-Шаня — Главной Победы

1958 год. Экспедиция альпинистов Высшего технического училища

имени Баумана и МГУ под руководством Игоря Ерохина. Вновь очень

серьезная работа по акклиматизации, заброске промежуточных лагерей и как

результат уверенная победа. Да еще какая! Сорок четыре альпиниста, из них

три женщины, поднялись на Восточную Победу, семеро продолжили

маршрут до Главной Победы со спуском по северному ребру маршрутом

групп Гутмана и Абалакова. Первый траверс Победы! Кажется, с проблемой

покорения самого северного семитысячника наконец покончено.

1959 год. На Победу собираются узбекские альпинисты под

руководством Рацека, и вновь по северному ребру. Не претерпела изменения

и их тактика — подъем с ходу, с постепенно замедляющимся набором

высоты. Впрочем, небольшая особенность. С основной

группой идут и
вспомогатели, они принимают участие в обработке маршрута, в доставке на
верхние отметки снаряжения и продуктов питания, а затем, когда их
физическая и техническая подготовка не позволит идти дальше, должны
вернуться вниз.
Итог — трое погибших. Замерзли, скончались от физического
истощения. Да и положение штурмовой группы, спустившейся на 6600 на
помощь своим вспомогателям, тоже катастрофично — начался буран,
пришлось отсиживаться, теряя с каждым часом остатки сил и воли. Кто
знает, кого еще недосчиталась бы экспедиция В. Рацека, если бы не помощь
альпинистов Витольда Цверкунова и Алексея Вододохова, вдвоем
пробившихся сквозь буран на помощь к потерявшим всякую надежду людям.
1960 год. Объединенная экспедиция ВЦСПС и узбекских альпинистов
под общим руководством К. Кузьмина. Задача — снять с северного

гребня тела погибших в 1959 году и, разумеется, совершить восхождение.
Экспедиция прекрасно оснащена, из 50 участников больше половины имеют
опыт высотных восхождений. Кирилл Кузьмин руководил спасательными
работами на Восточной Победе в 1955 году. Хорошо знают северное ребро
узбекские альпинисты.. В первый же выход при подъеме на плато 5200
команда попадает в лавину, десять человек погибают. Такого мгновенного
жестокого удара Победа людям еще не наносила.
1961 год. Экспедиция грузинского альпинистского клуба имени Алеши
Джапаридзе. Задача — подъем с перевала Дикий на пик 6918 и траверс всего

массива Победы, до Чон-Терена. В составе команды сильнейшие грузинские
альпинисты, в том числе и Миша Хергиани. Как знаток района и опытный
высотник, на траверс приглашен Кирилл Кузьмин, чудом оставшийся в
живых на северном ребре Победы в 1960 году. . И снова третья подряд ка-
тастрофа на Победе, которую, казалось бы, абсолютно ничто не
предвещало. . Впрочем, сразу за пиком Важа Пшавела почувствовал слабость
Миша Хергиани — младший двоюродный брат Хергиани-старшего. Однако
группа продолжает подъем, пока на 7350 Хергиани-младший не
останавливается совсем, не в силах сделать вперед ни шагу. Но и тогда
группа не отказывается от замысла взойти на Главную Победу. Хергиани-
старший один начинает спускать своего брата вниз, один на семитысячной
высоте! А четверка продолжает подъем. Очень уж близка вершина, как
отказаться от нее! И они взошли. И на обратном пути в начавшейся непогоде
теряют друг друга. И одна из двоек проводит ночь без палатки и спальных
мешков. Заболел и умер Илико Габлиани. Сорвался вместе с плохо
закрепленной веревкой Теймураз Кухианидзе. Лишившись вместе с
товарищем последней веревки, Кузьмин и Джумбер Медзмариашвили
вынуждены идти без страховки, и Джумбер срывается. К людям Кирилл
Кузьмин спускается один.
1967 год. Экспедиция челябинцев под руководством Александра
Рябухина. Надо было обладать немалым мужеством, чтобы после целого ряда

жестоких неудач, постигнувших предшественников, решиться

не просто на
восхождение, а более того, на полный траверс всего массива, от пика Важа
Пшавела до перевала Чон-Терен. Растяжение плечевого сустава, полученное
при подъеме на западную, заставляет Рябухина сойти с маршрута, его
вынуждены сопровождать трое. Но оставшаяся четверка продолжает борьбу.
Двадцать дней длится траверс. Победа Виктор Рязанов, Борис Гаврилов,
Георгий Корепанов и Сергей Сорокин впервые проходят весь массив грозной
горы, еще раз доказав, что на Победу можно ходить и по самым сложным
маршрутам.
1969 год. Вновь под склонами Победы узбекские альпинисты. Свою
экспедицию они считают делом спортивного престижа и долга перед
памятью тех, кто погиб на этом маршруте. Маршрут тот же, но тактика
другая. И это приносит свои плоды. Под руководством Вадима Эльчибекова
десять узбекских горовосходителей наконец одерживают победу в
многолетнем поединке с северным ребром.
Успешно проходят также восхождения на Победу команд донецких и
казахских альпинистов. Все уверенней чувствуют себя люди в единоборстве
с могучей горой, счет в пользу человека.
И вот год 1970-й. Кажется, люди решили за один раз осуществить все то,
что пытались, что сделали и что еще не успели сделать за все почти четыре
десятилетия своих взаимоотношений с великой вершиной. Как-то все
сложится? Ведь Победа есть Победа! Очень много народа, очень много
случайностей может возникнуть на завьюженных кручах тянь-шаньского
семитысячника; научились чему-нибудь люди на опыте своих
предшественников или не научились?

ПРИКИДКА. ИТАК, СЕВЕРНОЕ РЕБРО

Прилетел Галкин, внес в состав групп окончательные коррективы.

«Киргизы» пойдут вместе. Все трое. А если успеет подъехать Тустукбаев,

234

значит, их будет четверо. И пятеро из «Буревестника», пойдут на Победу

через пик Важа Пшавела. Но это потом» после работы на северном ребре.

Кстати, это и будет акклиматизацией, ведь надо подняться почти на 6400.

Дело предстояло особое. И. . для людей с крепкими нервами. Надо было

выйти на 6400 и там, на северном ребре, попытаться найти тела погибших в

1959 году, которые прошлым летом якобы видел Вадим Эльчибеков. Найти и

по возможности спустить. Каким образом? Ну сначала нужно все

посмотреть. И прежде всего из кабины Ми-4, за штурвалом которого Игорь

Цельман.

Так это началось. Слетали на разведку, бросили на 7000 канистру с

бензином, которую потом так и не нашли, а на 5300 — ящик с продуктами.

Потом собрали рюкзаки, вышли с Дикого и через три часа ходьбы были на

Звездочке, в лагере ленинградцев-спартаковцев и их одноклубников —

«камчадалов».

Люся Аграновская и Петр Петрович Буданов напоили чаем, показали

дорогу. Прошли место, где в 1969 году стоял Эльчибеков, встретили на

ледопаде Аграновского и Клецко. Сильнейшие альпинисты будановской

экспедиции Герман и Борис спускались с северного ребра, куда ходили на

заброску и рытье пещер. Обменялись текущей информацией.

Пожелали друг
другу хорошей погоды, разошлись в разные стороны. Одни вниз. Другие
вверх. К 6400 шли Виктор Галкин, Анатолий Балинский, Владимир Кочетов,
Евгений Стрельцов, Аркадий Маликов, Михаил Леднев, Семен Игнатьевич
Артюхин, «док» Шиндяйкин.
Собственно, совершенно незнакомых людей в группе не было. Маликова
ребята знали по экспедиции 1968 года Миша Леднев — коренастый,
спокойный, с походкой вразвалочку и с неизменной улыбкой — был вместе с
Галкиным в одной экспедиции еще в 1959 году. Семен Игнатьевич Артюхин?
Володя Кочетов встречался с ним на пике Коммунизма; участвовал Артюхин
и в экспедиции 1968 года. Он был среди встречающих во время выброски
парашютистов на полку 6100, был со спасателями, вышедшими на помощь

группе Божукова в район ледника Большая Саук-Дара. Словом,
встретившись на улице, они могли при случае и узнать друг друга, и
поговорить об общих знакомых, о новом ежегоднике, о том, кто, куда, когда
собирается, но, если уж иметь в виду Победу, такая группа более подходила
не для восхождения, а, скажем, для популярных ныне экспериментов по
изучению человеческой несовместимости. Не было схоженности. Были лишь
индивидуальности и завидная, непоколебимая уверенность Галкина в том,
что у него все получится, что при желании и энергии можно добиться всего,
даже невозможного. Потому, видимо, он и откликнулся на просьбу
Артюхина; ему нравились люди, обращавшиеся с такими просьбами.

Артюхину 57 лет. Для иных его сверстников кажется бедствием даже
временная неисправность лифта, а Семен Игнатьевич бегает кроссы на приз
газеты «Правда», на приз Юрия Гагарина, он мечтает подняться на Победу и
не желает смириться с мыслью, что время для таких восхождений для него
прошло. Но в его возрасте на Победу и в самом деле никто не ходил, и вряд
ли нашелся бы хоть один начальник экспедиции, капитан какой-нибудь
спортивной группы, который взял бы на себя такой риск — включить в
группу идущих на Главную вершину пятидесятисемилетнего человека... На
подобное мог решиться пожалуй что Галкин, и Галкин действительно
пригласил Артюхина под «буревестниковские» знамена, стоило лишь Семену
Игнатьевичу заикнуться о своей мечте.

Кадровый военный, подполковник в отставке, один из старейших
мастеров спорта, Артюхин ходил в горы с армейскими альпинистами и
потому в экспедиции «Буревестника» с ее студенческим, «мэнээсовским»
духом чувствовал себя не очень уверенно. Конечно, здесь тоже была
дисциплина, но она ничуть не напоминала армейскую, а звания, должности и
даже возраст не избавляли от дежурств по кухне, от шуток и розыгрышей, от
упрямых, задиристых оппонентов, которых в споре могло убедить только
дело.

— Ладно, — разряжал обстановку Галкин, когда заходила речь об

Артюхине, — я на вас посмотрю, когда вам стукнет столько же, соберетесь
вы тогда на Победу?

На 5300 шли в свитерах. Сыпалась крупка, солнце едва

угадывалось,

однако холода не ощущалось — самая «ходовая» погода. Обилие трещин

вынуждало маркировать путь, но это не замедляло движения. Подошли к пе-

щере «камчадалов», нашли свой ящик. Пещера оказалась роскошной, из двух

«комнат», в такой только отсиживаться, никакой буран не проймет!

На следующий день поднялись на 5800, оставили заброску, вернулись на

5300 для отдыха. Через день вновь пошли на 5800. След замело, а когда

добрались до заброски, погода испортилась. Снег плывет, он по грудь, все

зыбко, ненадежно, очень нехорошая снежная обстановка, того и гляди. .

Впереди работает тройка Балинский — Стрельцов — Маликов. Локтями,

коленями они приминают, утрамбовывают снег, но эти создаваемые с трудом

опоры почти не держат. Осторожность. Осторожность. Осторожность. Так

выбрались на 6000. Галкин, Шиндяйкин и Артюхин поставили палатку,

принялись готовить ужин, все остальные прошли на веревку, выше и под оче-

редным снежным надувом начали рыть пещеру. Рыли долго, часа четыре. К

досаде, попали на трещину, оттуда засквозило чуть ли не ветром. Но не

бросать же «деланное. — Балинский! Балинский! Бали-и-и-инский! Толя

прислушался. Зовут или показалось? Выглянул из пещеры, глянул вниз и

невольно, не удержавшись, засмеялся. Внизу, под обрывом стоял Галкин.

Отворачиваясь от низвергающихся на него снежных ручьев, едва

укрепившись на остром гребешке, он в терпеливо вытянутых кверху руках

держал исходящую аппетитным парком кастрюльку. Это смирение и забота,

эта кастрюлька, эта утонувшая в снегу фигурка и воздетые

руки так не вяза-
лись с открывающейся сразу за спиной Галкина завьюженной бездной,
пугающе громадным и безжизненным миром Победы, что только
рассмеяться и оставалось. Да и как объяснить, отчего стало смешно в столь
неподходящую минуту? От хорошего самочувствия? От появившейся уве-
ренности? Что же, они действительно прошли один из самых неприятных

участков северного ребра, они его прочувствовали, убедили себя в том, что
маршрут «идется», что Победа — это, в общем-то, обыкновенная гора,
только повыше, понеприветливей других, только требующая чуточку больше
терпения, труда и спокойствия. Чуточку больше!
Ночью проснулись от удушья, зажгли фонарь. Они и не слышали, как
сверху сошла лавина и наглухо запечатала вход. Вот когда пригодилась
трещина! Дыру проделали легко, сразу пошел чистый воздух, можно
пробиваться на поверхность. Но что там сейчас, на поверхности, день или
ночь? У кого часы?
Откопавшись, пошли наверх. Надо было оставить заброску на 6200,
разведать, что мог видеть здесь Вадим Эльчибеков. На пути вырос мощный
карниз, вперед вышел Кочетов. Над ним стена из льда и фирна, но это дело
знакомое, на то и мастер. Володя наверху, он принимает Стрельцова, затем
Балинского, за Балинским идет Маликов. Долго нет Артюхина. Что-то у него
с кошками или еще что, не понять. Конечно, это очень здорово, когда
человек не намерен мириться с возрастом, хоть в чем-то отстать от
молодых. . Не обернется ли только это самолюбие боком для

тех, кто идет
рядом?
Балинский хмурится. Он понимает Артюхина, сам поступает точно так
же, намереваясь идти на Победу! А ведь едва ли он может поручиться за
себя. Кто знает, что будет наверху с его поврежденной спиной? Конечно,
ребята знают о травме, а спина пока ничем себя не выдает. Но это здесь,
внизу, а каково будет на семи тысячах, где, казалось бы, ни с того ни с сего
вдруг отказывается работать организм у самых подготовленных и
закаленных людей?
Забили швеллерный крюк, сбросили вниз веревку. Теперь Семену
Игнатьевичу будет проще подняться, а значит, меньше уйдет времени. Взлет
за взлетом гребень упрямо набирает высоту, свешивая с наветренной сторо-
ны колоссальные карнизы. К вечеру под грядой скалок наткнулись на
вытаявший из снега заржавленный ледоруб, чуть поодаль заметили носок

альпинистского ботинка. Да, прав Эльчибеков, что-то есть. Сняли шапки,
помолчали, оставили под скалами заброску, пошли вниз. Программа
акклиматизационного выхода выполнена, и теперь оставалось разве что
благополучно спуститься в базовый лагерь.
За минувшие дни снег уплотнился, под ногами жесткая доска, идти
хорошо, но уж больно потрескивает наст, не из приятных это ощущение! В
любое мгновение могла сойти лавина, и они двигались с предельной
осторожностью, с попеременной страховкой. Близ 5400 встретили группу
Люси Аграновской. «Камчадалы» шли на восхождение и несли им яблоки.

Грешно было бы не запомнить вкус этих яблок. Ведь люди шли наверх. И

каждый грамм веса в их рюкзаках был на учете. И вдруг яблоки для какой-то

там группы... Просто так, в знак внимания... Не каждого хватит на то, чтобы

думать о подобных вещах во время поединка с Победой. . Впрочем, не

каждый и ходит на Победу!

У пещеры на 5300 отдохнули, погрелись на солнышке. Только собрались

идти, послышался гул моторов. Игорь Цельман сбросил вымпел с запиской и

ящик яблок. Опять яблоки! День жаркий, снег раскис. Но ничего, спустились

благополучно. Наверное, все правильно делали. Уже в сумерках увидели у

озера чьи-то палатки, начали перекрикиваться через ледопад. Оказывается,

челябинцы. Саша Рябухин, Борис Гаврилов. . Челябинцы шли к Чон-Терену,

на траверс Победы. Счастливо вам, ребята! Погоды!

Стало совсем темно. Да, припозднились, очень уж был неприятен спуск.

Поплутали, поискали тропу, но все-таки вышли к лагерю ленинградцев, к

Буданову. Вновь человеческое радушие, забота, горячий ужин и место в

палатке. Кончен акклиматизационный выход. Сомнения, варианты — все

позади. Утром в лагерь на Дикий, несколько дней отдыха, и вновь сюда, под

северное ребро. Нет нужды что-то переиначивать, что-то менять.

Они идут на Победу. С севера.

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ. ПОСИДЕЛКИ ПОНЕВОЛЕ

Группа Вали Иванова улетела в Тамгу. На курорт. Нет, действительно на

курорт, на южный берег Иссык-Куля, в самый натуральный санаторий, чего в

истории высотных экспедиций, пожалуй, еще не было. Они

заслужили такую
вылазку: сделали заброску на пик Важа Пшавела, разведали и частично
обработали выход на гребень пика 6744 и теперь, накануне восхождения,
могли на целую неделю окунуться в «навязчивый сервис». Днепропетровцы,
видевшие этот «выход», поговаривали, что надо иметь по две головы на
брата, чтобы решиться на такой маршрут. Траверсанты оценивали его более
спокойно, видимо, привыкнув к нему за дни заброс ок. Уверенности, с ко-
торой они говорили о предстоящей работе, способствовало, наверное, и то
обстоятельство, что команда имела отличную схоженность, очень сильный
состав и, уж конечно, участие такого авторитета, как Анатолий Георгиевич
Овчинников. Кстати, улетая на Тянь-Шань, Анатолий Георгиевич клятвенно
заверил своих домашних, что едет всего лишь отдохнуть, посидеть в базовом
лагере и пофотографировать, словом, отвлечься от городской суеты. . У
Овчинникова были свои счеты с Победой. Ведь он уча ствовал в экспедиции
1960 года и лишь по чистой случайности опоздал к выходу на 5200...
С траверсантами улетел и Галкин. Следующим рейсом должна была
отправиться на отдых труппа восходителей по северному ребру, но Игорь за
ними не вернулся. Сначала испортилась погода. Потом они не знали, что и
думать. Это были томительные, долгие от безделья и ненастья дни. А еще от
неопределенности, от того, что не было Тустукбаева, вестей из Ала-Арчи, и
настроение у Толи падало день ото дня. Что там, на стене? Все сроки про-
шли, как понимать это молчание? Нет, еще день, два, и, если от Эли ничего
не будет, рюкзак за плечи и в Ала-Арчу. Хоть пешком!

В Тамгу так и не выбрались. Выяснилось, что в Майда-Адыр не пришел
бензовоз с горючим. Слонялись по лагерю, с завистью смотрели, как по
северному ребру тянулись к вершине связки группы Люси Аграновской, су-

мерничали в палатке у Опуховского. С Львом Евгеньевичем Толя
познакомился в экспедиции 1968 года на Фортамбеке и теперь, бывая в
Москве, нередко заходил в старый, изрядно обветшалый дом на Селезневке,
отзывающийся на каждый проходящий мимо трамвай трех-, а то и
четырехбалльным землетрясением. Обшарпанный подъезд, четвертый этаж,
запущенная сумрачная коммунальная квартира, а в ней, как оазис, как
дружеское напоминание о горах, о всем том, что было в этих горах доброго и
дорогого, комната Льва Евгеньевича! И сам Лев Евгеньевич, неторопливый,
обстоятельный, ничуть, кажется, не меняющийся с годами, как будто ему
удалось раз и навсегда уладить свои взаимоотношения с быстротекущим
временем. Вечно загорелое, и зимой не бледнеющее лицо, алюминиевая
щетина куцей хемингуэевской бородки, неизменная трубка, неизменно
добродушное, хрипловатое «гхы-гхы», означающее заразительный смех,
неизменное чаепитие вприкуску с карамелькой, вприглядку с фотографиями
и альбомами, которыми завален весь стол. . Трудовую карьеру Лев
Евгеньевич начал с токаря, кончил начальником цеха, занимаясь
авиаприборами, автоматикой.

Это официальная, будничная страница уже прошедшей жизни.

Праздничная и все еще продолжающаяся — это горы. Когда-

то, еще до
войны, Лев Евгеньевич поехал к морю и там в случайном разговоре услышал,
что пастухи гонят скот через Кавказский хребет. Решил полюбопытствовать,
пошел с пастухами. С тех пор всю жизнь, каждое лето, а тем более сейчас,
после выхода на пенсию, то ледник Федченко, то Иныльчек, то юго-западный
Памир, то Ванч и Язгулем, то пик Ленина, то Прииссыккулье. Всюду
фотографировал. Фотографии шли в отчеты экспедиций, в ежегодник
альпинизма; за серию снимков «Лавина с Трамплинного ледника» получил
диплом на выставке Интерпрессфото в Гааге. Но выставки Интерпрессфото
бывают не так уж и часто, а ребята, с которыми Лев Евгеньевич сблизился в
горах, появляются регулярно, нет недели, чтобы не забежал то Галкин, то
Добровольский, то Курочкин, то... словом, тут пришлось бы весь «Буревест-

ник» называть, да и только ли «Буревестник»?
Даже о встрече договариваются: встретимся у Льва Евгеньевича. И
встречаются. И гоняют чаи, заваренные Львом Евгеньевичем именно так, как
к этому привыкли в экспедициях. А кто откажется от фотографии, если ее
отпечатал сам Лев Евгеньевич?
И вот новая экспедиция. Кто о Хан-Тенгри мечтает, кто о траверсе
Победы, а у Опуховского свой «пунктик». Скоро семьдесят, кажется, пора и
утихомириться, а Лев Евгеньевич все Ак-Тау выглядывает, видна она за
облаками, нет? Эту вершину, расположенную между Звездочкой и
Иныльчеком, он увидел впервые еще в 1955 году. И с тех пор примеривается,
как бы сходить. Высота за шесть тысяч, и лучшей точки для

фотографирования панорам Тенгри-Тага и Кок-Шаала не придумать. Но один

не пойдешь, а ребят, конечно же, этой горой не соблазнить: ведь прямо

напротив Победа!

Присутствие в экспедиции уполномоченного Федерации альпинизма

Кирилла Константиновича Кузьмина возвращало в мыслях Толю Балинского

к Кара-Кулю, к створу. Не случайно, конечно. Ведь Кузьмин, как и

Балинский, имел к стройке самое прямое отношение. Но если один из них

был рядовым, то второй генералом, не меньше, один видел стройку снизу, из

блоков бетонирования, из сочащихся водой штолен, с трапов и стен, а второй

— с высоты проектных разработок, принципиальных решений, с высоты

стеклянной призмы институтского здания на Ленинградском шоссе,

знаменитого Гидропроекта имени Жука. Кузьмин — заместитель главного

инженера Гидропроекта, за ним техническое руководство крупнейшими

гидротехническими сооружениями Средней Азии и Казахстана, он главный

инженер проекта Токтогульского гидроузла и. . заслуженный мастер спорта,

тот самый Кирилл Кузьмин, о котором столько рассказывают, столько спорят

и чьей фамилией так рябит любой выпуск альпинистского ежегодника на

протяжении чуть ли не трех десятилетий.

Он начал заниматься альпинизмом, еще будучи студентом, в 1936 году.

Еще до войны он стал инструктором в альпинистском лагере «Торпедо».

Дружил, ходил на восхождения с Евгением Ивановым, Евгением Абалако-

вым — теперешним альпинистам эти имена известны разве что по книгам да

по названиям вершин!

Войну провоевал от начала и до конца. Был командиром отделения,

младшим лейтенантом. В первое же после демобилизации лето уехал в горы,

в Домбай и в 1948 году стал мастером спорта. К высоким горам относился с

опаской и только в 1952 году принял приглашение Затуловского — поехать

тренером в район пика Революции, на Памир. Сходил на 6400 —

понравилось. Попробовал себя на пике Революции, получилось не хуже, чем

у Жени Иванова. Бытовала в ту пору эдакая «теория», дескать, высотник —

это от бога, даже готовиться незачем, если есть выносливость, так она есть, а

нету, так и не будет, как бы ж тренировался. А он, Кузьмин, тренировался

спортивно, и по лыжам у него был первый разряд. Он прекрасно себя

чувствовал на высотах Кавказа, теперь убедился в том, что столь же

благосклонны к нему и высоты Памира. Ну а технические трудности его и

вовсе не смущали — все по силам! Первые места за стенные восхождения

брал, за Домбай-Ульген, за Сонгути, за траверс Шхельды и Ужбы, за Безинги

— куда уж сложней?

В 1955 году делал траверс пиков Ленина — Октябрьский. Чуть ли не с

восхождения был вызван с товарищами на Инылчек, на спасательные

работы, где с ходу в буран пришлось подняться на 7079 — на пик Достук.

Когда шли по Звездочке, на закате в разрывах облаков впервые увидел

Главную вершину. Впечатление было настолько сильным, что не померкло и

по сей день, хотя побывал и на самой горе, сделал с тех пор десятки классных

восхождений на самые именитые вершины.

Несколько раз был на пике Ленина, на пике Коммунизма.

Несколько раз
попадал в самые безвыходные положения, в той же роковой лавине на 5200
северного ребра Победы, на тех же скальных поясах Важа Пшавела, с ко-
торых спустился один с поврежденным при срыве плечом. Да, пожалуй, ни у

кого не связано с Победой столько нелегких воспоминаний, как у него,
Кирилла Кузьмина. И вот он снова здесь, в лагере на леднике Диком, но те-
перь он всего лишь наблюдатель, судья, военный советник тех, кто держит
курс на вершину. Всего лишь? Да нет, есть и свои планы, как это — лето и
без горы? Конечно, все хожено и перехожено, однако есть вершина и для
него. Не Победа, конечно, но очень желанная, как Ак-Тау у Опуховского.
Пик Военных Топографов! Вот куда он непременно сходит!

ВЕЗЕТ ЖЕ ЛЮДЯМ!

Начали поступать первые вести из штурмовых групп. Потерпел неудачу
на Хан-Тенгри со своими товарищами Юра Скурлатов. Они намеревались
подняться по всем известному так называемому «классическому» пути, где,
казалось бы, не могло быть никаких сюрпризов, и все же угроза холодной
ночевки вынудила отступить чуть ли не из-под самой вершины. Вот тебе и
классический маршрут!
Потом в лагерь пришел Валентин Божуков. То, что он рассказал,
подняло на ноги всех. На своем маршруте пик Сланцевый — Хан-Тенгри
группа встретилась с очень сложным снежным гребнем, до предела
перегруженным курчавыми карнизами, столь характерными для Тенгри-Тага

и столь неудобными для альпинистов. . Группа намеревалась пройти гребень

за два дня. А не прошла и за четыре. Пять тысяч — опасная высота для

карнизного гребня; было довольно тепло, размягченный снег не держал, и

каждый карниз, каким бы вычурно-красивым он ни казался на фотографии,

представлял собой прежде всего мину, которая в любое время могла

взорваться. Она и взорвалась. Вверху работала двойка Божуков —

Неворотин, внизу тройка Курочкин — Соустин — Захаров. Внезапно склон

«заиграл», пошла лавина, она сбила тройку, потащила за собой, вихрь

кипящего снега сорвался с ледового сброса, ухнул вниз и исчез за перегибом

склона. Мгновение, и все было кончено. Божуков и Неворотин молча глядели

на то место, где только что были их товарищи. Были. . Как сказать об этом

дома? Женя Захаров живет по соседству, они дружат семьями, у Жени две

дочки. . До ледника шестьсот-семьсот метров. Практически это стена. Каскад

стен...

Оглушенные случившимся, они все еще оставались на месте и смотрели

вниз. И вдруг увидели, как из-под стены в поле зрения медленно вышла

тройка альпинистов и тихо пошла вниз по Иныльчеку. Кто это? Неужели?

Божуков закричал, и снизу едва слышно ответили, помахав руками. Это были

Курочкин, Захаров и Соустин. Невероятно! Нет, все-таки есть чудеса на

свете!

Везет Курочкину на такие истории. Просто-таки любимец фортуны, не

иначе. Вот Божуков. Блестящая альпинистская карьера. Обладатель четырех

золотых медалей, один из первых «снежных барсов», как называют горовосходителей, покоривших все четыре семитысячника страны. Чего только не бывало на этих сложнейших восхождениях, но такого нет, не вспомнить, не похвалиться... Ох Курочкин!

Когда их смахнуло с первого сброса и они оказались в воздухе, все замерло в груди, как при болтанке на самолете. Удар пришелся на ноги, не успел опомниться — второй сброс, второе приземление, теперь уж на голову.

Все померкло, подумал, что еще один такой удар, и спина не выдержит. Надо бы собраться как-то, ведь если до сих пор живой, может, и новый сброс перетерпит? То, что одним щелчком смахнуло их со склона, теперь и спасало. Мокрая лавина! Она держала их в своей вязкой массе, амортизировала удары. И когда скорость немного замедлилась, когда стало возможным разобрать, где верх, где низ, Курочкин стал грести руками, стараясь не остаться на глубине. Но тут они остановились. Их вынесло на ледник, и дальше падать было некуда. Сколько это продолжалось? Минуту? Десять минут? Ощупали руки-ноги, охая и морщась от боли, поднялись.

Побились немного. О склон, о скалы. Веревкой подергало. Но вот удивительно — живы. Перегиб стены закрывал гребень, и тех, кто остался наверху, не

было видно. Надо показаться, успокоить ребят, переживают, наверное.

Распутали веревку, поплелись в зону видимости. А идти трудно, все болит, прокричать бы что-нибудь бодрое, да как закричишь, если у одного рывком веревки помяло грудь, а у другого ледорубом зацепило губу?

Пусть Захаров

откликается. Он целый!

Гена Курочкин- инженер, работает в НИИ.

Летом 1965 года ходил на Алтае в ущелье Шавло. Во время ночевки на

стене пика Сказка на палатку рухнул гранитный блок, чего никак нельзя

было ожидать: площадка казалась совершенно безопасной. Погиб товарищ. У

Гены перебиты обе ноги. Палатка содрана, снесена вниз вместе с рюкзаками.

В группе было четверо. Один, едва рассвело, с трудом спустился за

спасателями, они подошли на третьи сутки. Другой все это время был с

Курочкиным и тем, четвертым, который лежал рядом. Курочкина спускали

на блоках, и в тот самый момент, когда наконец носилки опустились на

ледник, рядом, со свистом разрезая воздух, упал трос — где-то наверху

перетерлось сращение. Так повезло еще и еще раз. Очень везучий человек

Гена Курочкин!

Домой в Москву привезли по горло в гипсе. Только тут осознал, какой

жестокостью может обернуться альпинизм, любовь к горам. Но не по

отношению к самому себе, вот в чем дело. По отношению к близким. Даже

подумал: случись с ним еще раз такая история, дома не переживут. Но

пришло лето, и он снова был в экспедиции, в первый же выход убедившись в

том, что ломаютев не только кости, меняется и что-то в душе. И тут гипс не

помощник, трещина остается. Камешек сверху по осыпи пробренчал. . Ребята

и головы не подняли, а Курочкин вскочил, смотрит. Лед под ногами

треснул. . Все прошли, внимания не обратили, а Курочкин замешкался,

напрягся. Он сам замечает за собой эту скованность, но избавиться от нее

пока не может. Что ж, может быть, такая осторожность и не повредит.

Можно, конечно, посмеиваться над нею, но люди постарше, поопытнее с

шуточками не спешат — понимают. Как понимают и подчеркнутую храб-

рость иного смельчака, по молодости, по наивности своей бесконечно

убежденного в том, что скалы — это надежно, что горы — это незыблемо,

что сам он существо настолько исключительное, что уж с ним-то никогда и

ничего не случится..

7 августа прилетел Цельман, выгрузил загоревших и отъевшихся

«курортников». Тут же улетел в лагерь под Хан-Тенгри за пострадавшими,

хотя пошел снег, и было сомнительно, что Игорь сможет сесть в такую

непогодь. Но он смог. При зажженных фарах. Трудней было взлетать,

поскольку совсем стемнело. Однако Цельману удалось и это. Исполнители

трюкового номера — скоростного спуска на лавине — столь же

благополучно отбыли с Иныльчека на Большую землю, чтобы

незамедлительно заняться там мелким ремонтом своих редкостных персон,

рожденных, по всей видимости, не только в рубашке, но и под счастливой

звездой. Те, кому пришлось наблюдать этот взлет, не могут рассказывать о

нем без экзальтации, без всяческих гиперболических сравнений. В снег, с

фарами, по Иныльчеку?!

С Цельманом пришла почта. А в ней письмо от Эли. Письмо — значит,

жива, значит, можно распечатывать конверт спокойно, без особого страха.

Написала, что отдыхает с ребятами на Иссык-Куле, что все в порядке;

правда, немножко поморозились, но на чолпон-атинском

песке теперь
отогреваются, так что он может о ней не беспокоиться. Потом она уедет в
«Ала-Арчу». Поработает инструктором до конца сезона. Там, когда вернется
с Победы, он ее и найдет...
. .Стену они не сделали. Не зря Толя не находил себе места — «Корея»
Эле запомнится надолго. Едва они вышли на маршрут, началась непогода, и
все пять дней, которые они провели в отчаянных попытках преодолеть
ключевой участок — «рыжие пятнав, со стены лило, им даже приходилось
выливать воду из рюкзаков. Три дня находились в районе первой ночевки. За
день работы Толя Тустукбаев и Женя Слепухин с трудом проходили одну
веревку. Они все больше отставали от графика красноярцев, что действовало

на настроение ничуть не меньше, чем льющийся на голову ледяной душ. 19
июля, день своего рождения, Эля просидела на вырубленной во льду полоч-
ке, глядя, как внизу, под стеной, наблюдатели вытаптывают в снегу всякие
шуточные поздравления, стараясь поддержать их хоть таким образом.
В лагере были обеспокоены, контрольно-спасательная служба
потребовала прекратить восхождение и начать спуск. А четверку спуск
беспокоил ничуть не меньше, чем подъем, и Тустукбаев запросил разрешения
вернуться в лагерь. . через вершину. Они опасались спуска. Опасались
зависания. Случилось то, о чем предупреждали красноярцы, не рекомендуя
отсиживаться на стене более двух суток. А они в ожидании погоды
мученически досиживали пятые и, конечно, уже не годились для столь
сложного лазания. Начались срывы. Ценой предельных

усилий ночью 21

июля четверка спустилась со стены к палатке наблюдателей.

Утром обнаружили, что ледяные ванны так просто не прошли, что

пальцы прихвачены, что если Толе Тустукбаеву и надо куда-то спешить, то

отнюдь не на Победу. Ее придется отложить до следующего раза. А пока на

перевязку, на горячий иссык-кульский песочек, на разбор восхождения, где

придется молча выслушивать замечания даже тех, кто эти «рыжие пятна»

видел разве что на чужих фотографиях.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ИГОРЯ ЦЕЛЬМАНА

Овчинников был выпускающим, и, едва он вместе с траверсантами

появился в лагере на Диком, Балинский и Кочетов принялись упорно его

обхаживать, выпрашивая разрешение выйти на северное ребро.

— Что вы, ребята, — посмеивался Овчинников, — я выпущу, а Галкин

появится, догонит на вертолете, и как миленькие пойдете вниз. Помните пик

Ленина?

Вскоре прилетел и Галкин. Он привез двух роскошных кур и

изготовленные из обрезков арматуры «кошки», наподобие тех, которыми в

деревнях извлекают упущенные в колодец ведра.

Одна курица была растерзана населением базового лагеря. Другую

подвесили к рюкзаку Эдика Мысловского, после чего траверсанты под

прощальное щелканье фотокамер двинулись в свой многотрудный и

неизвестно что приготовивший им путь... После проводов взялись за испы-

тание «кошек». Их привязали к длинной основной веревке, и, когда Игорь

Цельман поднял машину в воздух, группа Галкина —

Балинского приступила

к тренировке, конечной целью которой являлось «проведение транспор-

тировочных работ на северном ребре пика Победы».

Над теоретической разработкой операции трудился и сам Игорь, и весь

имеющий отношение к науке и технике личный состав экспедиции. Суть

заключалась в следующем. На леднике лежит завернутый в спальный мешок

тяжеленный газовый баллон. Это учебный груз. Он обвязан веревкой, конец

веревки в виде петли укреплен над грузом с помощью двух стоек.

Проносится вертолет, с вертолета свисают «кошки», они цепляют петлю, и

груз взмывает в воздух. На бумаге все выглядело убедительно. Благополучно

прошла и тренировка. Теперь надо было повторить все это на высоте 6400, и

к утру 9 августа группа Галкина — Балинского была готова к вылету на

северное ребро.

Взлетели в полдень. День солнечный, грандиозное зрелище Победы

приковывает всех к прозрачному блюдечку иллюминатора. Игорь нацеливает

машину на 5300, бортрадист распахивает люк и со снайперской точностью

«укладывает» тяжеленную заброску почти у входа в пещеру. Балинский

поднял палец, на что бортрадист только снисходительно оттопырил губы,

дескать, а как же, фирма!

— Хотите, посажу на 5300? — закричал Цельман.

Все засмеялись, даже Галкин не выразил желания участвовать в этом

эксперименте при всей любви к авиатранспортным средствам перемещения

во времени и в пространстве. Сели на 4300. Под самый маршрут! Минут

через сорок Игорь прилетел снова, доставил тех, кого не смог поднять

первым рейсом, а также Опуховского. Лев Евгеньевич выглядит

именинником. Да он и так именинник. Завтра у него день рождения, и он

проведет его здесь на «эльчибековской» стоянке, в кругу прекраснейших

вершин Кок-Шаала и Тенгри-Тага, в кругу друзей. Всем бы такой старости.

Такой пронесенной сквозь жизнь способности радоваться красоте земли,

доброму товариществу, рюкзаку за спиной...

Десятый час утра. Собрались, простились с Опуховским, пошли на гору.

Был наст, он хорошо держал, а легкий ветерок освежал даже в глубоких

мульдах, где при столь ярком солнце, пожалуй, пришлось бы пропариться до

семи потов. Словом, к 5300 поднялись сравнительно легко, разобрали

сброшенный с вертолета ящик, устроили обильный ужин. В пещеру полезли

не сразу. Очень уж был красивый закат. Пожалуй, даже слишком красивый.

Не к ненастью ли?

Утром вышли около восьми. Опасались, что после столь затяжной

непогоды маршрут будет перегружен снегом, но нет, снега оказалось даже

меньше, чем во время акклиматизационного выхода. Прежние следы замело,

топтали заново, но проваливались лишь по колено — для Победы это совсем

пустяки. Облака беспокоили. Белесая мгла. Нет, не зря вчера выдался столь

роскошный закат. На 5500 ударил такой заряд снега и ветра, что, когда перед

выходом на гребень они уткнулись в бергшрунд, всем разом пришла идея

разведать трещину: нельзя ли в ней отсидеться?

Залезли, вырыли нишу, поставили чай. Сверху струились потоки снега,

приходилось отряхиваться. Когда белые ручьи поубавились, а небо

посветлело, пошли дальше, с облегчением обнаружив крепкий наст там, где

при забросе тонули по грудь. К пещере на 5900 подошли засветло. Пещера

просела, пришлось чистить, но, когда ночью поверху прошла лавина, они

даже не почувствовали ее. Озабочены были другим. Захандрил Галкин.

Шиндяйкин сунул градусник — 37,8! Решили, что, если к утру температура

не спадет, Галкин и «док» уйдут вниз.

Утром Галкину лучше. Высунулись из пещеры, ветер сносит с ног,

видимость неважная, но все в добром здравии, в настроении, решили идти.

К четырем дня были на 6300. Рыть пещеру негде, принялись искать

место для палатки. Пока все занимались «строительством» площадки,

Балинский и Кочетов подошли к вмерзшему в гребень занесенному снегом

телу, начали откапывать. Ветер достиг ураганной силы, работать стало

неимоверно трудно, однако дело сделали, умудрились даже подготовить груз

для пробного «захвата». Вечером взялись мерить себе температуру. И тут

обнаружили, что за тридцать семь не только у Галкина — у всех!

Пообсуждали открытие, посоветовали «доку» написать на эту тему ученый

труд, улеглись спать. О том, чем приходилось заниматься, чем придется

заниматься завтра, старались не говорить. В такой обстановке, какая бывает

на 6400, в пургу, на Победе тени погибших располагают к невеселым мыслям

вдвойне.

Немногим лучше выдалась погода и на утро 12 августа. Даже не

надеялись, что Игорь прилетит. Но он прилетел, принялся за работу, сделал

первый заход. Он шел довольно точно, но «кошка» зацепилась за карниз,

пришлось начать сначала. Не удалась и вторая попытка — «кошка»

подцепила петлю, но подцепила ненадежно, и пробный груз, сорвавшись,

проскользил метров на сто вниз по склону. Тут погода испортилась вконец, и

Цельман улетел в базовый лагерь. Все с облегчением перевели дух. Конечно,

Игорь летчик незаурядный, но смотреть на эту воздушную акробатику —

занятие не из легких. Балинский с Кочетовым спустились за грузом, с

большим трудом вытащили его к палатке, в то время как двойка Стрельцов

— Артюхин поднялась на 6500. Здесь, в скалах, они обнаружили обрывки

палатки, а в ней человече скую фигуру, превратившуюся в лед.

— Что у вас там, — закричал снизу Балинский, заинтригованный их

долгим молчанием, — нашли что-нибудь?!

Стрельцов сбросил вниз веревку, Кочетов и Шиндяйкин подошли на

помощь. С верхней страховкой они спустили эту трагическую глыбу льда на

6400, а Женя и Семен Игнатьевич остались на 6500, решив здесь, в пещере, и

заночевать. Из трещины сильно дуло, было очень холодно. Да, еще одна

палатка на группу явно не помешала бы... Но тащить...

Мглистое, туманное утро. Все, что выше, в шапке непогоды, собственно,

там, наверху, она и не прекращалась. Все очень сурово, но в том, что Игорь

прилетит, никто не сомневался. И он прилетел. Точно, рядом с палаткой

«положил» питание к рации, затем начал прицеливаться к захвату груза.

Долго не везло. Только подлетит к площадке, на 6400 наплывал туман, а едва

вертолет разворачивался вспять, ребро открывалось, и можно было видеть,

как Толя Балинский разочарованно опускал изготовленный к съемке

фотоаппарат.

Снизу, растянувшись по ребру, показались связки ленинградцев. Они

прошли мимо, стараясь не глядеть на то, что лежало в снегу неподалеку от

палатки. Не очень вдохновляющая встреча для того, кто идет на Победу. Тем

более тринадцатого числа. . Снова появляется Цельман. Грохочет гул

двигателя, стократ преображенный устрашающе близкими скалами и льдами

Победы. Наплывает туман. Вот-вот и «окно» закроется. Галкин у самого

груза. Он делает отмашку руками, невольно стараясь хоть как-то помочь

Игорю. . Успеет Цельман, не успеет? Схватил! Вертолет круто пошел вниз,

рывок, груз оторвался от фирна и, словно пущенный из рогатки камень,

нагнал вертолет. Удар! В лопасти! Страшный треск! И сразу туман, он

надвинулся как занавес, а они, ошеломленные неожиданной бедой, все

смотрели в мятущиеся клочья тумана, туда, где исчез вертолет. Бросились к

палатке. Настроили рацию. Надо связаться со Звездочкой, с базовым лагерем

ленинградского «Спартака», ведь если Игорю удастся сесть, он сядет только

на Звездочке!

— Алло, Звездочка, Звездочка, я Галкин, Игорь у вас? Звездочка!

Цельман был на Звездочке. Из четырех лопастей повреждены три, но

Игорь все-таки исхитрился машину посадить. Буданов выдал экипажу по

чарке спирта, и летчики отметили свое второе рождение. От сердца отлегло.

Все остальное казалось мелочью, главное, Игорь жив, экипаж жив, остальное

поправимо. Галкин собрал рюкзак. Он идет вниз. Необходимо выяснить, что

с вертолетом, и, если машина вышла из строя, надо выбираться на Большую

землю. Старшим группы остается Балинский. Задача прежняя — пик Победы

и, если останутся силы, спуск погибших. Галкин замолчал, оглядел

собравшихся. Кто-то должен идти с ним, и он подумал об Артюхине. Все-

таки тяжело Семену Игнатьевичу на Победе, а с другой стороны. . Нет, раз

хочет, пусть идет. Ребята молодые, у них еще будет возможность, а для

Артюхина, может быть, это последний шанс!

— Шиндяйкин! Собирай рюкзак!

— Ну почему каждый раз я? Виктор Тимофеевич! Ну почему я?

— А кто же еще? Не может же начальник экспедиции путешествовать

без персонального врача! Положено!

Галкин шутил, а настроение хуже некуда. Чего уж там, это ЧП. В самое

неподходящее время. И. . жаль Победу. Жаль, что ему не удастся на ней

побывать. Вот счастье, кому удалось, кому еще удастся это сделать!.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ДУБЛЬ. БОРИС ГАВРИЛОВ

Их было шестеро. Заведующий кафедрой химии Курганского

машиностроительного института, кандидат технических наук, мастер спорта

Александр Рябухин, научный сотрудник Института медико-биологических

проблем, кандидат технических наук, мастер международного класса Борис

Гаврилов, кандидаты в мастера аспирант Челябинского политехнического

института Владимир Художин, преподаватель Челябинского автомобильного

училища Геннадий Сидоров, преподаватель Челябинского

политехнического
института
Станислав
Бедов
и
старший
научный

сотрудник
Уралниистромпроекта Валерий Мокшанцев. Как и в 1967 году, командой
руководил Рябухин, и он рассчитывал взять реванш за ту кончившуюся
лично для него неудачей первую попытку. И потом траверс 1967 года
челябинцы сделали «с натягом», через силу, а теперь хотелось доказать, что

Победу можно пройти легче, умелей. Что касается Гаврилова, то и у него был
свой интерес. Пройти траверс с запада на восток значило пройти по ветру. А
вот если против ветра? С востока на запад? Наверное, это будет потрудней, и,
стало быть, как не принять участия в столь заманчивом предприятии? Тем
более здесь, в родных краях...
Борис жил когда-то во Фрунзе, здесь, в Киргизии, начинал. Ему было
лет четырнадцать, когда отец, Аркадий Евдокимович Гаврилов, впервые взял
его с собой в Ала-Арчу, на альпиниаду, проводившуюся в районе ледника
Адыгене. Отец имел по альпинизму второй разряд, звание инструктора. А
еще будучи инженером-механиком, он работал в центральных мастерских
Киргизского геолого-управления и по долгу службы часто выезжал в
разведочные партии, разбросанные по всему Тянь-Шаню. Нередко с ним
ездил и Борис. Нет, он никак не походил на эдакого сынка обеспеченных
родителей, лелеющих своего вундеркинда под оранжерейным колпаком. . Да
и отец, всегда собранный и строгий, мог со стороны показаться скорее
педантом, сухарем, нежели чадолюбивым папашей; «патоки» в этом доме не
любили. И чуть ли не с восьмого класса у Бориса были и настоящие горные

ботинки, и штормкостюм, и рюкзак, и ледоруб, и спальный мешок, и лыжи, и
всяческая литература о горах, альпинизме — справочная, учебная,
географически», которую он постоянно штудировал, то заучивая наизусть
высоты Анд и Гималаев, то тренируясь с закрытыми глазами в завязывании
охватывающего узла. Комната Бориса в ту пору — мансарда деревянного
коттеджа с крутой скрипучей лестницей и почти всегда открытым окном. В
окно видны горы. Стол, кровать, самый спартанский интерьер. Всегда чисто,
убрано, всегда все на месте. Так воспитывался. Так привык. Подобная
организация жизни позволила и серьезно учиться, и всерьез заняться
альпинизмом.

Школу окончил с медалью, поступать в институт уехал в Москву, в
физико-технический. Теперь ближе стал Кавказ, зачастил туда, со временем
вписав в свою альпинистскую книжку все наиболее известные маршруты,

вплоть до траверса Безингийской стены. Но первую пятерку сделал опять-
таки в Киргизии, в Ала-Арче, осуществив мечту еще школьных лет,
представлявшуюся такой фантастически-дерзкой и невозможной, — траверс
башен Короны. Оказывается, и это по силам. Что дальше?

Известному высотнику Борису Романову обязан приобщением к
Памиру. Первый в жизни семитысячник — пик Евгении Корженевской с юга
принес и первую спортивную награду — серебряную медаль первенства
страны.

Затем экспедиция на Тянь-Шань. Руководил сам, задумав пройти один
из сложнейших и еще никем не хоженных высотных

маршрутов — траверс
шеститысячников хребта Тенгри-Таг. Во время забросок поднялись на пик
Чапаева, на пик Горького, освоив таким образом самые значительные
вершины гребня. Однако при спуске с пика Горького поспешили, попали в
лавину, щедро предоставив начинающему врачу Шиндяйкину целый
комплект открытых и закрытых переломов, ушибов, колотых и резаных ран
— для практики.
Такие случаи разбираются в соответствующих комиссиях, и
руководителю группы обычно выдается по первое число. Получил свое и
Борис. Все же эта история его отношения к высоким горам не изменила, и
через два года он вновь был на Иныльчеке, поднявшись в составе команды
Бориса Романова на весьма и весьма уважаемые вершины — Шатер и Хан-
Тенгри. Так укрепился в амплуа высотника и, когда челябинские альпинисты,
только-только вступавшие на подвижническую стезю высотных
горовосхождений, пригласили к себе на пик Ленина в качестве консультанта,
не отказался, отправился с ними на Памир, а через год с ними же ушел на
траверс Победы. В 1969 году они были снова вместе, совершив сложнейшее
высотно-техническое восхождение на пик Коммунизма по стене с ледника
Гармо.
Так что к новому траверсу Победы подготовились основательно,
схоженности на всю жизнь хватит, не меньше. Удастся ли только этот дубль?

Повезет? Ну хотя бы с погодой?
Вначале все складывалось самым благоприятным образом. Был наст, и
траверсанты за один день от 4700 поднялись на Чон-Терен.

Еще два дня, и
они на Восточной Победе. Во время акклиматизационного выхода команда
смогла пробиться от Инильчека к Чон-Терену только за пять дней, а до цели
выхода — пика Военных Топографов так и не дошли, ограничившись
высотой 6700, хотя потратили тринадцать дней. А тут четыре дня, и
Восточная вершина! Что значит погода, разное состояние снега на одном и
том же маршруте, что значит с умом проведенная акклиматизация!
Отличная погода! Как жаль, что она начинает портиться. Буран настиг
на подъеме к пику Советская Армения, и они два дня отсиживались,
откапываясь через каждые два часа. Палатки были по конек в снегу, затем и
вовсе оказались в глубоких ямах, куда бесконечно струились сыпучие
снеговые волны. Пошли дальше, надеясь, что уж на крутом-то склоне вновь
появится наст. Но эта надежда не оправдалась. Каждая веревка давалась с
неимоверным трудом, они буквально плыли вверх по грудь в снегу. А ведь
было круто, во время траверса 1967 года они проходили здесь по льду, это
был
один
из
самых
технически
сложных
участков
всего
двадцатикилометрового пути..
За день пробились. С пика Советская Армения сквозь дымные
полотнища снежных флагов перед ними открылось грандиозное зрелище
Главной вершины, ее восточных склонов. Впечатление было такое, будто они
никуда еще не поднимались, будто они все еще находятся

внизу, на леднике,

и что им еще только предстоит сделать первые шаги. Не было лишь прежних

сил. Они остались в оплывающих снегах только что преодоленной крутизны,

и чйля-бинцы снова шли на пределе, почти так же, как в 1967 году; впрочем,

сравнивать мог только один человек — Борис Гаврилов.

День поднимались на гребень Главной вершины, день тянулись по

гребню. Появился наст, но уже сказывалась и высота и усталость, так что

продвигались медленно, куда медленней, чем планировалось, даже со

скидкой на непогоду. А погода все не улучшалась, и на вершину взошли в

тумане. Видимость была скверной, и все же Борис узнал место, где в 1967

году отсиживались трое суток.. Неужели это вновь повторится? Хотелось

найти оставленную тогда записку, но тура обнаружить не удалось. Заноче-

вали.

Утром 9 августа Бедов и Гаврилов вновь отправились на поиски. Они

прошли две веревки и сразу же наткнулись на тур. Но это оказался тур с

запиской Люси Аграновской. . Тур 1967 года разыскать так и не удалось, а

ведь Борис сам оставлял записку на вершине Победы. Снесло бураном?

Замело снегом?

День ясный. Солнце. Как будто вполне хорошая погода. Но какой

сильный ветер! Какой дикий холод! Надо скорей уходить с вершины, но от

палатки зовет Рябухин. Саша говорит, что приболел Художин. В общем,

ничего страшного, все чувствуют себя не очень здорово, но посмотреть надо.

Потеплей укрыли. Напоили горячим чаем. Дали таблеток. Потом начали

собираться. Разгрузили рюкзак Художина. Володя стал возмущаться,
дескать, с какой стати, ни в коем случае; он продолжал ворчать и на спуске, и
эта воркотня выглядела вполне убедительно: он был в команде самым
сильным и лучше всех работал. Ему даже Борис Гаврилов завидовал. А уж
Гаврилову грех сетовать на свое здоровье — второй раз на Победе. Таких,
как, он, всего три человека и есть на свете на всю альпинистскую братию.
Розин, Студенин да он, Гаврилов. Но у Гаврилйва оба раза траверс. Туда и
обратно. И тут уж он единственный.
К четырем часам спустились на 7300. Скальный гребень непрост, а
погода испортилась окончательно. Поставили палатку, заночевали. Володя
чувствовал себя нормально, и это как-то успокоило. А главное, вершина была
за плечами, теперь лишь небольшой подъем на Важа Пшавела и снова вниз,
вниз, до самого Дикого, до базовых лагерей и встреч с друзьями. Но утром 10
августа мела пурга, и она продолжалась весь день. Только веревочную
оттяжку и можно было разглядеть в вихре летящего над гребнем снега, и они

не рискнули свернуть палатку. Решили отсиживаться, и это казалось тогда
единственно возможным решением. Если б они знали, что Художин болен!
Если б люди умели отличать на семи тысячах больного человека от
здорового!
К вечеру у палатки раздались голоса, скрип шагов, и в палатку, раздирая
смерзшееся кольцо входа, просунулась чья-то заиндевевшая голова,
показалось чье-то лицо, покрытое коркой льда. Это был Студенин.

«Казахи», как и челябинцы, заявившие для участия в первенстве траверс

Победы, имели право выйти на маршрут лишь спустя пять дней после

соперников. Поэтому базовый лагерь на леднике Звездочка покинули только

2 августа в 3.30 ночи и налегке, минуя лагерь 4700, по крепкому фирну

поднялись к лагерю 5600, где были в 10 утра. Отдохнули, затем пошли на

Чон-Терен. Во время предварительных выходов здесь были натянуты перила,

и потому ни бергшрунд, ни заснеженные скалы при подъеме на седловину

особых трудностей не составили. Запуржило, повалил снег, но, прежде чем

обязательная для Победы буря успела развернуться во всю свою

впечатляющую мощь, «казахи» достигли пещеры, вырытой во время за-

бросок. Буря продолжалась и весь следующий день. Связывались по рации с

базой, с другими группами — везде одно и то же. Отсиживались.

Отсыпались. Пекли блинчики. На следующий день все то же, разве что

вместо блинчиков — суп с клецками и салом. Правда, к полудню небо

расчистилось, но снегу навалило столько, что тратить силы на барахтанье в

лавиноопасных сугробах не очень хотелось.

Выползли из пещеры 5 августа. Утро отличное, но снегу, снегу... С

облегчением встретили скалы, хотя и пришлось работать с крючьями, а

кончились скалы, снова снег, да такой, что зарылись в траншею, чувствуя,

как перегружен склон, как в любое мгновение может сойти лавина. . Погода

вновь стала стремительно портиться, и, когда опять вышли на скалы, когда

преодолевали ледовую стенку, ветер достиг ураганной силы, такой, что

буквально отрывал от стены. Приходилось пережидать его порывы — и все

же продолжать движение, потому что рыть пещеру было негде, а ставить

палатку представлялось чистейшим безумием. Так и шли, пронизываемые

насквозь, зная лишь одно, что останавливаться ни в коем случае нельзя, пока

на снежном взлете не наткнулись на пещеру челябинцев. Это был щедрый

подарок. Час работы по расширению — ночлег готов. Страшная погода за

стенами пещеры. Впрочем, как запишут «казахи» в своем отчете,

«характерная для района».

Имя начальника геологической партии из Чимкента, мастера спорта

международного класса по альпинизму Бориса Студенина получило

известность после того, как в 1966 году со своей командой он успешно

прошел вариант мышляевского маршрута по северной стене пика Свободная

Корея. Затем Студенин обращается к высотному альпинизму: он делает

восхождение на пик Ленина, поднимается на Хан-Тенгри, а вслед за этим

осуществляет сложнейший траверс шестой категории трудности Хан-Тенгри-

Шатер. Был он и на Победе, через пик Важа Пшавела. Поскольку своим

траверсом 1967 года челябинцы решили здесь последнюю, казалось бы,

альпинистскую проблему, Студенин задумал встречный траверс, с востока на

запад, то есть против ветра. Поговаривали еще и о том, что траверс на восток

— дело нехитрое в техническом отношении, что куда сложней спускаться с

Победы после траверса на ледник Дикий через скальные

пояса пика Важа

Пшавела. Что ж, этот отрезок пути Студенину уже знаком, можно и

попробовать. .

Погоду утром 6 августа даже с большой оговоркой нельзя было назвать

сносной; но все же сквозь залпы снеговых зарядов подчас брезжили неясные

просветы, а виднеющиеся в эти просветы фирновые склоны давали надежду

на то, что в случае чего можно будет зарыться в фирн. Поэтому решили

выйти, и не пожалели об этом, потому что, прежде чем буран вновь набрал

силу, они успели подняться до 6800. Здесь вырыли пещеру, закопались,

истратив остатки муки на клецки. Клецки на 6800! Пожалуй, это было

осуществлено впервые в истории отечественной кулинарии.

Утром 7 августа поздравили Студенина с днем рождения. Победа по

этому случаю одарила хорошей погодой, но вскоре опять началось то, к чему

они как будто начали даже привыкать. Они продолжали подъем, то и дело

выходя на скалы, надеясь таким образом спастись от снега, в котором они

тонули чуть ли не по плечи. Потоки снега! Они струились по склону, заливая

ступеньки, засыпая очки. С неимоверным трудом пробились на вершину

Восточной Победы, сняли записку Рябухина, начали искать, куда бы

приткнуться. Буря осталась ниже, под вершиной, но здесь был сильный ветер

да еще с туманом, а впереди маячил острый карнизный гребень, где нужен

был глаз да глаз. Облюбовали мульду, зарылись в пещеру, позволили себе

всяческие гастрономические и кулинарные излишества в виде балыка, икры,

а главное, жиденькой манной кашки и десяти литров

горячего киселя. Такой
тактики — отсиживаться лишь в самых крайних случаях — они старались
придерживаться и впредь, пока наконец не оказались на вершине. Вершина?
Да, это вершина, они извлекают из тура записку Рябухина. Что-то
непонятное с датами. Неужели они нагнали челябинцев? Достали
фотоаппарат для традиционного снимка, но шторки замерзли после первого
же кадра. Ветер бил прямо в лоб, и укрыться от него было негде. Ни минуты,
чтобы насладиться победой. Да и какая это победа? У них траверс!
Начали спуск с вершины. С Главной вершины Победы! Наст по-
прежнему очень тверд, а на север, в сторону Звездочки выгнулись хищные
спины карнизов. Первая сотня метров, вторая, третья... Ребята перемерзли, на
лицах зловещие маски льда, нужен отдых и хоть немного тепла, пусть даже
заключенного в пластиковой кружке растопленного снега. И тут они увидели
красную палатку. И вновь не сразу сообразили, что это челябинцы: ведь
Рябухин вышел пятью днями раньше, это могли быть только москвичи
«Буревестника», только группа Валентина Иванова, осуществляющая

встречный траверс!. Но это был Рябухин. Красная палатка, затерянная среди
завьюженных скал и снежных наметов! Студенин заглянул в палатку и сразу
понял, что там не все ладно. Теперь, если что, так только вместе...
Утром 11 августа видимость ноль. Сплошной, струящийся
горизонтально снежный поток. На разведку вышли Студенин и Рябухин,
прошли немного, надеясь разведать спуск, но вскоре вернулись: идти

немыслимо. Ребята за это время вырыли пещеру, с комфортом разместились,

челябинцы остались верны палатке.

В полдень в красной палатке принялись за обед. Сел и Володя Художин.

Ел, как все, даже попросил добавки. Саша Рябухин пошутил, что в таком

случае он, Художин, завтра потащит рюкзак.

— Конечно, — откликнулся Володя, — а чего вы меня разгрузили? Я

ведь не просил!

Тут ему вновь стало нехорошо. Связались с базовым лагерем на Диком,

началась лихорадочная консультация с врачами, что делать, как поддержать.

У Володи ни хрипов, ни кашля, только одышка. Сердечная недостаточность?

У такого тренированного человека? Стае Бедов взялся за шприц. Володя

отшучивался, ворчал по поводу уколов и вдруг, совсем уж неожиданно,

потерял сознание. Полтора часа искусственного дыхания рот в рот — тщет-

но. В это невозможно было поверить, ведь только что ели, шутили, ничего же

не случилось! Случилось! Володя Художин умер. Высота 7350 метров. Буря.

Спальные мешки, фигуры альпинистов покрыты мельчайшей снеговой

пылью, задуваемой ветром даже сквозь двойную, особой прочности ткань...

На ночь Рябухин решил соседям ничего не говорить, утром сказал.

«Казахи» тут же предложили свою помощь, и обе команды объединенными

усилиями приступили к тяжелейшей работе — транспортировке тела Володи

Художиима по гребню Победы к перемычке 6800. Базовый лагерь дал

указание похоронить Художина на гребне, а обеим командам немедленно

приступить к спуску.

14 августа команды начали спуск с Западной вершины.

По перилам преодолели верхний скальный пояс, заночевали в пещере-

трещине на 6700. Утром 15 августа сильный ветер, облачность, но дело все

быстрей и быстрей идет к развязке. Где с крючьями, где с перилами, а где и

просто спортивным способом траверсанты проходят средний и нижний

скальные пояса, держа направление на снежные увалы перевала Дикий. То и

дело они идут по следам спуска группы Боброва, и это непонятно: ведь

Бобров должен был подняться на Победу! Почему же он отказался от

восхождения, ограничившись подъемом на Важа Пшавела?

На перевале Дикий траверсантов встретили альпинисты Кабарды.

Трогательным было это внимание, которое так ясно дало понять, что траверс

позади. «Казахам» маршрут принес победу, челябинцам — горечь утраты

товарища...

. .Вечером следующего дня на гребне Победы в группе траверсантов

Валентина Иванова заболел Анатолий Георгиевич Овчинников.

ГРУППА БОБРОВА. ПОБЕДА. . БЕЗ ПОБЕДЫ

В свой второй акклиматизационный выход группа Володи Боброва

поднялась на 6400. Переночевав, оставили заброску, по знакомому пути

быстро спустились вниз на отдых в базовый лагерь. Выход на маршрут был

назначен на 3 августа. Но начался снегопад, склоны стали лавиноопасными, и

потому пятерка Боброва смогла выйти лишь 7 августа, имея самые серьезные

основания рассчитывать на успех. Еще бы! Два акклиматизационных выхода

на основной маршрут. Изучение, обработка ключевых участков. Пещеры и

заброски на маршруте. 100-процентный запас времени на случай непогоды.

Отличное снаряжение. Компактная, схоженная группа. Казалось, преду-

смотрено все. Правда, Саша Юриенштраус никогда не был на семи тысячах,

но он безупречно чувствовал себя на 6400, очень силен физически, прекрасно

подготовлен...

Удачно прошли ледопад. Снег спрессовался, позволял быстро набирать

высоту, в полдень были уже на 5200 у пещеры. Дальше идти не имело

смысла, так как до пещеры на 5900 не дотянули бы все равно. Решили

отдыхать. Да они и планировали ночлег на перевале Дикий — все по

графику!

Подъем в 6 утра. Но высунуться нельзя, ветер, пуржит, никакой

видимости. Ждали до одиннадцати, потом решились. Снег мягкий,

пушистый, траншея по пояс. Впереди активно работает двойка Сергеев —

Юриенштраус.

— Как пашут! — шутят в тройке Бобров — Глухов — Засецкий. — Даже

сменять неловко!

В пять вечера были на 5900. Пещеру засыпало, пришлось заниматься

раскопками, но к сумеркам управились. Когда темнота сгустилась, зажгли

факел, посигналили базовому лагерю: все в порядке, все идет как надо. . Все

шло как надо и на следующий день. Даже погода была хорошей. За два часа

работы они преодолели первый, самый сложный скальный пояс и уже в три

часа пополудни были на 6400 у заброски. Решили продолжать подъем и через

час были под вторым скальным поясом, на 6500.

Здесь их встретил ветер. Такой, что на удобной ровной

площадке все
впятером смогли поставить палатку только за сорок пять минут. Палатка
двойная, с болоньевым верхом, однако они боялись, что полотнище не
выдержит, лопнет по швам. Так продолжалось всю ночь. Ничуть не
улучшилась погода и утром, 10 августа. И все же они снялись с места.
Отсиживаться в столь ненадежном убежище, каким, в общем-то, является
палатка, не имело смысла. Тем более что, по рассказам предшественников, на
6700 есть хорошая трещина, в которой можно укрыться от любой непогоды.
На снежном склоне по-прежнему впереди работала двойка Сергеев —
Юриенштраус, на скалах — тройка Глухов — Бобров — Засецкий. Послед-
ние две веревки перед пещерой оказались особенно трудны. Вот тут-то
Володя, пожалуй, впервые заметил, что Саша Юриенштраус не совсем в
порядке. Что-то с координацией движений. . Хотя какая может быть

координация, если ветер буквально бросает на склон, а лицо залеплено
снегом, а гул, рев такой, будто рядом прогревают турбореактивный
двигатель!
Ночь провели в трещине. Здесь было тихо, донимал только жгучий
холод, тянувший изо всех щелей. Одиннадцатого попытались выйти, но
буран вновь загнал в пещеру. Саша возмущался. Он не понимал, почему надо
отсиживаться, чего-то ждать, он рвался в бой. Пожалуй, он чувствовал себя
лучше всех. Прекрасный аппетит, завидный сон; пульс, дыхание — все вне
подозрений. ...Тогда что же с ним было? Показалось?
Двенадцатого двинулись дальше. Шли на «кошках», и

крутизна
требовала точности. Недалеко поднялись, метров на пятьдесят, как всем
стало ясно, что Саша Юриенштраус продолжать восхождение не может.
Явная утрата координации движений. Каждый шаг мог обернуться бедой, а
сам Саша даже не замечал этого; стоило немалого труда объяснить ему,
почему надо поворачивать назад, в пещеру, хотя погода вполне ходовая и они
так близки к вершине. Что делать? Неужели придется отказаться от вполне
реального шанса побывать на Победе?
Слава Глухов предлагает принять его жертву. Он остается в пещере с
Сашей, остальные идут наверх. Что ж, такие ситуации бывали. Здесь же, на
Важа Пшавела, когда в экспедиции грузинских альпинистов заболел
Хергиани-младший. Была такая же ситуация и на пике Коммунизма в 1968
году, когда приболел Сулоев. . Тогда тоже казалось обидным отказаться от
рекордного траверса только потому, что кому-то слегка занедужилось. .
Итак, решение принято. Слава Глухов и Саша Юриенштраус остаются в
пещере, остальные идут к вершине. Нет, не на Победу. На Победу нет
времени, они только взойдут на пик Важа Пшавела, он совсем рядом. В два
часа дня вышли из пещеры, в четыре были на вершине. Здесь тихо,
безветренно, минут сорок погрелись на солнышке, оставили записку
Овчинникову, сожалело том, что встреча не состоится, и уже в шесть вечера
были в пещере, рядом с товарищами.

Утром вниз. Была мысль, что еще успеют вновь вернуться на Победу, и
потому на каждой стоянке делали опись оставшихся

продуктов и

снаряжения. . Спускались быстро. За один день от 6700 до базового лагеря.

Саша шел сам, состояние его постепенно улучшалось, и все же, когда они

появились в лагере, врач Олег Сорокин прежде всего спросил:

— Что с Сашей?

Это была мозжечковая гипоксия. Видимо, верхним пределом для Саши

был рубеж 6500, и тут уж ничего нельзя поделать, высотный альпинизм не

для него. А так ничего страшного. Отлежится, отдохнет — все войдет в

норму. Хорошо, что Володя Бобров вовремя все заметил. Хорошо, что группа

смогла найти правильное решение, нашла мужество осуществить его. Да, они

не были на Главной вершине. Но кто скажет, что они не одержали победу?

ДВОЙКА ГАЛКИН — ЦЕЛЬМАН

Спустившись на Звездочку, в лагерь ленинградцев, Галкин тут же

устремился к вертолету, к Цельману. Как он только умудрился сесть, Игорь!

Однако неприятности будут. И значит, одного его оставлять нельзя, вместе

заваривали, вместе хлебать. А главное, район остался без вертолета, наверху

несколько групп, а в базовых лагерях десятки и десятки людей, не дай бог,

кто заболеет. . Да мало ли что может случиться! Словом, срочно нужен

вертолет. Вызывать по рации? Гиблое дело, кто им даст вторую машину и

когда это будет? Нет, надо самим быть в Алма-Ате: и Игорю, и ему, Галкину.

Надо ходить, объяснять, просить... Не может быть, чтоб они не выбили

второй вертолет. Ну хотя бы для того, чтобы перебросить на Звездочку

запасные лопасти. Но как оказаться в Алма-Ате? Причем срочно?

Вооружили летчика ледорубом, подобрали соответствующую обувку.

По Звездочке до Иныльчека, по Иныльчеку до языка ледника, до Чон-Таша.

Через трещины и промоины. Через стремительные потоки воды в скользких

ледовых желобах. Через моренные валы и воронки. Вброд через вздувшуюся

от паводка реку, там, где сносит даже верховых, а их и вовсе чуть не снесло,

не расшвыряло в разные стороны, не забило рты бешеной, с песком и галькой

пополам водой. Вот уж чего они никак не могли позволить, чтоб их не стало,

чтоб они не дошли до Майда-Адыра. Совесть надо иметь! Затащить на

Иныльчек такую уйму людей, а потом в самый критический момент предать

их, бросить как есть, дескать, выпутывайтесь сами как знаете, да еще в

придачу займитесь поисковыми работами по обоим бортам Иныльчека, от

Звездочки до Сарыджаза, а то и дальше вниз, по Сарыджазу, где они там,

Цельман и Галкин, далеко ли уплыли?

Так и выбрались. Не за двадцать семь минут, конечно, но дня за четыре

были в Алма-Ате. Каялись. Признавали ошибки. Выслушали все, что надо

было выслушать, но вертолет добыли. И лопасти. И тут же улетели на

Звездочку. И, подлетая к Звездочке, знали, что гул двигателя слышен на всех

маршрутах…

ГРУППА БАЛИНСКОГО. ШТУРМ

После ухода Галкина вся ответственность за ребят и восхождение легла

на плечи Толи Балинского. Смущала потеря двух дней, а с ними и темпа

восхождения, поубавились продукты и силы.

Взяли на учет все оставшееся продовольствие. Еще раз уточнили

порядок движения. Переночевали, утром поднялись на 6500 к пещере, где

провели вторую ночь, теперь уже в компании с ленинградцами, Стрельцов и

Артюхин. Холодно, сильный ветер, двойка ленинградцев сунулась было

выйти на маршрут и тут же вернулась в пещеру.

— Ну погодка! Что будете делать?

— Пойдем, пожалуй, — сказал Балинский, поглубже натягивая меховую

шапку-ушанку, которую так странно было видеть на альпинисте, — ждать да

догонять...

Наклонное плато объято мглистыми космами поземки. Но снег сдут,

топтать следы почти не приходилось. Благополучно преодолели ледопад и к

трем часам дня были на 6900. Дальше идти не рискнули. Холод пробирал

такой, что у Жени лопнула фляжка с сиропом, которую он засунул утром в

задний карман рюкзака. Заночевали на стоянке группы Люси Аграновской.

Пока все складывалось неплохо. Не обескуражило и утро 15 августа. Туман,

ветер, но ведь это и есть для Победы обычная погода, работать можно.

Часам к четырем подошли на 7200. Скальную гряду оставили слева на

ходу, решив, что снегу не так много и завтра можно будет пройти вдоль скал.

Часа два рубили площадку. Вымотались, замерзли, но палатку старались

ставить хорошо, на все дно, иначе не отдохнуть. А отдохнуть перед штурмом

надо обязательно. Видели, как правей прошли связки ленинградцев и тоже

начали моститься на ночь. В полутора веревках, не дальше. Стало веселей.

Кто-то есть рядом.

Сразу же раскочегарили примус. Судя по тому, как парни уминали

ветчину с томатом и уксусом, даже тушенку, самочувствие у всех неплохое.

А главное, была уверенность: завтра сделаем. Всю ночь шел снег, задувало,

но и это не испортило настроения: снег так снег, на то и Победа.

Приготовили на утро шоколад, воду, все то, что надо будет взять с собой. До

завтра!

Утром пожаловался на недомогание Володя Кочетов. Даже подумывал,

не остаться ли, но все же решил идти.

Первая связка вывалилась из палатки в восемь утра. Раньше не

решились, очень уж было холодно. Сразу же пришлось топтать снег, но и эта

работа не согрела, очень, очень прохладно, прямо-таки на пределе.

Ленинградцы попытались пройти правей контрфорса, прямо в лоб по скалам,

но вскоре отказались от этой затеи и перебрались к ним. Теперь их было

четырнадцать человек. Это сразу сказалось на темпе, и под вершину

выбрались лишь к середине дня.

Снегу стало поменьше, наст пожестче. Затем участок льда. Пришлось

бить крюк, навешивать перила, пошли еще медленней. Все мерзли. Две пары

толстых шерстяных носков, меховые шекльтоны, и все равно от «кошек»

проникал жгучий металлический холод, ноги деревенели, и Толя то и дело

подпрыгивал на передних зубьях, чтобы сохранить пальцы. Ребята ворчали.

Но что было делать, приходилось ждать, когда все пройдут, не будешь же

перед носом соседей снимать веревку.

Когда всех пропустили, рванули. Наст весь в снежных застругах, их

жесткие, как жесть, ребра сбивали с нужного шага. Склон был словно объят

дымом, мела поземка, и понять, что за погода, где небо, где кончается склон,

было невозможно. Очень странное состояние. Какая-то сонная оторопь.

Реальной была только боль со стороны правого уха и затылка — сюда бил

ветер.

— Не дрейфь, Кочет! — закричал Балинский.

— Что? — с натугой переспросил Володя.

— Не дрейфь, говорю, выше еще целый километр!

— Что? Какой километр? — Сквозь гул ветра Володю было едва

слышно.

— Километр еще, говорю! — кричал Балинский. — Победа — семь с

половиной, а Эверест еще тысяча метров! Больше даже!

Володя махнул рукой. Ему не до шуток, не до сопоставлений. Надо

переставлять ноги, тащить себя вверх, держа направление на три небольших

карниза, за которыми должна быть вершина. Время — пять сорок пять

вечера. Вперед выходят ленинградцы Игорь Рощин и Олег Борисенок, потом

Аркадий Маликов, потом Стрельцов, потом Семен Игнатьевич. Володю чуть

не задушили, его вытянули на гребень за веревку на «раз-два». Тут он

упустил рукавицу, вспорхнув, она пронеслась над склоном и исчезла. Но едва

вышли на гребень, сразу как обрезало, смолк гул, осталась за спиной метель,

а в глаза ударило чистое темно-синее небо и предзакатное солнце. День-то,

оказывается, хорош! Все, они на вершине! Тур!

На вытаявших из снега вершинных скалах было сравнительно тепло.

Отодрали лед с бровей, сфотографировались, договорились о спуске. Можно

уходить. Надо уходить. Шесть вечера, скоро сумерки, дорога

каждая минута

светлого времени, а они все никак не могли заставить себя подняться,

повернуться спиной к ласковым лучам вечернего солнца и, пересилив себя,

шагнуть в серый шквал острого снега, по-прежнему плотной, жутковато гу-

дящей завесой бившего из-за гребня почти вертикально вверх. И едва они

сделали этот первый шаг, как сразу каждому стало понятно, как трудно будет

им пробиться к своей палатке, как дорого станет им возвращение в мир

людей.

Когда они шли вверх, ветры били в спину. Теперь пурга хлестала в лицо,

они враз ослепли, оглохли, снег не только забивал очки, он нарастал ледовым

панцирем, и эту корку то и дело приходилось сдирать. Особенно доставалось

левой стороне лица, но оттирать некогда. С каждым мгновением дело

принимало все более нешуточный оборот.

—Тоха, я кончился! — прокричал Володя скввзь гул поземки. Он мог не

докладывать, это видно было и так. Нездоровилось — это не то слово, им

всем нездоровилось, людям всегда почему-то нездоровится на семи тысячах,

очень уж тяжело шел Володя.

—Женя, бери на себя Кочета! — кричит Балинский.

Женя кивает головой. Он хорошо себя чувствует, он полон решимости,

злости и Кочета так просто горе не отдаст. Главное, сбросить высоту. Как

можно скорее! Стрельцов обходит участок льда и, набирая скорость,

устремляется вниз.

За ним, стараясь не отстать, Кочетов. За Кочетовым Артюхин. Но Семен

Игнатьевич намерен спускаться так, как это положено делать на крутых

склонах, в три такта, лицом к склону, через каждые два шага страхуя себя

ледорубом. А Стрельцов бежит спиной к склону с ледорубом наизготовку.

Рывок, и Артюхин кувырком летит вниз, сдергивая, в свою очередь,

Балинского.

—Женя! — кричит Артюхин.

Толя загнал в наст ледоруб, задержался, задержал всех.

269

—Стой, Женя! — кричит Балинский.

Остановились, отошли к скалам, очищая очки от снега. Сумерки, можно

и без очков, но нет, нельзя без них, глаза мерзнут, и снег сечет их до слез!

—Я ничего не вижу, — сказал Толя, — погоди.

Женя посмотрел на Балинского. И ему стало не по себе. Обмерзшее,

залепленное белым лицо. Вялый голос. Неужели и Балинский?

Балинский отдирал лед вместе с ресницами.

—Погоди, — сказал он, — надо страховаться. Верней будет...

Они перешли в кулуар, Женя сел на снег, заскользил вниз, за ним все

остальные. Так проскочили веревки четыре.

— Стой! — закричал Балинский, опять пуская в ход ледоруб. Он все

пытается сбить темп, попридержать Женю, ему все кажется, что со

Стрельцовым что-то творится. Никак они не могут понять друг друга. А

Стрельцова бесят эти остановки, эта осторожность, на которую совершенно

нет времени, бесит медлительность Семена Игнатьевича, он чуть ли не

кричит на него:

— Ну что там опять такое?

— Стой, Женя! Нужна страховка. Сейчас улетим, не зарубимся! Давай

на скалы!

Стрельцов смотрит недоверчиво, он все пытается понять, что с

Балинским, здоров ли или тоже болен, тоже расклеился, как Кочет, как

Артюхин, очень уж он осторожен, Тоха!

—Какого дьявола, — кричит Женя, — ты что, не видишь, что с

Кочетом? Пошли! Снег держит!

Володя растерянно оглядывается: Балинский прав, нужна страховка,

нехитро «упорхнуть» до самой Звездочки. Но, может, прав и Женька,

спасение в скорости, да и как делать замечания, поучать, если сам обуза и

Женька старается для него, для Кочета!

Стрельцов взял ледоруб наизготовку и, высоко задирая ноги, помчался

вниз. Рванул Кочетова. За ним Артюхина. Семен Игнатьевич шел на

схватывающем узле, и это давало возможность маневра. Но какой уж там

маневр! Толя бежит наискось, подобрав кольцо веревки. Только бы успеть до

тех камней, только бы забросить за них веревку!

Рывок! Нет, не успел! Бросило через голову, заскользил вниз, надо бы

зарубиться, пока не набрал скорость, но куда там, он не один, а внизу такой

довесок, что хочешь ты этого или нет, а утянет до самой Звездочки! Была

тоска и отчаяние. Толя успел это почувствовать. Вот она, Победа, взяла все-

таки свое! Он подумал об этом искренне, как о чем-то свершившемся, но

одновременно продолжал надеяться, что все каким-то чудом образуется и

они благополучно остановятся. Он летел и подсчитывал, где это может

случиться — на 6200, на 5400 и не будет ли слишком поздно.

Задержались. Балинский тут же забросил петлю веревки за камень. Как

утихомирить Женьку? Никогда не видел его таким бешеным. Даже подумал,

дескать, сейчас я его успокою, стукну древком по башке, а там. . Чуть ли не

весело стало от этой мысли. Вот чего еще не было на Победе — хорошенькой

потасовки! И он снова начинает убеждать Стрельцова, что нужно перейти на

скалы, что это для них единственно надежный в сложившейся ситуации путь.

Собственно, Стрельцов должен был подчиниться. Ведь начальник

группы Балинский! Но, с другой стороны. . Стрельцов смотрит на скалы. Два

кальцитовых прожилка! Он хорошо помнит: теперь недалеко, еще метров

шестьдесят-сто, и будет палатка ленинградцев, совсем близко! Снова

взмолился Кочетов. Надо идти, хватит дискутировать, он давно не чувствует

левой половины лица, кончиков пальцев. Хочет Балинский, пусть они с

Артюхиным страхуются, пусть идут по скалам, пусть идут как хотят, надо

резать веревку пополам!

—Тоха, — закричал Стрельцов, — надо спасать Кочета, я режу веревку!

Он ударил по веревке ледорубом. Он рубил ее, а она не поддавалась,

только лед летел. Вмешался Артюхин, попытался помешать Стрельцову, но

лишь подлил масла в огонь.

—Ладно, — решил Толя, — пусть отвязываются... — Если и он,

Балинский, упрется на своем, тогда все развалится. А это конец. До утра

нужно дожить. Утром все войдет в норму.

Показалась ночевка ленинградцев. Только здесь стало ясно, на каком

пределе сил держался Артюхин. Уже не контролируя свои действия, он, как

был, в «кошках», полез в палатку спартаковцев, тут же искромсав днище

остро заточенными зубьями и лишь случайно не исковеркав оставленную под

спальными мешками кинокамеру. Забившись в угол, в спальные мешки,

Семен Игнатьевич пытался хоть немного согреться, и

уговорить его вновь

выйти на холод было невозможно. А спартаковцы шли следом, и Борис

Клецко, увидев испорченную палатку, высказал все, что думал на этот счет.

Что ж, он беспокоился о своих. И он был прав. Толя, как мог, извинялся,

сказал, что всех сейчас же уведет, но Семена Игнатьевича смог извлечь из

палатки лишь во втором часу ночи, да и то чуть ли не силком. У

спартаковцев остался ночевать только Кочетов, но и он потом решил

перебраться к своим, благо на этом участке были натянуты перила. Он

ввалился в палатку и сказал:

— Братцы, если я сейчас не выпью, я помру.

Так все намерзлись, такой бил всех озноб, что Толя дал согласие и

отмерил каждому по двадцать граммов. Запили водичкой, натаявшей к тому

времени в кастрюле, нагрели чаю, начали есть. Легли в третьем часу.

Выяснение отношений, все разговоры решили отложить до возвращения, а

потому молчали, каждый переживая случившееся про себя. Радости не было.

Да и рано было радоваться. Он был еще весь впереди, спуск!

Встали поздно. Слышали, как собирались ленинградцы, как прошли

мимо. Лицо у Володи разнесло, поморозился он здорово, и Толя не очень

спешил с выходом: надо было дать людям прийти в себя. Без особых

приключений спустились к пещере 6500. В пещере дуло, пришлось ставить

палатку. Зато разместились с комфортом, тут же принявшись за примус,

наготовив чаю, еды, благо недостатка в продуктах они не испытывали.

Самочувствие у всех было нормальным, улучшалось и настроение. Все же

говорить предпочитали на нейтральные темы. Скажем, о прихваченных
морозом пальцах. У Кочетова, например, таких было восемь на ногах и
несколько на руке. Словом, было о чем побеседовать. И ведь как обморозил!
Стоило снять рукавицу, чтобы отодрать с глаз линзу льда, и готово!
Начали спуск. Шли не спеша. Ребята могли взять темп и быстрей, но
Толя вновь стал их попридерживать: сорвется кто, не зарубится до самого
низа, круто, и лед...
К стоянке на 6000 спустились рано, однако, не мешкая, полезли в
пещеру. Стрельцов, перед тем как нырнуть в лаз, глянул вокруг, и тут ему
показалось, что вверху, на только что пройденном ледопаде показались и
исчезли человеческие фигурки. Но там никого не может быть, они
последние! Ребятам все-таки сказал, и, конечно, никто не поверил. Разожгли
примус, начали греть чай, оттаивать, отогреваться душой и телом, пока вдруг
в дыру входа не посыпались комья мерзлого снега. Гости! Самые неожи-
данные! И откуда, с Победы! Овчинников, Добровольский, Максимов. Опять
что-нибудь?

ПИК 6744. ОВЧИННИКОВ

Чаю. Еще и еще чаю. А пока пьют этот, надо поставить новую
кастрюльку, лишней она не будет. Когда траверсанты вышли с Дикого? Да,
правильно, седьмого августа, одиннадцать дней назад. Вышли в непогоду, в
мокрый снег, кто-то, прощаясь, прицепил к рюкзаку Эдика Мысловского
курицу, привезенную Галкиным из Тамги... И это было хорошо. Хорошая
была курица. Ее съели в первый же вечер в палатке наблюдателей под

перевалом Дикий, под вкрадчивый шорох снега. Под этот шорох уснули. Под
этот шорох проснулись, выглянули из палаток. Все в снегу, в тучах, в тумане,
горы исчезли, и, пока пересекали ледник, чтобы подойти под маршрут, никак
не могли отделаться от ощущения, что движутся по равнине и что этой
равнине не будет конца. Впрочем, это ощущение скоро прошло...

273

При разведке они поднялись к скальному контрфорсу за час. Теперь это
едва удалось сделать за два, а на гребешках, в кулуарах контрфорса темп и
вовсе снизился, хотя шли, можно сказать, по готовому, по навешенным
перилам. Очень много снега. Как он только держится на такой крутизне?

Затрудняло подъем и обилие «живых» камней. Очень сыпучий, разрушенный
склон, а маневрировать негде, двойки идут почти одна над другой.

И рюкзаки. . Они буквально отрывают от склона! Как ни придирались к
каждому грамму, как ни кроили и перекраивали список того, что и сколько
они смогут взять наверх, все же каждый рюкзак получился по 23-25
килограммов. Да и что удивительного, если предстояло проработать две с
половиной недели на одном из сложнейших высотных маршрутов!

За день прошли четырнадцать веревок. Еще две веревки снежного
взлета, бергшрунд, а выше положе. Даже можно встать на ночевку. Выше
ледовый сброс, он прикроет, если что посыплется сверху; надо ставить
палатки. Шесть вечера, самое время. Даже можно подготовить несколько
веревок на завтра, и Добровольский, Максимов и Олег Галкин, пока все

остальные заняты устройством лагеря, выходят на обработку маршрута. С

заделом жить легче. Даже спится спокойней.

Утром быстро проскочили подготовленный участок, вышли на ледово-

фирновый склон. Его по разведке они ещё знали, но дальше никто и никогда

не ходил, они первые. На фотографиях там просматривалась платообразная

ступень, и это давало какие-то надежды найти приемлемый путь на

перемычку.

На плато поднялись к полудню, одолев по плечи в снегу

стодвадцатиметровый и очень крутой взлет, оснащенный вдобавок двумя не

очень приятными бергшрундами. После такой работы ходьба по плато

казалась оздоровительной прогулкой, да и склон над плато, которым они шли

к перемычке, особых хлопот не доставил. Надо было только стараться не

потревожить наст: снегу на дюжину самых эффектных лавин, рассказывать о

которых было бы уже некому. 9 августа, 17 часов. Высота 5200. Первая

проблема траверса решена. Они на перемычке.

Вот тут-то нос к носу они и увидели впервые северную стену пика 6744.

Собственно, стена неожиданного впечатления не произвела, стена как стена,

но гребень, по которому они должны были к щей подобраться, их озадачил.

И пока все занялись палатками и кухней, Лева Добровольский и Егор Кусов

попытались пройти немного вперед — посмотреть, разведать, а если удастся,

то что-то и обработать. Вернулись озабоченные, покачивая головами: ну и

гребешок!

Утром снег, ветер, мороз, видимость до ста метров. И все же в 9 часов

двойка Иванов — Мысловский вышла на обработку гребня.

Отвесные скалы
в сторону ледника Пролетарский Турист. Огромные карнизы в сторону лед-
ника Дикий. Снег рыхлый, доверия к нему нет, а для того, чтобы добраться
до льда и надежно забить ледовый крюк, приходилось рыть глубокие ямы. К
полудню двойка прошла всего шесть веревок — половину гребня. Все
остальные сидели на месте ночевки и смотрели. Разминуться на гребне
нельзя и, значит, сменить уставших тоже. Погода испортилась совсем, двойка
начала рыть пещеру, чтобы там, на гребне, и заночевать. Что ж, такой вари-
ант предполагался, и все необходимое у двойки было с собой.
К часу следующего дня гребень остался позади. Для всей команды.
Наверное, все точно делали, вот и получилось. А ведь были участки, когда
приходилось идти без страховки — ее там просто немыслимо было организо-
вать! Проползли, вышли к большому бергшрунду, чей ледовый сброс был
виден даже с Дикого, стали думать, что делать дальше. Видимость до 30
метров, следы тут же заносит, высота 5300. За два часа вырыли пещеру,
залезли.
Вот и весь день.
За ледовый сброс Эдик Мысловский заработал ложку черной икры Это
было на другое утро. Без рюкзака, маятником он перемахнул на едва
заметную полочку, а там на «кошках» с помощью крючьев и ледоруба вылез.
Чистая работа. Честно заслужил ложку икры. Он получил ее на

пятисотметровом снежно-фирновом склоне, где команда наконец смогла
собраться воедино. Над склоном высилась стена. Она выглядела

внушительно, впечатляла мощью и крутизной, но неожиданно доставила
удовольствие от очень приятного лазания, тем более приятного после рис-
кованного копания в зыбком снегу. Хорошие зацепы. Удобные полки. Только
все сильней и сильней сказывается высота, все сильней мерзнут ноги, только
лица вновь и вновь обрастают льдом, только сверху беспрестанно текут
хвосты снега, только снегопад сокращает видимость до такой степени, что
трудно ориентироваться, только кончился сахар, да и все прочие продукты на
исходе, а до заброски еще далеко. Не думали, при всех поправках, что пик
6744 отнимет у них столько времени и сил.

Вечереет, вершину приходится откладывать на завтра, нужно думать о
месте для ночевки. А места такого нет. Между связками большой разрыв, и
последние подошли к первым уже в темноте. Начали рыть пещеру,
наткнулись на лед, удалось вырубить какое-то подобие траншеи, сели
рядком, тесно прижавшись друг к другу и укрывшись палаткой. Ничего
другого придумать было нельзя. Боялись не замерзнуть, боялись заболеть.

Бесконечная, невыносимо трудная ночь. Страшный холод: еще бы, почти
семитысячная высота, всего лишь в двух веревках от вершины! Едва
рассвело, Лева Добровольский и Валерий Путрин ринулись в работу,
прорубились сквозь карнизы на юг и уже через час топтались на вершине.

Радостные вопли! Радостные не только по случаю первой победы в траверсе.

Радостные прежде всего потому, что здесь, на южном склоне пика 6744,
давно солнце, здесь почти тепло, можно даже погреться. Лева и Валера как
должное принимают присуждение им по ложке черной икры.

Первые связки
начинают движение в сторону Важа Пшавела. Шесть веревок крутого гребня,
три из них трудные. Потом попроще, широко и полого, солнечно и тепло, а
под ногами великий хребет Кок-Шаал-Тоо, весь Тянь-Шань!
Остановились, однако, рано. Чуть ли не в четыре дня. После передряги
на 6700 надо было как следует отдохнуть, отоспаться, что они и сделали, с

облегчением убеждаясь в том, что предыдущая ночь, кажется, обошлась без
последствий. В 8 утра возобновили движение, оставив на месте ночевки
часть репшнура и «железа». Судя по всему, наиболее сложная в техническом
отношении часть траверса позади, и теперь появилась возможность хоть
немного разгрузиться. Впрочем, успокаиваться рано. Перед Западной
Победой острый вычурный гребень с карнизами в обе стороны. Сильный
ветер, мороз, видимость на пятнадцать-двадцать метров, не больше. Кончи-
лась передышка. Что ж, спасибо и на том.
К полудню подошли к вершине. Тут разделились, и первая четверка с
облегченными рюкзаками пошла на северный склон пика Важа Пшавела к
заброске. Никак не ожидали увидеть ее в таком состоянии. Погром. Грабеж.
И кто? Вороны! Как они тут оказались? На 6800? Все истерзано, исклевано,
цела только канистра, ну и, конечно, консервы. Вот счастье, что вороны
равнодушны к бензину, просто счастье! Нет, что делается! Никому ничего
нельзя доверить!
Внизу в прорехи облаков виднелся ледник Дикий, базовый лагерь.
Подошло время, Валя Иванов достает рацию, выходит на связь. Накануне во

время вечернего сеанса корреспондент «Комсомолки» Феликс Свешников
попросил подготовить радиорепортаж. Дескать, какие он, Иванов,
испытывает чувства, находясь на гребне Победы. Весь вечер под
аккомпанемент товарищеских шуток Валя царапал что-то у себя в блокноте и
вот теперь, едва лагерь откликнулся, бодро приступил к чтению:
—Я нахожусь на гребне легендарной Победы. Трудно описать то
волнующее чувство, которое приходится испытывать. Радостно сознавать...
Лагерь озадаченно молчал. Затем возник чей-то хмурый, недовольно-
встревоженный голос:
—Алло, «Траверс», что там с Ивановым? Если человек не в себе, дайте
рацию другому. Есть в группе нормальные люди, прием?
Долго не могли отсмеяться. Все ясно, вместо Свешникова у рации
оказался Шалаев, а он об интервью не знал. Сообщили, что все в порядке, что

можно за них не волноваться, что не понимают нервозности, прозвучавшей в
некоторых вопросах, все нормально!
— Записки с Важа Пшавела еще не снимали?
— Только идем. А в чем дело?
— Ну узнаете... До связи!
Вышли на купол, к вершинному туру Важа Пшавела. В туре была
записка Рябухина, узнали о смерти Художина. Вот оно что. . Палатки
поставили чуть ниже, в седловине на 6800, и все думали о Художине...
Утром 16 августа сильный восточный ветер. В хорошем темпе пересекли
склон Важа Пшавела, вышли к перемычке перед подъемом на Главную
Победу, начали набирать высоту. Сначала по фирновому склону, затем по

скальному гребню. Наверное, их хорошо видно из базового лагеря, там,

несомненно, наблюдают за ними!

Впереди вырос «жандарм» 7100. О нем были наслышаны по рассказам

ребят и потому узнали сразу, тем более что сохранились следы групп

Рябухина и Студенина; где-то здесь многие годы покоится тело Габлиани, а

вот теперь — и Художина.

—Что, мужики, тут и третья полочка есть. Ждет кого-то...

Невеселая шутка осталась без отклика, молча потянулись дальше. В

полдень вышли на 7200, решили отдыхать. Площадка хорошая, спешить

незачем. Конечно, время еще есть, можно дойти и до тура, но не ночевать же

на вершине! Да и усталость сказывается. Хватит на сегодня! Это тоже риск

— переработать перед решающим подъемом.

Начали топтать снег, ставить лагерь. Тогда, в те минуты, этому никто не

придал особого значения, это уже потом вспомнили, но Овчинников, чего с

ним никогда не бывало, изъявил желание первым залезать внутрь, залез, но

даже не смог принять рюкзаки, разобрать их, тут же уснув. Спал недолго. А

проснувшись, пожаловался на то, что знобит, что трудно глотать, словом,

заболел. Едва ли что еще могло так напугать ребят, как эта жалоба Овчин-

никова! Вот когда отозвалась холодная ночевка на 6744! Вот как наносит

свой удар Победа, украдкой, исподтишка и именно в тот момент, когда ну

просто некуда отступать!

Ну нет, они вовсе не намерены сдаваться! Горячее молоко, полоскание

горла фурациллином, вечером вышли на связь с лагерем. Вот счастье,

Шиндяйкин на месте. Долгая консультация, обстоятельные

расспросы и
ответы, наконец диагноз. Атрофия слизистой оболочки и, очевидно, гортани,
уплотненный комок, сузивший просвет трахеи... Горячий чай со спиртом.
Винный компресс на горло. Две таблетки тетрациклина через каждые четыре
часа, ну и полоскание. . И так всю ночь, стараясь не слишком шуметь, чтоб в
соседней палатке не услыхали, не догадались, чтобы спали спокойно. Пусть
хоть одна четверка хорошо отдохнет. Теперь силы понадобятся вдвойне.
К утру Овчинников почувствовал себя лучше. Тогда и возникло
решение. Теперь впереди идет Анатолий Георгиевич. Он задает темп. По
своим возможностям. Возможности эти, однако, оказались вполне
достаточны, чтобы уже в четыре часа пополудни подняться к вершинному
туру с записками Попова и Балинского, выпить горячего чайку, а в 17.30
приступить к спуску по северному ребру. Была хорошая погода, Анатолий
Георгиевич сносно себя чувствовал, и они смогли к сумеркам спуститься на
7200. Площадки были готовы — спасибо предшественникам, так что на
ночлег расположились быстро. Поужинали, связались с группой наблюдения,
и вновь перед ними возник вопрос, что делать дальше, на что решиться. С
улучшением самочувствия Овчинникова появилась возможность завершить
траверс. Но как? В каком составе?
Утро вечера мудренее. Солнце разбудило рано, в шесть часов, день
выдался на редкость приветливым, самочувствие у всех нормальное. Но нет,
рисковать все же нельзя, мало ли было таких ситуаций, разве забыть, чем они
кончались? Овчинников идет вниз! А это значит, что. . Тут сказал свое слово

Лева Добровольский. Он пойдет с Анатолием Георгиевичем. Он и Витя

Максимов. А больше некому. Иванову? Он капитан, должен довести траверс

до конца. Мысловский? Он в связке с капитаном. А остальные кандидаты, им

как раз этого траверса, этих медалей не хватает до мастерского звания, им и

идти. А за их тройку ребята могут не беспокоиться. Погода отличная, внизу

группы Балинского и Попова, в случае чего поддержат, а на Звездочке их

встретят наблюдатели и «док» Шиндяйкин — все как надо!

На том и порешили. Жаль, конечно, сходить с маршрута, когда все

трудности практически уже преодолены, но иного решения они не видели.

Все понимали, что Максимов и Добровольский отказывались от верных

золотых медалей, которых, по условиям первенства, они не получат, но что

ж.. тем хуже для первенства. Обнялись, распрощались, связки Иванов—

Мысловский и Путрин — Олег Галкин — Кусов энергично

протраверсировали крутой ледово-фирновый склон и вышли на плато

восточного гребня Победы, а тройка Добровольский — Овчинников —

Максимов пошла вниз. Из утренней связи они знали, что Балинский не

спешит, что ночевал на 6700 и что они при надобности могут его догнать. .

Что к полудню и было сделано. На 6000. Подошли к пещере, кинули в лаз

ком снега.

—Балинский

Анатолий Павлович, пенсионер, вторая группа

инвалидности, здесь проживает?..

КАКАЯ ОНА, ПОБЕДА!

Они спускались с горы. Теперь-то они наверняка были

последними,
разве что где-то в районе Восточной Победы стремительно продвигалась к
финишу пятерка Валентина Иванова, вдохновляемая наконец наладившейся
погодой, крепким настом, близким успехом и, конечно, тем обстоятельством,
что так счастливо все обошлось с Овчинниковым — это на семи-то тысячах!
Балинский, как и накануне, напротив, ничуть не спешил. Потом, на
очных и всяческих заочных разборах, их будут упрекать за эту
медлительность, высказывая догадки, что группа, дескать, вконец
расклеилась, делая суровые заключения по поводу «недостаточной

физической и моральной подготовки».
Балинского эти, несомненно, ожидавшие их назидания не тревожили.
Так всегда приходится спешить, так всегда в горах не до гор то из-за сроков,
то из-за ненастья, близкой ночи, тяжелой работы да мало ли из-за чего, что
возможность идти не спеша вниз, без нагрузки, солнечным ясным днем, по
надежному пробитому пути с пещерами и забросками, на виду
неправдоподобно прекрасной и только отсюда обозримой панорамы Тенгри-
Тага — такая возможность казалась столь редкостным подарком судьбы, не
принять который было бы непростительной оплошностью, безрассудством.
Конечно, то, что произошло накануне, на настроении все еще сказывалось, но
появление Овчинникова, Левы Добровольского и Вити Максимова, с
которыми были самые дружеские отношения еще по 1968 году, смягчало и
эту горечь. За разговором, за легкой, не лишенной приятности работой на
спуске они все больше и больше отходили от своих обид, от

оставшейся еще
взаимной досады, все более проникаясь радостью того главного, что им все
же удалось сделать.
Не было резона торопиться. Очень уж тепло, снег раскис, и им совсем не
хотелось разделить под занавес судьбу тех, кто был накрыт лавиной десять
лет назад. И хотя на 5300 они спустились рано, в пятом часу вечера, и за
оставшееся светлое время, наверное, можно было дойти до Звездочки,
искушать судьбу не стали, тем более что к их услугам была комфортабельная
пещера. И... заброска. Нашелся и веский повод для праздничного ужина —
день рождения Вити Максимова. Так что ужин затянулся, легли поздно и
наговорились обо всем досыта.
Утром все наверстали. За два часа без особых хлопот спустились на
4700, к подножию горы. Наконец можно было поздравить друг друга с
Победой. Все расчувствовались, расцеловались. Словно целую жизнь
прожили. Словно теперь начнется новая, совсем другая и прекрасная. У
Семена Игнатьевича на глазах слезы. Он умиляется каждому пустяку,
каждому приямку того близящегося мира, в котором есть зелень травки,

журчание воды, надежная земля под ногами, ну и, конечно, вертолеты...
От палаток бежали хозяева лагеря. Снова объятия и поцелуи, полетели
на щебень рюкзаки, появились громадные миски только что снятого с плиты
киселя, появились спальные мешки и куски поролона на теплых, прогретых
солнцем камнях — вот оно, полное счастье, вот минуты безудержного
наслаждения жизнью, всем тем, что она может предложить от

своих щедрот

людям, только что спустившимся с высот Кок-Шаал-Тоо.

После обеда распрощались с гостеприимной Звездочкой и в сумерках

были у себя, на Диком. Снова дружеская встреча, позднее чаепитие, но

Победа в разговорах все больше и больше отходит на второй план, потому

что каждый в мыслях уже дома, и каждый не знал, за что хвататься, столько

за эти два месяца накопилось дел. На следующее утро первым же рейсом

улетели Миша Леднев, Володя Кочетов и Женя Стрельцов. Один спешил на

свою Чарвакскую ГЭС, другой в плотничью бригаду, третий в Пржевальск,

на речку Джергалан, в затерявшийся среди террас и облепиховых зарослей

лагерь съемочного отряда, от одних палаток к другим, от победовских

маршрутов к маршрутам по неогену, палеогену, сколько нужно успеть до

первого снега! До первого снега! А они уже так «наелись» его в этом году!

. .Балинский? Балинскому спешить было некуда. Вот когда пришлось

вспомнить о своем позвоночнике, на Победе некогда было думать об этом.

Работа? Он не работает, и, как бы ни хотел, до конца года его никто на створ

не пустит: кто возьмет на себя такой риск? Ехать к Эле? А где она? Конец

августа, в альплагере пересменок, и, значит, все инструкторы наверху, делая

восхождения для себя, для души, а уж Эля и вовсе внизу отсиживаться не

будет. Где-нибудь на горе сейчас: то ли на пятой башне Короны, то ли на

шестой...

Наверное, он так и сделает. Вот только бы узнать, где Насонова, на

пятой башне Короны или на шестой? И когда спустится? И останется на

сентябрь работать в лагере или нет? Тогда бы и он поработал

в «Ала-Арче», в

последнюю смену всегда нехватка инструкторов. Взял бы себе отделение

новичков, сводил бы их на «единичку», на «двоечку», да потихонечку,

пешочком...

А там и домой. В Кара-Куль. Увидеть ребят. Нагрянуть на створ. Зайти к

Бушману. Удивится, наверное, Бушман, когда узнает о Победе, очки сдвинет.

А может, и не удивится. Скорей всего не удивится. Ведь они знают друг

друга, примет как должное. Только и скажет: ладно, все это хорошо, а вот

когда на работу, работать некому.

—Да я хоть завтра, Дмитрий Владимирович, не во мне же дело?

—Ну если не в тебе дело, завтра и выходи.

А потом добавит:

—С Победой тебя. Толя! Сделал все-таки. Какая она хоть, Победа?

...Что ж, теперь можно о ней и рассказать.

Содержание

Тоха 4

На щите 7

Сколько весит соль? 9

Это не беда 10

Ваня Морозов 14

Улица. Отец. Сулейманка 18

Самостоятельный человек. Примаков 23
Бушман. Здравствуйте, Дмитрий Владимирович! 28
Начало. Первые «единички» 31
Пик Ленина. Витольд Цверкунов 37
Джан-Туган. Миша Хергиани 40
Леша Каренкин 43
На пути к створу. Насонова 46
В одной связке 51
Билет до Кара-Куля 53
Токтогульский створ 55
Тропа. Казбек Хуриев 58
Участок освоения склонов 61
Володя Аксенов. Каракульская программа 66
Закол над выходным порталом 69
Беник Майлян. Отметка «1300» 72
Петр Федорович. Гостиница «Люкс» 92
Прыжок с 1300 97
Тоннель 102
С перекрытием вас, братцы!

..... 110
Створ без склонов
.....
117
Галкин. Первое знакомство
..... 120
Как являются шалые мысли
..... 122
Первая Памирская... Даешь фирновое плато!
..... 126
Внимание, внизу площадка!
..... 128
«Мы совершили прыжок на Памир!»
..... 131
«Док» Шиндяйкин
.....
133
Плато в альпинистской дозировке
..... 137

Неужели все это было?
.....
138
Крещение небом
.....
140
Пик Ленина. Группа Курочкина
..... 145
Группа Захарова. Вершина
..... 148
Группа Зыкова — Боброва. Полка 6100
..... 152
Фергана. Накануне
.....
155
«Держать нервишки в руках»
..... 157
Прыжок на 7100.
Петриченко.....
159
Мужество и отвага
.....
179

Площадка 7100. Сидоренко 182
Как быть с Морозовым? .....
184
Большая Саук-Дара .....
185
Пик Коммунизма .....
189
«Док», имей совесть! .....
192
Блеск вершины в глазах… 194
До Победы! .....
195
Выстоять!.....
199
Не перевелись еще богатыри... 207
Беззубкинский маршрут.....
211
Значит, жалоб нет? .....
213
Майда-Адыр. Вселенский съезд 217
Игорь Цельман. Рейс на ледник Дикий 221
Тренерский совет. Победа 225
Прикидка. Итак, северное ребро 233
Базовый лагерь. Посиделки поневоле 239
Везет же людям! .....
243
Второе рождение Игоря Цельмана 247

Челябинский дубль. Борис Гаврилов..... 252
Расчет по-студенински. Красная палатка 257
Группа Боброва. Победа... без Победы 261
Двойка Галкин — Цельман 264
Группа Балинского. Штурм 265
Пик 6744. Овчинников 272
Какая она, Победа? 279